

А К А Д Е М И Я    Н А У К    С С С Р  
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА  
ДУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК  
ПУШКИНСКОЙ  
КОМИССИИ

1980



ЛЕНИНГРАД  
«НАУКА»  
Ленинградское отделение  
1983

**Редакторы**

академик М. П. АЛЕКСЕЕВ ,

**С. А. ФОМИЧЕВ**

**Рецензенты:**

*В. Э. ВАЦУРО, Л. М. АРИНШТЕЙН*

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (восемнадцатый по общему счету) сохраняет традиционную структуру и посвящен в основном итогам изучения и популяризации А. С. Пушкина в 1980 г. Как и в предыдущих выпусках, редакция отдавала предпочтение работам, в которых на основании новых архивных разысканий, текстологического изучения рукописей Пушкина, наблюдений над литературными и документальными источниками его произведений вносятся уточнения в комментарии к его произведениям, что особенно важно в связи с начатой в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР подготовкой нового академического полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

Первый отдел выпуска открывается исследованием Г. М. Коки (1910—1971), в котором определена картина Рафаэля, вдохновившая Пушкина на создание одного из ранних его стихотворений (статья эта представляет собою текст доклада, сохранившегося в делах Пушкинской комиссии, и сопровождается соответствующими материалами, в которых освещается современное состояние затронутой автором проблемы). Далее следует статья С. А. Фомичева, в которой рассматриваются неоднократно обсуждавшиеся в пушкиноведении вопросы истории создания и жанра одного из оригинальнейших пушкинских творений — «Сцены из Фауста». В этом же разделе помещена статья В. Г. Загвозкиной, в которой впервые анализируются обнаруженные автором в рукописях Пушкина портреты Е. А. Баратынского. Статья Л. С. Сидякова уточняет реальный контекст (а вместе с тем и смысл) реплики Пушкина о Ф. И. Тютчеве; невнимание к данному контексту породило множество рассуждений об отношении Пушкина к поэзии Тютчева, более остроумных, нежели доказательных.

Во втором отделе помещен обзор литературы о Пушкине за 1980 г., подготовленный В. В. Зайцевой и продолжающий ее аналогичные библиографические перечни за предыдущие годы. Здесь же печатается обзор публикаций автографов поэта, обнаруженных в 1970-е годы (автор обзора — В. В. Головин).

По-прежнему довольно обширен третий отдел — «Заметки». Здесь уточняются факты биографии Пушкина, традиционные представления о пушкинских произведениях (время их создания, источники, историко-литературный контекст, значение реалий и т. п.). В частности, в сообщении Н. С. Нечаевой рассказывается о московской выставке 1880 г., посвященной торжествам по случаю открытия памятника Пушкину, а в рецензии Г. А. Тиме и Р. Ю. Данилевского анализируется новый перевод романа «Евгений Онегин» на немецкий язык.

В четвертом отделе помещены, как и ранее, материалы хроники работы пушкинских музеев страны, сведения о памятниках Пушкину в нашей стране и за рубежом, о пушкинских конференциях, праздниках, спектаклях и пр.

Напомним, что в настоящем выпуске «Временника» все цитаты из произведений Пушкина по-прежнему даются по Полному собранию сочинений (т. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949), если цитируемое издание не оговаривается особо. При ссылках на это издание римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы. Дополнительный, XVII том этого издания, вышедший в 1959 г., цитируется сокращенно: «Справочный том». Ссылки на рукописи Пушкина даются сокращенно: ПД (т. е. рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и — в случае необходимости — соответствующий лист автографа.

# I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. М. КОКА

## СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА»

В 1962 г. издательство Академии художеств (Москва) выпустило в свет книгу «Пушкин об искусстве». Ее составителем, автором вступительной статьи и комментария являлся Георгий Михайлович Кока (1910—1971), автор ряда работ на тему «Пушкин и изобразительное искусство». Две его статьи были опубликованы в предшествующих выпусках «Временника Пушкинской комиссии»: «Пушкин перед мадонной Рафаэля» (1964 [вып. 3]. Л., 1967, с. 38—43) и «Стихотворение Пушкина „Художнику“» (1970 [вып. 8]. Л., 1972, с. 100—109; здесь же, на с. 109, см. некрологическую заметку об их авторе). Книга Г. М. Коки «Пушкин об искусстве» свидетельствует о том, что его продолжали интересовать проблемы отражения творчества Рафаэля в произведениях Пушкина. В этой книге, последней, которую Г. М. Кока успел выпустить в свет, в частности, кратко говорится о найденном им источнике стихотворения Пушкина «Недоконченная картина» (1819). Об этом идет речь во вступительной статье (с. 27) и в примечании к этому стихотворению Пушкина, перепечатанному в данном издании: «Источник этого стихотворения не был установлен до последнего времени. Пушкин вспоминает Рафаэля, который ушел из жизни в расцвете своих сил, не докончив свое последнее великое творение, — картину „Преображение“». Обоснование этой интересной и несомненно справедливой догадки, однако, не могло быть дано в книге «Пушкин об искусстве» ввиду ее хрестоматийного характера, а также и потому, что оно требовало и большого объема и обстоятельных аргументов для доказательства этой гипотезы. Такая работа была произведена ее автором в виде особой статьи и оглашена в начале 1962 г. в форме доклада.

Статья эта опубликована не была, и мы печатаем ее в настоящем выпуске «Временника Пушкинской комиссии» по сохранившейся рукописи. В послесловии Е. А. Ковалевская дает несколько дополнительных соображений по поводу картины Рафаэля на основании новейшей исследовательской литературы о великом итальянском художнике.

*Ред.*

В 1828 г. Пушкин напечатал в «Московском вестнике» стихотворение «Недоконченная картина».

Чья мысль восторгом угадала,  
 Постигла тайну красоты?  
 Чья кисть, о небо, означала  
 Сии небесные черты?  
 Ты гений! ... Но любви страданья  
 Его сразили. Взор немой  
 Вперил он на свое созданье  
 И гаснет пламенной душой.

(II, 98)

«Недоконченную картину» Пушкин напечатал также в Собрании стихотворений (1829) под рубрикой 1819 года. Оно следовало за стихотворением «Я ускользнул от Эскулапа...», а далее было помещено «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной...»); «Недоконченная картина» включена и в состав собрания, задуманного им в 1836 г.

Стихотворение общеизвестно, но до сих пор оно не привлекало внимания исследователей.

В дореволюционное время «Недоконченная картина» была прокомментирована только однажды — Л. И. Поливановым.

«В этом наброске, — писал комментатор, — изображен гений, неизбежная жертва своей двойственной природы: художник угадает от страданий любви перед картиною, в которой он уловил черты красоты небесной, — романтическое выражение идеи, трагизм которой нашел себе у древних выражение в мифе о Семеле, сожженной Юпитером, ею призванным».<sup>1</sup>

Поливанов тут же отметил, что стихотворение было напечатано в журнале московских любителей «Московский вестник» и, по его мнению, «как нельзя более соответствовало по мысли своей эстетическому направлению журнала, усвоившего идеальное понимание искусства немецкой теории изящного». Мнение Поливанова принять нельзя. Неверен его вывод, что стихотворение Пушкина якобы соответствует немецкой теории изящного, т. е. идеалистическим философским основам немецкого романтизма. В действительности эстетика любителей из «Московского вестника» была чужда Пушкину. Миф о Семеле, рассказанный Поливановым, представляется очень далеким от конкретного содержания стихотворения, связь их никак не обоснована. Любопытно, что Поливанов, зная, что он говорит о совершенно законченном самостоятельном произведении, пишет: «этот набросок». Он, по-видимому, ощущал, что все рассказанное в стихотворении является фрагментом какого-то более обширного сюжета, но не знал, какого именно.

В 1936 г. Б. В. Томашевский обратил внимание на то, что «Недоконченная картина» и «Возрождение» напечатаны Пушки-

<sup>1</sup> Сочинения А. С. Пушкина. Издание Льва Поливанова. М., 1887, т. I, с. 74.

ным друг за другом. Он поместил их в однотомике также рядом и дал к ним общий комментарий; он сообщил, что оба стихотворения относятся к числу «так называемых антологических стихотворений аллегорического характера».<sup>2</sup> Иносказательное значение «Возрождения» бесспорно, оно объяснено в его заключительных строчках. Но как понять «аллегорический характер» «Недоконченной картины»? Б. В. Томашевский этого не объяснили и в дальнейшем также не возвращался к этой теме; в его монографии «Пушкин» стихотворение вовсе не упомянуто. Примечания во всех собраниях сочинений ограничиваются сведениями текстологического характера.

В стихотворении говорится о художнике, который погиб, потому что «любви страдания Его сразили». Художник не закончил работу над картиной, выдающимся произведением искусства, в котором он «восторгом» угадал и постиг «тайну красоты»; картина имела какое-то особое значение в его жизни, связана с его последними минутами. Художник — «гений». Но кто же он? Здесь есть какая-то недоговоренность. Неясно, что это все, собственно говоря, значит.

Не помогает и обращение к черновой рукописи, содержащей ряд интересных вариантов. Вот некоторые из них:

Скажи кого воспламеняла

Кто пишет в тихом упоенье  
Сей мира полный взор

Кто дал немым устам движенье

Кто сотворил воображеньем  
Сей огненный, сей важный взор

Кто слышал сердца разговор

Любовь! ... Но где поэта пламень

Бесчувствен он как хладный камень,  
Расторгнут с жизнью союз

В его душе одно страданье

Глядит на дивное созданье  
И гаснет пламенной душой

(II, 574)

Очевидно, что в центре композиции было лицо человека, исполненное сильного выражения («кто дал немым устам движенье»). «Сотворил воображеньем» нельзя сказать о портрете, который к тому же относился тогда к низшему жанру живописи; вернее всего, что «гений» создавал сюжетную композицию. Но о ком можно было сказать «сей огненный, сей важный взор»? Мужчина или женщина были изображены на «недоконченной картине»? Вариант «скажи, кого воспламеняла» говорит в пользу женщины. Но «огненный и важный взор» уводит нас в другую сторону. Может быть, воспламеняла художника какая-нибудь

<sup>2</sup> Пушкин А. С. Сочинения. Л., 1936, с. 866.



Видение Рафаэля. Иллюстрация в книге бр. Ф. и И. Риппенгаузен (Riepenhausen) «Жизнь Рафаэля» (Vita di Raffaello da Urbino. Roma, 1833).

идея, например «красоты», о которой здесь и говорится, а картина изображала божество? Соединение величия («важный») и милосердия свойственно христианской мифологии, и подобная задача ставилась тогда перед художником, пишущим на религиозную тему. Но всех этих догадок недостаточно, чтобы представить себе какое-то конкретное полотно. Для суждения о смысле стихотворения черновые варианты добавляют очень немного.

У современного читателя стихотворение вызывает смутные и неопределенные ассоциации. Трудно уmozаключить, куда оно направлено, где его место в лирике Пушкина, в чем его конкретный смысл.

Но нельзя забывать, что произведения Пушкина, предназначенные им для печати, если исключить вынужденные умолчания по цензурным соображениям, всегда общедоступны и общепонятны. Вероятно, и в данном случае говорится о таком явлении в искусстве, которое в то время было всем известно и лишь впоследствии оказалось забыто. Следует полагать, что в интересующем нас стихотворении речь идет об известных современникам имени, событии и картине.

## II

В биографиях знаменитых художников читатель пушкинского времени в двух случаях сталкивался с обстоятельствами, которые могли дать повод для слов поэта: «любви страданья Его сразили».





Смерть Рафаэля. Иллюстрация в книге бр. Ф. и И. Рипенгаузен (Riepenhausen) «Жизнь Рафаэля» (Vita di Rafaello da Urbino. Roma, 1833).

Имя одного из них — венецианского художника Джорджоне (1477 или 1478—1510), умершего, как рассказывали некоторые биографы, от мук ревности, следует сразу же отвести: этот художник не принадлежал к числу самых ценимых в то время классиков мировой живописи, и его биография была известна не всякому. Кроме того, ничего не известно о картине, работа над которой была бы прервана смертью художника, и об особенном значении именно этого полотна. Поэтому остается только второе имя — Рафаэль (1483—1520), знакомое тогда если не каждому грамотному человеку, то во всяком случае любому из читателей «Московского вестника».

### III

Во второй половине XVIII—начале XIX в. Рафаэля в живописи признавали тем же, чем древних греков в скульптуре, — высшим идеалом, однако не забывали отмечать и его недостатки, чаще всего — бедный, по сравнению с некоторыми другими мастерами, колорит. Имя Корреджо следовало по иерархии великих живописцев сразу же за Рафаэлем, а кое в чем этого мастера, впоследствии утратившего свою славу, ставили выше Рафаэля.

Писатели второй половины XVIII в., высоко оценивая мастер-

ство Рафаэля, мало интересовались его личностью. Облик великого художника в их глазах не был окружен каким-либо ореолом. В биографиях, восходящих к жизнеописаниям Джорджо Вазари, приводятся лишь внешние факты, говорится о необыкновенной продуктивности художника, о его замечательной удачливости и о том, как великий мастер наслаждался радостями жизни. Некоторые авторы рассказывали о возвышенной любви Рафаэля к булочнице Форнарине, но Вазари этого имени не упоминает. О последних днях жизни Рафаэля он говорит так: «... Рафаэль втихомолку продолжал заниматься своими любовными делами, пренебрегая всякой мерой предаваясь этим утехам. И вот однажды после времяпрепровождения еще более распутного, чем обычно, случилось так, что Рафаэль вернулся домой в сильнейшем жару, и врачи решили, что он простудился, а так как он в своем распутстве не признавался, ему по неосторожности отворили кровь, что его ослабило до полной потери сил <...> после исповеди и покаяния он завершил свой жизненный путь в день своего рождения, в страстную пятницу тридцати семи лет от роду».<sup>3</sup> Вслед за Вазари все биографы на разные лады рассказывали о «беспутстве» Рафаэля, вызвавшем смертельную горячку. Вот, например, что сообщалось в русской книге «Эрмитажная галерея», вышедшей в свет в 1805 г.: «Рафаэль достиг бы блистательных успехов в колорите, если бы пламенное его сложение, непрестанно влекшее его к любви, не причинило ему преждевременной смерти».<sup>4</sup> Во французском «Всеобщем словаре» это же излагалось так: «Рафаэль умер вследствие истощения от своей страсти к женщинам».<sup>5</sup> Более тактично сказал русский автор В. И. Григорович: «Причиной смерти Рафаэля, по сведениям многих, была неумеренная жизнь его».<sup>6</sup> Так в сознание читателей вошло представление о гениальном мастере, земные страсти которого привели его к гибели в расцвете сил, не дав ему овладеть всеми вершинами живописного мастерства.

<sup>3</sup> Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1970, т. III, с. 188. — С. П. Шевырев (Очерк истории живописи итальянской... М., 1852, с. 127) сообщает, что имя Форнарины, «сохранившееся в изустных преданиях», появилось в литературе «не прежде середины прошлого столетия». Шевырев уверял, что «Рафаэль был верен [ей] до конца жизни». По его словам, Вазари «набросил тень на причину Рафаэлевой кончины». Имя Форнарины и история любви к ней Рафаэля во времена Пушкина были общеизвестны. См. в его «Романе в письмах»: «Мой совет <...> приезжать к нам, чтобы явиться Форнариной в картинах, которые затеваются у С\*\*» (VIII, 52).

<sup>4</sup> Эрмитажная галерея, гравированная штрихами с лучших картин, оную составляющих... Издано Ф. И. Лабенским. СПб., 1805, с. 3. — Из этой книги, одного из первых русских оригинальных трудов по мировому искусству, единственному в то время пособию для ознакомления с Эрмитажем, Пушкин мог узнать о реставрации картины Рафаэля «Святое семейство с безбородым Иосифом», сюжетно связанной со стихотворением «Возрождение».

<sup>5</sup> Dictionnaire universel historique, critique et bibliographique. Paris, 1810, vol. XIV, p. 552.

<sup>6</sup> Журнал изящных искусств, 1823, ч. I, № 2, с. 162.

Романтики, отстаивавшие свои эстетические принципы в самом конце XVIII в. и первой четверти XIX в., уделяли большое внимание изобразительному искусству и его деятелям (хотя в отличие от своих предшественников они ставили относительно более высоко музыку и поэзию, тогда как в период классицизма живопись и скульптура рассматривались как ведущие отрасли духовной культуры человечества). При этом многие кумиры предшествующей эпохи были поколеблены, а их место заняли другие мастера, в частности А. Дюрер и Микеланджело. С именем Рафаэля произошла иная метаморфоза. Он не только не лишился своего прежнего авторитета, но, напротив, был вознесен еще выше. Именно в нем писатели-романтики видели олицетворение своих идеалов о божественном происхождении искусства. Его не упрекают теперь ни в чем, а личность художника возносится на небывалую высоту и окружается многими легендами, в которых немногочисленные факты, заимствованные из того же Вазари, сплетаются с фантастическими измышлениями. Широкое распространение получил, например, рассказ о том, как богоматерь явилась Рафаэлю во сне в чудесном мгновенном видении (как «гений чистой красоты»), которое он, проснувшись, зарисовал на полотне; так, без предварительной работы, без натуры, без набросков и эскизов якобы явилась на свет прославленная именно в это время «Сикстинская мадонна».<sup>7</sup>

«Что за чепуху писали о ней романтики, особенно Жуковский», — писал В. Г. Белинский В. П. Боткину 7/19 июля 1847 г. из Дрездена после посещения картинной галереи, где он «видел Мадонну Рафаэля».<sup>8</sup>

Подобными легендами была теперь окутана и ранняя смерть художника. Рассказ простодушного Вазари не вязался с тем представлением о гении, которое культивировали романтики. Э. Делакруа в статье «Рафаэль» (1830) презрительно отбрасывает эту версию, заявляя: «Принято считать, что Рафаэль умер от истощения после оргии. Этот вымысел достоин опровержения». Впро-

<sup>7</sup> Впервые об этом рассказал немецкий романтик Ваккенродер в изданной Л. Тиком книге «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного» (1797—1799); русский перевод Шевырева, Титова и Мельгунова вышел в Москве в 1826 г. Книга открывалась рассказом о мадонне Рафаэля. Легенду повторил В. А. Жуковский в статье «Рафаэлева мадонна» (1842), изданной трижды за короткое время. Намерение перевести рассказ Ваккенродера—Тика было высказано также Кюхельбекером, но он не успел это сделать. См. также повесть Н. Полевого «Живописец» (Московский телеграф, 1833, ч. 51, с. 280) и стихотворения «Виденье Рафаэля» в альманахе «Цефей» (1829, подпись «К») и «Поэт» И. Грузинова (1829, сборник «Отблески поэзии»). О легендах, творимых вокруг имени Рафаэля, см. послесловие Г. Мейер-Гепнер (Gertrud Meyer-Hepner) в кн.: Arnim Achim von. Raphael und seine Nachbarinnen. Berlin, 1957. См. также: Putschner M. Raphaels Sixtinische Madonna. Das Werk und seine Wirkung. Tübingen, 1955.

<sup>8</sup> Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. XII, с. 384.

чем, он не забывает тут же по традиции отметить его «красоту и страсть к женщинам».<sup>9</sup>

Опровержение, которого ждал Делакруа, появилось еще до того, как он написал свою статью — в конце 20-х гг. XIX столетия, когда два итальянских автора, Миссирины и Лонгена, опубликовали данные о том, что Рафаэль якобы простудился, войдя, запыхавшись от быстрой ходьбы, в одну из прохладных зал Ватикана и здесь, в ожидании выхода папы, долго простояв на сквозняке. Эта новая версия, так же как и рассказ Вазари, не повторяется в последующих научных биографиях Рафаэля.<sup>10</sup> Мало пригодилась она и ее современникам — романтикам, отбросившим рассказ Вазари, но не заинтересовавшимся и этими прозаическими подробностями. В сочинениях романтиков 1810—1830-х гг. смерть Рафаэля часто вовсе отрывается от каких-либо реальных причин. Ее мистически связывают с созданием последнего живописного произведения Рафаэля, знаменитейшего «Преображения», оставшегося неоконченным из-за смерти автора.

## V

В нашем представлении слава Рафаэля-живописца связана преимущественно с его женскими образами — мадоннами, а в качестве наиболее значительного из его произведений чаще всего называют «Сикстинскую мадонну» (1515), находящуюся в Дрездене. Но иначе ценились картины Рафаэля современниками Пушкина. «Сикстинская мадонна» до конца XVIII в. оставалась в тени, а в России о ней заговорили в полный голос только в 1824 г. Общепризнанным шедевром Рафаэля, а тем самым всей мировой живописи вообще считалось тогда «Преображение» (1520).

В верхней части этой картины изображен «преобразившийся» Христос, вознесшийся над горой Фавор. Он излучает сияние. Христа окружают пророки Илья и Моисей, спустившиеся с небес и также парящие в воздухе, и павшие ниц апостолы. У подножья горы изображены персонажи евангельского сказания об «исцелении бесноватого».

В дальнейшем «Преображение» вызывало много критических отзывов; по мнению, господствовавшему во второй половине XIX в., оно занимает в наследии Рафаэля гораздо более скромное

<sup>9</sup> Делакруа Э. Мысли об искусстве. М., 1960, с. 33—39.

<sup>10</sup> Подробное изложение вопроса содержится в авторитетном издании: Passavant J. D. Rafael von Urbino und sein Vater Giovanni Santi. Leipzig, 1839, Bd I, S. 555. — На русском языке см. в кн.: Клеман Н. Леонардо. Рафаэль. Микель-Анджело. Перевод А. Раковича. Казань, 1863, с. 319—322 (французский оригинал вышел в свет в 1861 г.). О последнем периоде жизни Рафаэля Клеман пишет: «Великий живописец жил под игом любви к женщине, которую он обессмертил в Форнарине <...> Достоверность неприятного рассказа Вазари, к счастью, подвергается сомнению. Продолжительность связи Рафаэля с Форнариной дает мало вероятий излишествам такого рода, о которых говорит Вазари».

место. Во многих новейших работах о Рафаэле ему уделено лишь по несколько строк. Широкому кругу советских зрителей «Преображение» почти не известно. В отличие от лучших картин этого художника, проникнутых подлинным гуманизмом, в «Преображении» назойливо выступает церковная идеология. Многие фигуры в нижней части картины производят мертвенное, скованное впечатление.

Совсем иначе относились к этой картине в XVIII—начале XIX в. «Шедевром из шедевров» назвал «Преображение» Рафаэль Менгс. А. Н. Радищев в сочинении «О человеке, его смертности и бессмертии» указал «Преображение» в числе лучших творений искусства всех времен.<sup>11</sup> Н. М. Карамзин, оказавшись в Дрездене возле «Сикстинской мадонны», записал: «Я рассматривал со вниманием Рафаэлевую Марию», а в примечании добавил: «Преображение Христово считается лучшим его произведением».<sup>12</sup> Французский ученый Катрмер де Кенси (1755—1849) писал, что «Преображение» было высшей ступенью искусства, которому некуда было идти дальше, и что этот «предел искусства отметил конец жизни самого художника».<sup>13</sup>

По словам Н. И. Надеждина, «Преображение» было заключительным торжеством новой живописи, в нем «разрешена высшая задача всего христианства, задача таинственного пресуществления человека в божество».<sup>14</sup>

Дерптский профессор А. Моргенштерн (1770—1852) в монографии, специально посвященной «Преображению», сравнивает эту картину с «Реквиемом» Моцарта, погибшего в том же возрасте, что и Рафаэль, также «излив свою душу» в последнем великом творении. Моргенштерн говорит, что «голова Христа, блестяще написанная, была создана в один вдохновенный час, без всякого труда. Здесь нет и следа усилий. Все легко, вдохновенно и одушевлено первым волшебным прикосновением кисти мастера. Как только он написал эту голову, он умер».<sup>15</sup>

Книга Моргенштерна вышла в свет в 1822 г., но о том, что фигуры нижней части картины написаны учеником Рафаэля, Джулио Романо, было известно и ранее. В многочисленных сочинениях о Рафаэле большое внимание уделяется верхней части неоконченного Рафаэлем «Преображения», и в особенности голове Христа, действительно отличающейся необыкновенно силь-

<sup>11</sup> См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941, т. II, с. 52.

<sup>12</sup> Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — В кн.: Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964, т. I, с. 145.

<sup>13</sup> Quatremère de Quincy. Histoire de la vie et des ouvrages de Raphaël. Ornée d'un portrait. Paris, 1824, p. 375. — За короткий срок этот труд вышел в нескольких изданиях на французском, итальянском, немецком и английском языках.

<sup>14</sup> Надеждин Н. И. О современном направлении изящных искусств. М., 1833, с. 41.

<sup>15</sup> Morgenstern K. Über Rafael Sanzios Verklärung. Dorpat u. Leipzig, 1822, S. 41.

чем, он не забывает тут же по традиции отметить его «красоту и страсть к женщинам».<sup>9</sup>

Опровержение, которого ждал Делакруа, появилось еще до того, как он написал свою статью — в конце 20-х гг. XIX столетия, когда два итальянских автора, Миссирини и Лонгена, опубликовали данные о том, что Рафаэль якобы простудился, войдя, запыхавшись от быстрой ходьбы, в одну из прохладных зал Ватикана и здесь, в ожидании выхода папы, долго простояв на сквозняке. Эта новая версия, так же как и рассказ Вазари, не повторяется в последующих научных биографиях Рафаэля.<sup>10</sup> Мало пригодилась она и ее современникам — романтикам, отбросившим рассказ Вазари, но не заинтересовавшимся и этими прозаическими подробностями. В сочинениях романтиков 1810—1830-х гг. смерть Рафаэля часто вовсе отрывается от каких-либо реальных причин. Ее мистически связывают с созданием последнего живописного произведения Рафаэля, знаменитейшего «Преображения», оставшегося неоконченным из-за смерти автора.

## V

В нашем представлении слава Рафаэля-живописца связана преимущественно с его женскими образами — мадоннами, а в качестве наиболее значительного из его произведений чаще всего называют «Сикстинскую мадонну» (1515), находящуюся в Дрездене. Но иначе ценились картины Рафаэля современниками Пушкина. «Сикстинская мадонна» до конца XVIII в. оставалась в тени, а в России о ней заговорили в полный голос только в 1824 г. Общепризнанным шедевром Рафаэля, а тем самым всей мировой живописи вообще считалось тогда «Преображение» (1520).

В верхней части этой картины изображен «преобразившийся» Христос, вознесшийся над горой Фавор. Он излучает сияние. Христа окружают пророки Илья и Моисей, спустившиеся с небес и также парящие в воздухе, и павшие ниц апостолы. У подножья горы изображены персонажи евангельского сказания об «исцелении бесноватого».

В дальнейшем «Преображение» вызывало много критических отзывов; по мнению, господствовавшему во второй половине XIX в., оно занимает в наследии Рафаэля гораздо более скромное

<sup>9</sup> Делакруа Э. Мысли об искусстве. М., 1960, с. 33—39.

<sup>10</sup> Подробное изложение вопроса содержится в авторитетном издании: Passavant J. D. Rafael von Urbino und sein Vater Giovanni Santi. Leipzig, 1839, Bd I, S. 555. — На русском языке см. в кн.: Клеман Н. Леонардо. Рафаэль. Микель-Анджело. Перевод А. Раковича. Казань, 1863, с. 319—322 (французский оригинал вышел в свет в 1861 г.). О последнем периоде жизни Рафаэля Клеман пишет: «Великий живописец жил под игром любви к женщине, которую он обессмертил в Форнарине (<...> Достоверность неприятного рассказа Вазари, к счастью, подвергается сомнению. Продолжительность связи Рафаэля с Форнариной дает мало вероятий излишествам такого рода, о которых говорит Вазари».

место. Во многих новейших работах о Рафаэле ему уделено лишь по несколько строк. Широкому кругу советских зрителей «Преображение» почти не известно. В отличие от лучших картин этого художника, проникнутых подлинным гуманизмом, в «Преображении» назойливо выступает церковная идеология. Многие фигуры в нижней части картины производят мертвенное, скованное впечатление.

Совсем иначе относились к этой картине в XVIII—начале XIX в. «Шедевром из шедевров» назвал «Преображение» Рафаэль Менгс. А. Н. Радищев в сочинении «О человеке, его смертности и бессмертии» указал «Преображение» в числе лучших творений искусства всех времен.<sup>11</sup> Н. М. Карамзин, оказавшись в Дрездене возле «Сикстинской мадонны», записал: «Я рассматривал со вниманием Рафаэлеву Марию», а в примечании добавил: «Преображение Христово считается лучшим его произведением».<sup>12</sup> Французский ученый Катрмер де Кенси (1755—1849) писал, что «Преображение» было высшей ступенью искусства, которому некуда было идти дальше, и что этот «предел искусства отметил конец жизни самого художника».<sup>13</sup>

По словам Н. И. Надеждина, «Преображение» было заключительным торжеством новой живописи, в нем «разрешена высшая задача всего христианства, задача таинственного пресуществления человека в божество».<sup>14</sup>

Дерптский профессор А. Моргенштерн (1770—1852) в монографии, специально посвященной «Преображению», сравнивает эту картину с «Реквиемом» Моцарта, погибшего в том же возрасте, что и Рафаэль, также «излив свою душу» в последнем великом творении. Моргенштерн говорит, что «голова Христа, блестяще написанная, была создана в один вдохновенный час, без всякого труда. Здесь нет и следа усилий. Все легко, вдохновенно и одушевлено первым волшебным прикосновением кисти мастера. Как только он написал эту голову, он умер».<sup>15</sup>

Книга Моргенштерна вышла в свет в 1822 г., но о том, что фигуры нижней части картины написаны учеником Рафаэля, Джулио Романо, было известно и ранее. В многочисленных сочинениях о Рафаэле большое внимание уделяется верхней части неоконченного Рафаэлем «Преображения», и в особенности голове Христа, действительно отличающейся необыкновенно силь-

<sup>11</sup> См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1944, т. II, с. 52.

<sup>12</sup> Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — В кн.: Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964, т. I, с. 145.

<sup>13</sup> Quatremère de Quincy. Histoire de la vie et des ouvrages de Raphaël. Ornée d'un portrait. Paris, 1824, p. 375. — За короткий срок этот труд вышел в нескольких изданиях на французском, итальянском, немецком и английском языках.

<sup>14</sup> Надеждин Н. И. О современном направлении изящных искусств. М., 1833, с. 41.

<sup>15</sup> Morgenstern K. Über Rafael Sanzios Verklärung. Dorpat u. Leipzig, 1822, S. 41.

ным выражением.<sup>16</sup> Описанию «лика Спасителя» на этой картине посвящены десятки страниц.<sup>17</sup> Выражение лица Христа может быть передано именно теми словами, которые содержатся в черновой рукописи Пушкина: «сей огненный, сей важный взор» — и одновременно «сей мира полный взор».

Итак, русские читатели стихотворения Пушкина хорошо знали о существовании знаменитейшей картины гениального художника, который ушел из жизни в расцвете своих сил, — не окончив свое последнее, великое творение. Это было «Преображение» Рафаэля.

## VI

В начале XIX в. в литературе встречаются не только намеки на таинственную связь неоконченного «Преображения» с судьбой самого Рафаэля, но и настоящие легенды об этом. Так, Шевырев в стихотворении «Преображение», написанном в 1829 г. в Риме, рассказал, что «виденье» евангельского события на горе Фавор было унесено свидетелем его, серафимом, на небеса. Художник (его имя не названо)

К смерти шествовал унылый,  
Не сверша души завет,  
И в расселинах могилы  
Что ж он видит? — божий свет! ..  
Луч сверкнул... и вспылала  
Кисть божественным огнем;  
Море яркого кристалла  
Пролилось над полотном...  
И уж бога лик открытый  
Он очами ясно зрел;  
Но видением несомый,  
Бросил кисть... и улетел!  
Там его виденье вечно...<sup>18</sup>

Художник — это только «созерцатель божьей тайны»; о его земном существовании и живом человеческом облике в стихотворении ничего не говорится.

Также мистически связывается смерть Рафаэля с его незаконченным творением в повести Н. А. Полевого «Живописец»:

<sup>16</sup> Высшая кротость и благо, пишет Моргенштерн, выражены на этом лице, и в то же время оно «славится возвышенностью».

<sup>17</sup> Библиографию мировой литературы о «Преображении» см. в кн.: Lütgens A. H. Rafaels «Transfiguration» in der Kunstliteratur der letzten vier Jahrhunderte. Göttingen, 1928, S. 75—83.

<sup>18</sup> Шевырев С. П. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1939, с. 77. См. также: Вепевитинов Д., Шевырев С., Хомяков А. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. Л., 1937, с. 150—154. — Редактор М. Аронсон сообщил, что стихотворение было прочитано в Обществе любителей российской словесности с большим успехом. В обоих изданиях редактор почему-то не указал, о какой именно картине говорится в стихотворении, а в издании 1937 г. нет отметки и об обращении автора к Рафаэлю.



«Я верю <...> тому, — говорит главный герой повести, — что великое „Преображение“ его было тайною, мучительною мыслию всей его жизни; в этом я также уверен. И тогда только, когда душа его затосковала о близкой разлуке с миром, Рафаэль умолил божественное вдохновение сойти в младенческую душу его. Оно низошло к нему, как древний Зевес к Семеле, в громах и молниях, и сожгло его: вспомните, что „Преображение“ неоконченное было поставлено при гробе Рафаэля; он не досоздал его и лежал перед ним мертвый — великое свидетельство, что может человек; печальное доказательство, чего не может он пережить».<sup>19</sup>

Неоконченное «Преображение» было выставлено в изголовье Рафаэля, когда римляне прощались с телом великого художника; эта фактическая подробность, широко известная и упоминаемая во всех старых биографиях Рафаэля,<sup>20</sup> толкуется Полевым в мистическом духе.

Для Полевого смерть Рафаэля была следствием того, что «божественное вдохновение» явилось ему на этот раз, т. е. для создания «Преображения», с такой силой, которой не смог выдержать смертный — подобно тому как в греческом мифе земную женщину Семелу, олицетворение пылкой и страстной любви,<sup>21</sup> невольно сжег Зевс, когда бог-громовержец явился к ней, исполняя ее желание, во всем своем величии. От реального жизненного облика художника здесь не осталось ничего.

## VII

В «Недоконченной картине» Пушкина говорится о великом художнике, о его творческом «восторге» и создании им высокого произведения искусства. Она заканчивается гибелью мастера, прекратившей и его творческую деятельность. Но во всем этом нет никаких признаков того мистического тумана, которым вскоре окуталось изложение той же самой ситуации у романтиков. В центре стихотворения находится творческая личность самого художника, а не потусторонняя божественная сила. В самом факте смерти «гения», как рассказано об этом у Пушкина, нет ничего таинственного. Перед мысленным взором поэта стоял под-

---

<sup>19</sup> Полевой Н. А. Живописец. — В кн.: Мечты и жизнь. Были и повести, сочиненные Николаем Полевым. Часть вторая. М., 1834, с. 177—178.

<sup>20</sup> Немецкие художники-романтики, братья Франц и Иоганнес Рипенгаузен (Rippenhausen), поместили в своей книге «Жизнь Рафаэля» (Vita di Raffaello da Urbino. Roma, 1833) иллюстрацию, изображающую Рафаэля на смертном одре, окруженного учениками и почитателями. На стене комнаты видна неоконченная картина «Преображение». (См. ил. на с. 9 наст. изд.).

<sup>21</sup> Ни одна из смертных жен любить так страстно не умела,  
Как любит пылкая Семела, —

говорится в сочинении А. А. Жандра «Семела. Мифологическое представление, подражающее Шиллеру» (1825).

личный облик великого живописца. Его имя поэтом не названо, но для современников в этом стихотворении все было понятно, конкретно и зримо: читая его, они сразу же вспоминали великого художника и его прославленное неоконченное творение — картину «Преображение», последнее, чего коснулась кисть мастера, свидетельницу его последних минут.

«Недоконченная картина» Пушкина по своему сюжету связана с биографией художника, с произведением живописи. Но для оценки направленности этого стихотворения, его смысла не имеет существенного значения, в каком именно роде творческой деятельности проявил себя «гений», герой стихотворения. Место «Недоконченной картины» в лирике Пушкина находится вблизи стихотворения «Поэт» и других произведений на тему о внутреннем облике поэта и о сущности художественного творчества, занимавшей Пушкина на всем протяжении его пути, от послания Батюшкову (1813) до «Я памятник себе воздвиг...» (1836).<sup>22</sup>

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Значение публикуемой работы Г. М. Коки состоит главным образом в раскрытии имени создателя картины и ее сюжета, не названных Пушкиным. В поисках разгадки исследователь обращается и к черновой рукописи поэта и приводит ряд вариантов, не включенных в окончательный текст. Анализ первоначальных набросков не дал автору статьи прямого ответа на поставленный вопрос. Однако изучение этих вариантов расширило представление о конкретном содержании картины и привело к выводу, что «в центре композиции было лицо человека, исполненное сильного выражения».<sup>1</sup>

Анализ черновой редакции позволяет осветить творческую историю стихотворения Пушкина еще с одной стороны, которой не касался автор статьи. Именно в этих стихотворных отрывках заключены конкретные детали, которые составляют словесный портрет и с неоспоримостью доказывают, что стихи Пушкина возникли на основе непосредственных зрительных впечатлений. Такие определительные эпитеты, которые употребил поэт, могли явиться под его пером только как непосредственное отражение какого-то пластического образа. Черновой автограф стихотворения содержит множество попыток с наивозможной точностью передать этот образ. Более восьмидесяти различных вариантов, набросков, начатых строк и отдельных законченных стихов! И все же поэт остался неудовлетворенным и не включил свои находки в окончательный текст. Особенно много вариантов в определениях, характеризующих взгляд Христа. В этих поисках чередуются, казалось бы, противоположные по своему конкретному смысловому наполнению эпитеты. Например: «сей *мира полный* взор» и «сей

<sup>22</sup> Эта же тема получила свое отражение в творчестве юного Лермонтова. Стихотворение «Поэт» («Когда Рафаэль вдохновенный...», 1828), где в отличие от «Недоконченной картины» Пушкина имя художника прямо названо, содержит сходное прославление «чудесного» порыва гения и противопоставление его моменту, когда «утомленный и немой» художник «забывал огонь небесный».

<sup>1</sup> Наст. изд., с. 7.

огненный, сей важный взор», «душой и чувством полный взор» и снова «сей пламенный, сей важный взор»<sup>2</sup> и т. п.

Стремясь передать особенности лица и убедительную жизненность его изображения, поэт отмечает следующие детали: «Кто дал немым устам движенье», «Кто слышал сердцем разговор».<sup>3</sup> Между тем от оригинала картины Рафаэля такое впечатление получить нельзя. Никакое «движенье» в устах заметить невозможно. Напротив, они плотно сомкнуты.

Но, как мы знаем, оригинал, находящийся в Ватикане, Пушкин видеть не мог. Фотографии еще не существовало. Зато гравюры с картины Рафаэля были хорошо известны уже при жизни художника, о чем свидетельствует Вазари. Он называет даже имена отдельных гравюров, например современника Рафаэля Маркантонио Раймонди (ок. 1480—после 1527).<sup>4</sup> О широком распространении в России гравюр с произведений Рафаэля пишет С. П. Шевырев.<sup>5</sup> Автор одной из ранних русских монографий о Рафаэле А. В. Вышеславцев называет несколько имен гравюров, воспроизводивших интересующую нас картину: Р. Моргена, Б. Денуайе (B. Desnoyers) и Ф. И. Иордана.<sup>6</sup> Стихотворение Пушкина датируется 1819 г., а Иордан работал над своей гравюрой с 1835 по 1850 г. Поэтому служить стимулом к созданию стихотворения она не могла. Однако она представляет определенный интерес в связи с затронутым вопросом о популярности в России картины Рафаэля и распространения ее гравированных повторений в нашей стране.

Именно гравюра Иордана находилась в родовой усадьбе Гоголей—Яновских, селе Васильевке. В альбоме «Гоголь на родине» (Киев, 1902, изд. И. Ц. Хмелевского) на таблице № 13 изображены вещи, принадлежавшие Н. В. Гоголю, еще находившиеся в усадьбе в то время, когда создавался альбом, в том числе эта гравюра.

В поисках гравированных изображений, которые мог видеть Пушкин, мы обратились в отдел западноевропейской гравюры Государственного Эрмитажа.<sup>7</sup> Здесь в коллекции французской школы нам показали превосходную гравюру, выполненную Б. Денуайе (1778—1857). Но под изображением стоят дата 1839 и типографская подпись на французском языке, сообщающая, что гравюра выполнялась с собственноручной живописной копии 1834 г. Следовательно, и эта более ранняя дата дела не меняет, так как и копия появилась на 15 лет позднее стихотворения Пушкина.

<sup>2</sup> Курсив наш, — Е. К.

<sup>3</sup> Курсив наш, — Е. К.

<sup>4</sup> В а з а р и Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1970, т. III, с. 175, т. IV, с. 17.

<sup>5</sup> См.: Очерк истории живописи итальянской, сосредоточенной в Рафаэле и его произведениях. Четыре публичные лекции, читанные ординарным профессором С. Шевыревым в 1851 г. — Здесь, в частности, сообщается о коллекции Егора Ивановича Маковского (ныне — в Государственном Эрмитаже), в которую входило 54 эстампа с Рафаэля, выполненных по его рисункам тем же Маркантонио Раймонди, а также другими граверами (с. 133).

<sup>6</sup> В ы ш е с л а в ц е в А. В. Рафаэль. СПб., 1894, с. 676.

<sup>7</sup> Пользуемся возможностью поблагодарить за оказанную нам помощь заведующего отделом западноевропейской гравюры Ю. А. Русакова и научных сотрудников И. С. Григорьеву, М. Д. Дворину, Е. К. Каменецкую и Ч. А. Мезенцеву.

Однако именно этот лист натолкнул нас на мысль, существенно подкрепляющую наше предположение о возможности знакомства поэта с различными гравированными изображениями, среди которых могли быть и отличающиеся по своей трактовке от оригинала Рафаэля (что вообще нередко наблюдается в практике гравирования). Дело в том, что на эстампе имеется дарственная надпись Н. И. Уткину от автора гравюры с выражением глубокого уважения к русскому мастеру. Лист поступил в Эрмитаж в составе личного собрания Н. И. Уткина, замечательного гравера, создателя двух известных портретов Пушкина. Имеет смысл вспомнить, что Уткин с 1817 г. занимал место помощника «смотрителя» гравюр в Эрмитаже.<sup>8</sup> Хотя факт знакомства Пушкина с Уткиным в период с 1817 по 1820 г. (после окончания Лицея до отъезда в южную ссылку) не подтвержден документально, но они могли и должны были встречаться в доме Е. Ф. Муравьевой, матери будущих декабристов Н. М. и А. М. Муравьевых, с которыми Уткин находился в родстве. Если это так, то именно Уткин мог познакомить Пушкина и со своей коллекцией гравюр, и с эрмитажным собранием.

Осталось третье из упомянутых Вышеславцевым имен — Рафаэль Морген (1759—1833). Нам показали итальянский каталог его произведений, изданный в Livorno в 1810 г., в котором под № 309 значится офорт с картины «Преображение», исполненный мастером в 1808 г.<sup>9</sup> Гравюра Моргена в коллекциях Эрмитажа имеется в нескольких экземплярах. Мы видели лист из собрания П. П. Семенова-Тян-Шанского. Гравюра выполнена на медной доске с применением техники офорта. Она вполне оправдывает характеристику художественной манеры мастера, данную известным историком и исследователем европейской гравюры П. Кристеллером: «Офортом Морген пользуется лишь для нанесения на доску предварительного рисунка. Все линии он проводит резцом с величайшей ясностью и чистотой».<sup>10</sup>

Никаких отклонений от оригинала, предполагаемых нами, на листе нет. Может быть, все-таки то «движенье» «немых уст», которое нашло место в черновом автографе стихотворения Пушкина, лишь результат творческого вымысла поэта, а не отражение виденного?

Среди множества гравюр, воспроизводящих картины Рафаэля, оказались и другие листы на интересующий нас сюжет, выполненные мастерами XVI, XVII и XVIII вв., именные и безымянные эстампы, датированные и без даты.<sup>11</sup>

Большой интерес для нашей цели представляет гравюра, автором которой был известный мастер Симон Томассен (Tomassin; 1652—1732). Француз

<sup>8</sup> См.: Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. Сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1895, т. II, стлб. 1039—1040.

<sup>9</sup> *Catalogo ragionato della collezione dell' opere intagliate del celebre Raffaello Morghen, possedute da Gaetano Poggiali.* Livorno, presso Tommaso Masi e comp., 1810, p. 43.

<sup>10</sup> Кристеллер Пауль. История европейской гравюры XV—XVIII века. [М.], 1939, с. 440.

<sup>11</sup> Помимо описанных выше листов, считаем нелишним упомянуть показанные нам эстампы следующих граверов: С. Cort (1602), М. Marelli (1648), N. Dorigny (1705), Chergeau le jeune, S. Valée, Ab. Girardet (остальные пять листов не имеют не только даты, но и подписи). Кроме того, отсылаем читателя к многоотомному изданию «Neues allgemeines Künstler-Le-



Фрагмент гравюры на меди Симона Томассена с картины Рафаэля «Преображение» (1680).

по национальности, он много лет провел в Италии. По возвращении на родину, в Париж, он был избран членом Академии живописи. Стал королевским гравером. Среди наиболее ценных, принесших ему признание эстампов на первом месте называют «Преображение», выполненное с картины Рафаэля в 1680 г.<sup>12</sup>

Особенность этой гравюры, привлечшей наше внимание, заключается именно в том, что выражение лица Христа создает впечатление, близкое тому, которое вызывают эпитеты и выражения «мира полный взор» или «важный взор», а полураскрытые уста кажутся говорящими.

В начале нашего послесловия уже упоминалась некоторая *противоречивость* эпитетов, входящих в словесный портрет Христа, созданный поэтом. Эта противоречивость наблюдается в описании взгляда Христа, который не может быть одновременно и *мира полным* и *огненным* или *пламенным*. Наличие эпитетов, столь контрастных по своему значению и эмоциональной окраске, нарушает цельность образа и затрудняет его восприятие. Но, как известно, поэтике Пушкина присуща предельная точность. Разгадка, с нашей точки зрения, может заключаться только в *наличии эстампов с различными трактовками образа*.

---

xicon» (von Dr. G. K. Nagler. München, 1845, Bd 74, S. 472—473), где указаны имена 26 граверов (включая и названных нами), репродуцировавших картину Рафаэля «Преображение».

<sup>12</sup> См.: Lagousse P. Grand dictionnaire universel du XIX siècle, t. XV, p. 147.

Один такой оттиск мы видели в том же собрании Эрмитажа. На граюре нет ни подписи ее автора, ни даты. Гравюра представляет Христа карающего, с гневным лицом и пылающими глазами. Такой образ вполне мог найти отражение в эпитетах «огненный» или «пламенный». Однако достигнуть единства противостоящих друг другу психологических состояний невозможно в искусстве, как и в жизни. Не потому ли Пушкин отказался от этой задачи?

Мы, разумеется, далеки от мысли, что Пушкин обязательно видел именно листы, описанные нами выше. Но мы имеем основание считать, что он мог видеть как эстампы этих мастеров, так и выполненные другими граверами, отличающиеся такими же характеристическими деталями.

Со времени написания публикуемой статьи Г. М. Коки в советской и зарубежной печати появилось много новых исследований, посвященных творчеству Рафаэля, и в том числе специальных работ об интересующей нас картине.<sup>13</sup>

В. Н. Гращенков, автор одного из наиболее заслуживающих внимание, во многом итогового труда, следующим образом оценивает последний период творчества художника: «К 1515 году заканчивается зрелая пора творчества Рафаэля, после чего он уже не создал в живописи ничего сколь-нибудь равноценного своим классическим произведениям. И хотя из его мастерской по-прежнему продолжают выходить фрески и картины, почти все они в большей части или даже целиком выполнены его учениками. Прославляя сверх всякой меры эти поздние произведения Рафаэля, точнее — школы Рафаэля, последующая академическая эстетика немало способствовала их явно преувеличенной оценке, которая долго удерживалась в истории искусства, искажая значение подлинных достижений мастера».<sup>14</sup>

Именно к таким, получившим «явно преувеличенную оценку» произведениям относит автор и «Преображение».<sup>15</sup>

*Е. А. Ковалевская*

<sup>13</sup> Приводим некоторые из них: Bertini A. La «Trasfigurazione» e l'ultima evoluzione della pittura di Raffaello. — Critica d'arte, 1961, N 44, p. 1—19; Mellini G. In margine alla «Trasfigurazione» di Raffaello. — Critica d'arte, 1963, № 59—60, p. 39—53; Freedberg S. I. Painting of the High Renaissance in Rome and Florence. Harvard University Press, 1972, t. 1, II (о «Преображении» — с. 356—362); The complete works of Raphael. New York, Harrison house publishers, 1969; Элиасберг Н. Е. Рафаэль Санги. М., 1969, с. 75—76; Гращенков В. Н. Рафаэль. М., 1971, с. 191—192, 212—213; Ротенберг Е. Изобразительное искусство средней Италии в период Высокого Возрождения. — В кн.: Всеобщая история искусства. М., 1962, т. III, с. 196.

<sup>14</sup> Гращенков В. Н. Рафаэль, с. 157.

<sup>15</sup> Следует заметить, что почти одновременно с работой Г. М. Коки появилась статья М. Я. Варшавской, также посвященная стихотворению Пушкина «Недоконченная картина», — «О стихотворении Пушкина „Недоконченная картина“». Статья опубликована в выпущенной Издательством Государственного Эрмитажа книге «Пушкин и его время» (Л., 1962, с. 363—367). М. Я. Варшавская предполагает, что в стихотворении Пушкина идет речь о картине Огюста Кудера (Кудэ) (Louis-Charles-Auguste Couder; 1790—1873) «Смерть Мазаччо». Однако эта гипотеза, оставляющая нерешенными целый ряд вопросов, не представляется убедительной. Ср. цветное воспроизведение картины «Смерть Мазаччо» в кн.: Березина В. Н. Французская живопись XIX века. М., 1980, табл. 66.

С. А. Ф О М И Ч Е В

## «СЦЕНА ИЗ ФАУСТА»

(История создания, проблематика, жанр)

«Сцену из Фауста», несмотря на ее драматургическую форму, обычно рассматривают в кругу лирических произведений Пушкина.<sup>1</sup> В новейшем комментарии к ней отмечается, что «стихотворение выражает глубокое разочарование в науке, в славе, в любви <...> оно вполне оригинально, хотя и использует образы трагедии Гете (Мефистофель, Фауст, Гретхен)».<sup>2</sup> В ином ключе (также, впрочем, относя ее к лирике) трактует «Сцену» Б. В. Томашевский, подчеркивающий, что «скука, тоска — вовсе не характерные чувства для Пушкина в 1825 г. Другое дело, если бы „Сцена“ была написана позднее, в 1826 г.»<sup>3</sup> Сомнения в точности авторской датировки здесь возможны ввиду отсутствия автографа произведения. Хотя во второй части «Стихотворений Пушкина» (1829) «Сцена» и была помещена среди произведений 1825 г., но надо помнить, что в ряде случаев указанные Пушкиным в этом издании даты заведомо неточны. Первое же по времени документальное свидетельство о «Сцене» содержится в дневнике М. П. Погодина, которому в свою очередь о «продолжении Фауста» сообщил Д. В. Веневитинов 10 сентября 1826 г. — со слов самого Пушкина, через день после возвращения поэта из Михайловской ссылки.<sup>4</sup>

Значит, «Сцена» была написана в Михайловском. Но когда именно? Хронологическая точность здесь, как мы видели, необходима — для правильного осмысления произведения.

<sup>1</sup> См. возражения на этот счет в кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830—1833). Л., 1974, с. 180—190.

<sup>2</sup> Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1974, т. 2, с. 553 (комментарий Т. Г. Цявловской).

<sup>3</sup> Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961, кн. 2, с. 93.

<sup>4</sup> См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 9.

С послелицейских лет Пушкин привык обдумывать параллельно несколько замыслов, отраженных в его рабочих тетрадах, перебивая отделку крупных произведений рядом других набросков. Поэтому в рукописях поэта достаточно полно запечатлен весь творческий процесс с конца 1810-х гг. до 1825 г. Автографы же Пушкина 1825—1826 гг. сохранились далеко не полностью.

На л. 52 тетради ПД, 835 Пушкин ставит под черновиком XXIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина» даты «31 декабря» 1824» и «1 генв<аря> 1825», и вскоре из этой тетради (см. л. 56) совершенно исчезают черновые наброски сцен трагедии «Борис Годунов». Вполне очевидно, что трагедия продолжена Пушкиным в иной тетради, до нас не дошедшей. Черновых рукописей части пьесы (оконченной, согласно помете на беловом автографе, 7 ноября 1825 г) мы не имеем. В бумагах Пушкина не сохранилось также черновики «Графа Нулина» (на беловом автографе дата «13 декабря 1825 г.»), конца пятой (начиная с XXXIX строфы) и всей шестой (кроме нескольких строф) глав «Евгения Онегина», а также многих стихотворений 1825—1826 гг. Это и позволяет нам предположить, что в то время существовала еще одна рабочая тетрадь поэта (назовем ее Михайловской). По-видимому, в ней же находилось большинство черновых набросков автобиографических записок, о которых в сентябре 1825 г. Пушкин писал Катенину: «Что сказать тебе о себе, о своих занятиях? Стихи покамест я бросил и пишу *mémoires*, то есть переписываю набело скучную, сбивчивую черновую тетрадь...» (XIII, 225).

«В конце 1825 года, — свидетельствовал Пушкин, — при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки» (XII, 310). Однако П. В. Нащокин относил уничтожение записок к началу сентября 1826 г., когда Пушкин был вызван императором в Москву: «Встревоженный этим и никак не ожидавший чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь: тут погибли его записки <...> и некоторые стихотворные пьесы, между прочим стихотворение „Пророк“, где предсказывались совершившиеся уже события 14 декабря».<sup>5</sup> И. Л. Фейнберг считает этот рассказ недостоверным.<sup>6</sup> Между тем неточный в частностях рассказ Нащокина, на наш взгляд, заслуживает доверия по существу и, по-видимому, не противоречит свидетельству самого поэта: Пушкин мог иметь в виду беловик автобиографических записок, Нащокин же — черновые записи, находившиеся среди других черновики в составе рабочей тетради.<sup>7</sup>

<sup>5</sup> Там же, т. 2, с. 187.

<sup>6</sup> См.: Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. 7-е изд. М., 1964, с. 186—189.

<sup>7</sup> Об автобиографических записках Пушкина см. работы Я. Л. Левкович: 1. Незавершенный замысел Пушкина. — Русская литература, 1981,



Важно подчеркнуть: работа над исторической хроникой «Борис Годунов» непосредственно соседствовала с описанием истории пушкинского поколения.<sup>8</sup> Параллелизм этих двух замыслов проясняет известное замечание Пушкина о событиях Смутного времени, изложенных Карамзиным и послуживших материалом трагедии: «C'est palpitant comme la gazette d'hier» (XIII, 211). Если к тому же учесть пародийно историческое содержание «Графа Нулина», мемуарный характер стихотворения «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»), а также то, что в тетради ПД, 835 (л. 65—68) содержатся онегинские строфы, посвященные одесским впечатлениям поэта (впоследствии вошедшие в «Путешествие Онегина»), то одно из основных направлений творческих интересов Пушкина в 1825—1826 гг. выявляется еще более рельефно. В контексте раздумий поэта над судьбой своего поколения следует, наверное, рассматривать и замысел «Сцены из Фауста».

«Сцена из Фауста», заметил В. Г. Белинский, «не что иное, как развитие и распространение мысли, выраженной Пушкиным в его маленьком стихотворении „Демон“».<sup>9</sup>

Напечатанное в альманахах «Мнемозина» и «Северные цветы» стихотворение «Демон» вызвало несколько журнальных откликов,<sup>10</sup> в их числе — некоего Д. Р. К.:

„Демон“ есть одно из минутных вдохновений гения, которым поэт изливает свои чувствования, не думая о плане и о цели. Демон Пушкина не есть существо воображаемое. Автор хотел представить развратителя, искушающего неопытную юность чувственностью и лжемудрствованием. В нескольких стихах начертана живая картина, под которою Байрон не постыдился бы подписать своего имени».<sup>11</sup>

---

№ 1, с. 123—136; 2. Когда Пушкин уничтожил свои записки? — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982, с. 102—106.

<sup>8</sup> Первое упоминание об автобиографических записках мы находим в письме Пушкина брату (первая половина ноября 1824 г.): «Знаешь ли мои занятия? до обеда пишу записки...» (XIII, 121). Отрывок из «Записок» «Вышел из Лицея, я почти тотчас же уехал в псковскую деревню моей матери» (XII, 304) датирован 19 ноября 1824 г. Примерно в то же время начата и работа над трагедией. Среди черновиков первых ее сцен в ПД, 835 сохранилось два отрывка мемуарного характера: «Путешествие по Тавриде прочел я с жадностью...» (л. 42 об.—44; здесь же начинаются исторические заметки, непосредственно связанные с «Борисом Годуновым») и «Когда бы я был царь, то позвал бы Александра Пушкина...» (л. 46 об.—47; здесь же — набросок диалога Шуйского и Воротынского).

<sup>9</sup> Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 554.

<sup>10</sup> Так, Н. Полевой отметил его как «одно из лучших сочинений» Пушкина (см.: Московский телеграф, 1825, № 4, ч. I, с. 334), а В. Одоевский в аполлоге «Новый демон» акцентировал значение стихотворения Пушкина как произведения, в котором дана поэтическая характеристика пагубного влияния света на молодое поколение (см.: Мнемозина. М., 1825, ч. 4, с. 35).

<sup>11</sup> Д. Р. К. Письма на Кавказ. 2. — Сын отчества, 1825, ч. 99, № 3, с. 309. — Различные исследователи приписывали этот псевдоним Н. И. Гречу (см. в кн.: Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. СПб., 1913, т. 2, с. 303, 304, 308), Д. М. Княжевичу (см.: Литературное наследство. М., 1954, т. 59, с. 124), Ф. В. Булгарину (см.: Мордовченко Н. И. Русская критика

Можно представить, насколько не удовлетворил Пушкина этот отзыв. Стихотворение «Демон» было вызвано отнюдь не «минутным вдохновением» — оно вызревало трудно и мучительно.<sup>12</sup> Не могло понравиться Пушкину в то время и сравнение с Байроном. Но особенно бестактным было упоминание в той же заметке Д. Р. К. быстро распространившихся (и явно сильно преувеличенных) слухов о «прототипе» Демона, А. Н. Раевском.<sup>13</sup>

Пушкин намеревался откликнуться на реплику Д. Р. К. анонимной заметкой, черновой текст которой сохранился в тетради ПД, 835:

«Многие того же мнения, иные даже называли на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в „Демоне“ цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство [мучительное, но] непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить *дух отрицания или сомнения?* и в приятной картине начертал [отличительные признаки и] печальное влияние [оного] на нравствен<ность> нашего века» (XI, 30).<sup>14</sup>

Думается, что в этой черновой, но тщательно проработанной заметке мы вправе увидеть первый подступ Пушкина к теме Фауста. Здесь характерно не только прямое упоминание о Мефистофеле («духе отрицания»), но и более общее положение о нравственной миссии Гете и подспудное противопоставление Гете (учитывая замечание Д. Р. К. о байроновском духе стихотворения) Байрону.

В то же время осмысление драматического опыта Гете для Пушкина было важным — в связи с теоретическим обоснованием

первой четверти XIX века. М.; Л., 1959, с. 207). — Последнее мнение нам представляется наиболее вероятным. Пушкин, очевидно, обратил внимание на замечание Н. Полевого, который, намекая именно на Булгарина, пользовавшегося псевдонимом Ж. К., писал: «... прошу сообразить рецензии Ж. К. и Д. Р. К. — одни мысли, одинакий способ выражаться, и что угодно говорите издатели С. <ына> О. <течества>, а Ж. К. и Д. Р. К. одна и та же особа, только в двух масках» (Московский телеграф, 1825, ч. 4, особенное прибавление, с. 45).

<sup>12</sup> См.: Медведева И. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 6. М.; Л., 1941; Вацуро В. Э. К генизису пушкинского «Демона». — В кн.: Сравнительное изучение литератур. М., 1976.

<sup>13</sup> О взаимоотношениях Пушкина с А. Н. Раевским см.: Лакшин В. «Спутник странный». (Александр Раевский в судьбе Пушкина и роман «Евгений Онегин»). — В кн.: Лакшин В. Биография книги. Статьи, исследования, эссе. М., 1979, с. 72—223.

<sup>14</sup> Автограф см. в ПД, 835, л. 58 об.—59. На л. 62 об. — черновик письма к А. С. Шишкову, датируемого первыми числами апреля 1825 г. (см.: XIII, 162).

собственной драматической реформы. В черновике письма к Н. Н. Раевскому (июль 1825), фактически являющегося первым наброском предисловия к еще не дописанной до конца трагедии «Борис Годунов», мы находим следующую характеристику Гете, наряду с Шекспиром противопоставленного Байрону:

«Правдоподобие положений и правдивость диалога [и изображение нравов] — вот единственное правило трагедии. Шекспир понял страсти; Гете — нравы <...> Байрон в трагедии распределил между своими героями отдельные части собственного характера <...> — это вовсе не трагедия» (XIII, 407, 572—573; подлинник по-французски). Несколькими годами позже в наброске статьи о драмах Байрона (1827) Пушкин скажет: «...в Manfred'e он подражал Фаусту <...> но Фауст есть величайшее создание [18 века] поэтического духа, он [есть фанос новейших времен] служит представителем новейшей поэзии, точно как Илиада служит великолепным памятником древности» (XI, 51, 321).

В черновых вариантах пушкинских рассуждений особенно заметно, что трагедию Гете он воспринимает как объективное отображение нравственных коллизий новейшего времени, противопоставляя художественный метод Гете лирическому субъективизму Байрона, представившего в Манфреде «призрак самого себя».

Обратим внимание на некоторое сходство монолога Манфреда, открывающего байроновскую драму, с монологом Пимена, с одной стороны, и с сетованиями пушкинского Фауста, — с другой:

The lamp must be replenished, but ever then  
It will not burn so long as I must watch:  
My slumbers — if I slumber — are not sleep,  
But a continuance of enduring thought,  
Which then I can resist not: in my heart  
There is a vigil, and these eyes but close  
To look within; and yet I live, and bear  
The aspect and the form of breathing men.  
But Grief should be the Instructor of the wise;  
Sorrow is Knowledge: they who know the most  
Must mourn the deepest o'er the fatal truth  
The Tree of Knowledge is not that of Life...<sup>15</sup>

---

<sup>15</sup> The works of Lord Byron. Poetry. London—New York, 1901, v. 4, p. 85. Ср. в переводе М. Вронченко (Манфред, драматическая поэма Лорда Байрона. СПб., 1828, с. 1):

Наполню вновь лампаду; но не столько  
Гореть ей, сколько бодрствовать я стану:  
Мой сон — хотя я и усну — не сон,  
Но продолжение мысли непрерывной,  
Неотразимой; в сердце, вечно бдящем,  
Не престаёт читать закрытый взор сей:  
И я дышу еще, и я имею  
Живущего творенья образ! Горесть  
Должна бы быть наставником для мудрых;  
Печаль — наука; кто наиболее знает,  
Наиболее тот грустит о роковой  
И горькой истине: познавая древо  
Не древо жизни...

Работа над «Борисом Годуновым» была перенесена в новую тетрадь после сцены «Келья в Чудовом монастыре». В первоначальной редакции трагедии за ней следовала сцена «Ограда монастырская» (исключенная из окончательного текста):

Что за скука, что за горе наше бедное житье!  
День проходит, день проходит — видно, слышно все одно:  
Только видишь черны рясы, только слышишь колокол.  
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать нечего — соснешь...  
(VII, 263)

Здесь будто бы проглядывает нечто сходное с началом «Сцены из Фауста».

Но еще более неожиданную параллель к «Сцене из Фауста»<sup>16</sup> мы находим в монологе Бориса («Царские палаты»):

Достиг я высшей власти;  
Шестой уж год я царствую спокойно.  
Но счастья нет моей душе. Не так ли  
Мы смолоду влюбляемся и алчем  
Утех любви, но только утолим  
Сердечный глад мгновенным обладаньем,  
Уж, охладев, скучаем и томимся? ...  
(VII, 25—26)

Конечно, эти сходные мотивы в контексте исторической хроники приобретают несколько иной смысл, нежели в «Сцене из Фауста». Однако перекличка строк, отмеченная выше, помогает, как нам кажется, приблизительно определить время создания «Сцены из Фауста».

Уже давно замечено сходство между ней и замечанием Пушкина в письме Рылееву: «Тебе скучно в Петербурге, а мне скучно в деревне. Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа» (XIII, 176). Письмо это в академическом издании датируется второй половиной мая, хотя, по всей вероятности, оно написано в июне.<sup>17</sup>

С другой стороны, наблюдения над рабочей тетрадью ПД, 835, из которых явствует, что в январе Пушкин обрывает работу над сценой в Чудовом монастыре, убеждают в том, что только с конца июня—начала июля 1825 г. тетрадь эта предназначается

---

<sup>16</sup> Отмечено в кн.: Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. 2-е изд. М., 1934, с. 59.

<sup>17</sup> Предполагается, что, получив письмо от Рылеева, отправленное из Петербурга 12 мая 1825 г. (см. XIII, 173), Пушкин сразу же на него ответил. Однако это, вероятно, не так. Дело в том, что в письме к А. А. Бестужеву (см. XIII, 180), которое датируется в академическом издании концом мая—началом июня, Пушкин пишет: «Рылеев покажет, конечно, тебе мои замечания на его Войнаровского» (посланные в апреле с Дельвигом), но не упоминает о замечаниях на «Думы» и «Исповедь Наливайко», которые излагаются в том письме, где содержится рассуждение о скуке. Вероятно, потому не упоминает, что к тому времени письмо Рылееву он еще не написал.

Пушкиным исключительно для черновиков «Евгения Онегина» — до этого в ней записывались и другие произведения, а стало быть, могло быть записано и продолжение «Бориса Годунова», следующее за сценой в Чудовом монастыре.

13 июля 1825 г. Пушкин сообщает Вяземскому: «Покаместь, душа моя, я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расдалуешь: романтическую трагедию» (XIII, 188); к этому времени закончена первая часть ее, включавшая после сцены в Чудовом монастыре лишь еще четыре сцены (первые три из них — очень короткие): «Ограда монастырская»,<sup>18</sup> «Палаты патриарха», «Царские палаты», «Корчма на литовской границе». Вероятно, они и написаны в июне—июле 1825 г., незадолго до письма Вяземскому.

Таким образом, по совокупности косвенных фактов (прежде всего учитывая переключку «Сцены из Фауста» со сценами из «Бориса Годунова» и письмом к Рылеву) мы можем отнести работу над «Сценой из Фауста» к июню—июлю 1825 г. Потому-то, вероятно, и не попала «Сцена из Фауста» в первое издание стихотворений Пушкина (СПб, 1826), материал для которого Пушкин досылал Плетневу вплоть до прохождения книги через цензуру в конце мая 1825 г.

Эту датировку подтверждает и пушкинский рисунок (Мефистофель в плаще) на л. 74 об. тетради ПД, 835 около строфы XXX-й четвертой главы «Евгения Онегина»; строфа эта, видимо, была написана также в июне—июле 1825 г.<sup>19</sup>

## 2

В первых строках «Сцены из Фауста» мы находим довольно неожиданную реминисценцию — из водевильных куплетов Вяземского:

Одно все водится издавна:  
Родятся люди, люди мрут  
И кое-как пока живут.  
Куда все это как забавно!  
Как не зевать! все песнь одна:  
Или ко сну или со сна!  
Иной зевает от безделья,

<sup>18</sup> Между прочим, сцена «Ограда монастырская» написана не пятистопным белым ямбом, как все предыдущие, а довольно необычным размером — восьмистопным нерифмованным хореем. Возможно, здесь учтен совет Н. Н. Раевского, высказанный в письме, отправленном Пушкину из Белой церкви 12 мая: «Спасибо за план вашей трагедии (<...> Признаюсь, я не совсем понимаю, почему вы хотите писать свою трагедию только белым стихом. Мне кажется, наоборот, что именно здесь было бы уместно применить все богатство разнообразных ваших размеров. Конечно, не перемешивая их между собой, как это делает князь Шаховской, но и не считая себя обязанным соблюдать во всех сценах размер, принятый в первой» (XIII, 172, 535; подлинник по-французски).

<sup>19</sup> Ср. начало этой строфы «Великолепные альбомы... Из библиотеки [бесов]» (VI, 366) со строками «Сцены» «В своем альбоме запиши» и пр.

Зевают многие от дел;  
Иной зеваает, что не ел,  
Другой зеваает, что с похмелья! . . .<sup>20</sup>

Это куплеты из оперы-водевиля, написанной Вяземским совместно с Грибоедовым, «Кто брат? Кто сестра? Или Обман за обманом». Пушкин явно помнил их, когда писал:

Вся тварь разумная скучает:  
Иной от лени, тот от дел;  
Кто верит, кто утратил веру;  
Тот насладиться не успел,  
Тот наслаждался через меру,  
И всяк зеваает да живет —  
И всех вас гроб, зевая, ждет.  
Зевай и ты. . .

(II, 434)

Что это? Случайный каприз памяти или за этим стоит нечто более значительное?

Как бы то ни было, следует напомнить арзамасское прозвище Вяземского — Асмодей, которое он, кстати сказать, носил и после роспуска общества арзамасских литераторов.<sup>21</sup> В 1820-е годы Пушкин обычно так и обращался к приятелю в своих письмах (см.: XIII, 68, 73—74, 104 и др.). Одно из них (от 19 августа 1823 г.) начинается почти так же, как и «Сцена»: «Мне скучно, милый Асмодей. . .» (XIII, 66), а в письме из Михайловского от 13—15 сентября 1825 г. Пушкин в ответ на рассуждения Вяземского об отсутствии в России общественного мнения пишет: «Не демонствуй, Асмодей: мысли твои об общем мнении, о суеете гонения и страдальчества (положим) справедливы — но помилуй. . . это моя религия; я уже не фанатик, но все еще набожен» (XIII, 226). Жалобы на скуку — с определенным политическим подтекстом — обычны для Вяземского тех лет. В 1824 г. Грибоедов пишет ему из Петербурга: «А здесь мертвая скука, да что? не вы ли по всей Руси почуяли тлетворный, кладбищенский воздух? А поветрие отскудова».<sup>22</sup>

<sup>20</sup> Новости литературы, 1824, № 6, с. 94. — Сам Вяземский выделял эти куплеты из числа других, написанных для водевиля. «Вот песня из водевиля, — писал он 31 января 1824 г. А. И. Тургеневу, — которая очень понравилась нашим зевакам. Дай Карамзиным и Воейкову» (Остафьевский архив. СПб., 1899, т. II, с. 7). Написаны куплеты «в подражание французской пьесе, которую певал в то время заезжий француз» (Вяземский и П. А. Полн. собр. соч., т. 7. СПб., 1883, с. 338).

<sup>21</sup> Впоследствии Вяземский использовал арзамасское прозвище в качестве литературного псевдонима (ср.: «Я <...> под некоторыми своими статьями подписываю Асмодей»). — Письмо к А. И. Тургеневу от 6 июля 1827 г. — Остафьевский архив, т. 2, с. 161).

<sup>22</sup> Грибоедов А. С. Сочинения. М.; Л., 1959, с. 547. — Ср. также постоянные жалобы на скуку в письмах Вяземского: «О счастливых жителей благодатного климата можно сказать с Крыловым: „Бывает грустно им, а скучно никогда“ <...> Что за жизнь наша здесь, где небо пасмурное, а земля еще пасмурнее, где нельзя греть ни брюха на солнце, ни сердца

Глубоко разочарованным рисуется Вяземский в посланиях Жуковского:

Ты в утешители зовешь воспоминанье;  
Глядишь без прелести на свет!  
И раззнакомилась с душой твоей желанье!  
И веры к будущему нет!..<sup>23</sup>

Для Пушкина же Вяземский — «наш Аристип и Асмодей» (II, 419). К его «демонизму» Пушкин, как видно, относился с дружеской иронией. Зная это, Вяземский, вероятно, потому и недоумевал в «Записной книжке» (декабрь 1828): «Мне известно, что до правительства было доведено в последний мой приезд в Петербург слово, будто бы сказанное Александром Пушкиным: *вот приехал мой Демон!* Этого не сказал Пушкин, или сказал, да не так. Он не мог придать этим словам ни политический, ни нравственный смысл, а разве просто шуточный и арзамасский, если произнес их (в Арзамасе прозвище мое Асмодей)».<sup>24</sup>

Здесь уместно напомнить, что свое прозвище Вяземский получил по имени беса из баллады Жуковского «Громобой» (1810), в которой тот искушал героя подобно тому, как Мефистофель — Фауста. Потому именно Вяземского, на наш взгляд, имел в виду Пушкин в стихотворении 1828 г., обращенном к английскому художнику Дж. Дау (Доу):

Зачем твой дивный карандаш  
Рисует мой арапский профиль?  
Хоть ты векам его предашь,  
Его освищет Мефистофиль.  
Рисуй Олениной черты..

(III, 101)

Принято считать,<sup>25</sup> что под Мефистофелем (Мефистофилем в написании Пушкина) здесь подразумевается И. С. Мальцов, который за подписью И. М. напечатал резкую критику на Дау в «Московском вестнике» и которого в 1831 г. Мефистофелем называл Погодин.<sup>26</sup> Это слишком сложное допущение. Во-первых,

на солнце нравственном» (А. И. Тургеневу, 11 июня 1824 г. — Остафьевский архив, т. 2, с. 54); «Вот тебе бюджет моего времени незавидный. Скучно, грустно, душно, тяжело» (Пушкину, 10 мая 1826 г. — XIII, 276); «Мне в Азии смертельно» (А. И. Тургеневу, 12 ноября 1827 г. — Остафьевский архив, т. 2, с. 167).

<sup>23</sup> Жуковский В. А. Собр. соч. В 4-х т. М.; Л., 1959, т. I, с. 305.

<sup>24</sup> А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 160. — Ср. свідетельство Вяземского: «Пушкин был вообще простодушен, уживчив и снисходителен, даже иногда с излишеством. По характеру моему я был более туг, несговорчив, неподатлив <...> В этом отношении я был более Альцестом, он Филинтом («Мизантроп» Мольера)» (там же, с. 134).

<sup>25</sup> См.: Пушкин об искусстве. Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г. М. Кока. М., 1962, с. 108.

<sup>26</sup> После публичного чтения своей драмы «Петр I» Погодин писал: «Все в восхищенье, даже Мефистофель Мальцов» (Старина и новизна. СПб., 1907, кн. 7, с. 161).

статья Мальцова вовсе не была резко критической и более того — в ней отмечалось мастерство Дау-портретиста.<sup>27</sup> Во-вторых, следует еще доказать, что Пушкин был извещен о том, кому принадлежит подписанная кривотонимом статья, а также знал в 1828 г. о прозвище Мальцова (которое тот мог получить позднее — после возвращения в Петербург после разгрома российского посольства в Тегеране 30 января 1829 г.).<sup>28</sup> К тому же, хотя Пушкин и был знаком с Мальцовым в 1828 г., отношения их не были так близки, чтобы можно было предположить упоминание последнего в столь интимном контексте. С другой стороны, Вяземский в равной степени близок и Пушкину, и Олениным. Он мог даже сопровождать вместе с Пушкиным Дау на невском пароходе, когда и было, как предполагают, написано стихотворение.<sup>29</sup> Строчка же «Его освищет Мефистофиль» была, по-видимому, откликом на стихотворение Вяземского «Послание к А. А. Б. (А. А. Бобринскому? — С. Ф.). При посылке портрета» (1828):

... Литографирован весь мир.  
Теперь, кто только нос имеет  
Посереде лица, тот сплошь  
Его прославить не робеет,  
Хотя будь нос и нехорош.  
... Век литографий, пароходов,  
Fas simile, *Записок* век!<sup>30</sup>

Все вышесказанное позволяет предположить в Вяземском своеобразный «прототип» пушкинского Мефистофеля.

«Угадывание» в характерах исторических лиц и других персонажей некоторых черт своих современников не противоречит творческой манере Пушкина. Ср., например, в уже цитированном выше письме к Вяземскому от 13—15 сентября 1825 г.: «Моя Марина (т. е. Марина Мнишек, — С. Ф.) славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однакож, этого

---

<sup>27</sup> Ср.: «Касательно г-на Дова я держусь середины между его приверженцев и противников; не назову его отличнейшим гением, не назову его даже великим живописцем, но еще несправедливее кажется мне оспаривать у него всякое достоинство. Портреты его большею частью имеют разительное сходство, хотя не изящное <...> Кисть г-на Дова груба, колорит сыр, освещение слишком резко; однакож надобно отдать ему честь за непридуманную легкость его механизма (le faire). Планы лица всегда набросаны хотя и резко, но с удивительной смелостью и верною, обнаруживающими большое искусство, ловкость и неизменный навык в работе. Эта решительная уверенность в рисунке, смело одна возле другой накиданные краски невольно нравятся, как нравится все резкое и смелое в душе и характере человека, хотя оно и не всегда прекрасно» (Московский вестник, 1828, № 2, ч. 7, с. 124—125).

<sup>28</sup> Об И. С. Мальцове см.: Шостакович С. В. О секретаре грибоедовской миссии. — Труды Иркутского государственного университета, т. XXV. Серия историко-экономическая, вып. 1. Иркутск, 1958.

<sup>29</sup> См.: Кроль А. Затерявшийся портрет А. С. Пушкина работы Джорджа Доу. — Искусство, 1937, № 2, с. 163—169.

<sup>30</sup> Вяземский П. А. Соч. В 2-х т. М., 1982, т. 1, с. 183—184.



никому» (XIII, 226). Напомним опять же, что трагедия Пушкиным пишется одновременно с автобиографическими записками; вероятно, такого рода ассоциации возникали у него неоднократно.

### 3

Академик В. М. Жирмунский заметил, что «отрывок из Фауста стоит вообще под знаком Мефистофеля как главного действующего лица: в нем Пушкин еще усиливает присущие этому образу черты рассудочной критики жизненных ценностей в духе французских „вольнодумцев“ XVIII в., скептического „вольтеррианства“, разоблачающего наивный и мечтательный идеализм. Этот рационалистический „Фауст“, воспитанный в умственной традиции французской буржуазной мысли XVIII в., перекликается с разочарованными и пресыщенными жизнью байроническими героями молодого Пушкина, со скучающим Онегиным и др.».<sup>31</sup>

В самом деле романтическое «неясное томление» в «Сцене из Фауста» объяснено и развенчано с позиций просветительского рационализма, но недаром В. М. Жирмунский, тонко чувствуя стилистику пушкинской «Сцены», ставит слова «вольтеррианство» и «вольнодумцы» в кавычки: беспросветный скептицизм Мефистофеля и пресыщенность Фауста самого Пушкина уже не подавляют. Он может не просто взглянуть на них со стороны, но и почувствовать трагикомизм воссозданной ситуации.

То состояние, которое переживает пушкинский Фауст, имело традиционный элегический эквивалент под названием «тоска», «унылость» и т. п. Журналы 1820-х годов буквально наводнены подобными стихотворениями, и «Сцена из Фауста» должна рассматриваться в соотношении с подобной лирикой (по контрасту с ней). Не случайно за «Сценой» при первой ее публикации следовала «ода» П. А. Шкляевского — Шкляева «Тоска» («подражание младшему Расину»):

Зарей пернаты пробужденны  
Поют утехы и любовь;  
А я, тоскою омраченный,  
Ко стонам воздвигаюсь вновь...  
Мужаться доблестью средь бедства  
И без надежды зло терпеть,  
Иного в сей юдоли средства  
Не может мудрость усмотреть...<sup>32</sup>

В следующем же номере журнала можно прочитать стихотворение Ротчева «Тоска души»:

... Ужель в бездейственной тиши  
С душою пылкой, но бессильной

<sup>31</sup> Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981, с. 111.

<sup>32</sup> Московский вестник, 1828, № 9, ч. 9, с. 8—12.

Я низойду во мрак могильный,  
Плодов надежд не соберу  
И на земле, как на пиру,  
Пребуду, праздный посетитель?  
Зачем же жизнь во мне кипит,  
Зачем огонь во мне горит?  
Вожатый он — или обольститель? <sup>33</sup>

Пушкин, в полной мере отдавший дань унылому элегизму в начале 1820-х годов, теперь ценит классическую элегию за ее аналитический психологизм, высмеивая эпитонские жалобные сетования в эпиграмме «Соловей и кукушка» («...Избавь нас, боже, От элегических куку!» — II, 431) и в противовес им создавая свою «Вакхическую песню» («Что смолкнул веселия глас?..»).

Вместе с тем состояние безотчетной тоски — своеобразной «болезни времени» — остается в поле зрения пушкинского творчества, обозначенное теперь прозаически как «хандра», «скука».

Нравственно-философское содержание этого понятия полнее всего было раскрыто в трактате Гельвеция «О человеке»:

«Скука есть такое страшное зло, как и нужда»; «Скука — болезнь души. Каков ее источник? Отсутствие желаний достаточно сильных для того, чтобы занять нас. Скромное состояние заставило нас трудиться; мы усвоили привычку к труду, мы добиваемся славы в области искусств и наук, тогда нам не угрожает скука. Ее жертвой является обыкновенно лишь праздный богач»; «Счастье заключается не столько в обладании, сколько в процессе овладения предметом наших желаний <...> Душа тогда постоянно в действии; постоянно приятно взволнованная, она не знает скуки». <sup>34</sup>

Очевидно, Пушкин читал трактат Гельвеция. Впрочем, сходные мысли постоянно варьировались в просветительской литературе — не быть с ними знакомым по тому или иному источнику Пушкин просто не мог. <sup>35</sup>

Для того же чтобы оттенить ироническое отношение Пушкина к мефистофелевской апологии скуки (а также в какой-то мере к постоянным жалобам на «скуку» «Ариштипа и Асмодея» Вяземского), следует вспомнить, что в «Сцене из Фауста» воссоздана ситуация, в которой просветительский рецепт лечения от скуки неисполним, так как в силу добровольного соглашения Фауста с Мефистофелем герой обречен на бездействие. «Ты ждешь на себя, — писал Жан Батист Сей, — впечатлений от других. Для счастья надобно быть самобытным, надобно производить, не быть производимым <...> состояние безрукого богача самое несчастное,

<sup>33</sup> Там же, № 10, с. 119.

<sup>34</sup> Гельвеций К. А. Соч. В 2-х т. М., 1974, т. 2, с. 382, 387, 415.

<sup>35</sup> Ср., например, «Основания счастья» (сочинение Ж. Б. Сей). — Московский телеграф, 1825, № 8, ч. 2, с. 273—276; «Убивать время» (из «L'Hermitte de la Quiane»). — Невский альманах на 1825 г. СПб., 1825, с. 166—168 (перевод В. М. Княжевича).

а кто не употребляет своих рук, разве не безрукий <...> Действуй — и скука убежит от тебя». <sup>36</sup>

Известно, что во второй части трагедии Гете Фауст, испытав все человеческие наслаждения и искушения, обретает счастье в созидании. У Пушкина — в необходимо ощущавшемся им общем просветительском контексте рассуждений Фауста и Мефистофеля — мысль о творчестве, действенном отношении к жизни присутствует в подтексте, в соотношении с которым воспринимается истинная цена и страданий Фауста, и скептицизма Мефистофеля.

В последнее время академик М. П. Алексеев поддержал гипотезу о том, что пушкинская «Сцена» могла подсказать Гете развязку его трагедии. <sup>37</sup> Изложенные выше наблюдения, как нам кажется, эту гипотезу подтверждают, так как для любого образованного современника Пушкина идеологическая направленность его произведения была, конечно, вполне понятной.

#### 4

«Не надобно все высказывать — это есть тайна запимательности», — писал Пушкин Вяземскому в 1823 г. (XIII, 58). Здесь, в сущности, сформулирован важнейший творческий принцип Пушкина, которому он оставался верен всегда. Нередко в кульминационной точке произведения поэт щедро доверяет воображению читателей, вовлекая их в активное сотворчество.

Разумеется, в подобных случаях Пушкин предполагал соблюдение «законов», «им самим над собою признанных» (XIII, 138).

Нередко считается, что от Гете в своей «Сцене» Пушкин заимствовал только имена. Но не говоря уже о заглавии произведения («Сцена из Фауста»), оно и оформлено как фрагмент: недаром первая и последняя строки оставлены незарифмованными. Все это в свою очередь предполагает в определенной степени соотношение пушкинской «Сцены» с целым, с трагедией Гете.

Особенно явственно эта связь ощущается в следующем поворотном пункте пушкинской сцены:

Ме ф и с т о ф и л ь

Потом из этого всего  
Одно ты вывел заключение...

Фа у с т

Сокройся, адское творенье!  
Беги от взора моего!  
(II, 437)

<sup>36</sup> Московский телеграф, 1825, № 8, ч. 2, с. 273—274.

<sup>37</sup> Алексеев М. П. Заметки на полях. 4. К «Сцене из Фауста» Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 80—97.

Какое «заключенье» подразумевает здесь Мефистофель? И почему Фауст именно сейчас обрывает беса?

Может быть, герой боится дальнейших разоблачений? Но на этот счет все уже сказано. Дело, видимо, в другом: Фауст противится согласиться с чем-то, на что с исчерпывающим пониманием его натуры и с неотразимой логикой наталкивает его собеседник.

Вспомним, что у Гете Мефистофель, развлекая Фауста и исполняя его желания, преследует лишь одну, вполне определенную цель: добиться, чтобы тот наконец отправился в ад. Если в догетевских обработках легенды договор между человеком и дьяволом был заключен на определенный срок (в народной книге — на 24 года), то в трагедии Гете Фауст выговаривает особое условие:

Когда воскликну я: «Мгновенье,  
Прекрасно ты, продлись, постой!» —  
Тогда готовь мне цепь плененья,  
Земля, разверзись предо мной!

К этому-то «заклучению», вероятно, и подталкивает Фауста в пушкинской сцене Мефистофель. Нетрудно заметить теперь, как последовательно он загоняет своего надоевшего «подопечного» в угол. Сначала он заставляет героя вспомнить самое сильное из представленных ему наслаждений, потом — в этом впечатлении найти черту, отделяющую наслаждение от пресыщения, и пожелать не просто вернуть, но и продлить то мгновение. Однако стоит Фаусту согласиться с этим — и, по условию договора, жизнь его окончится. Поэтому он и восклицает: «Сокройся, адское творенье!», предпочитая небытию скуку.

В данном случае обнажается драматическая структура пушкинского произведения. Внешне выступая как alter ego Фауста, Мефистофель движим логикой собственного характера, преследует собственные интересы, хотя, казалось бы, служит простым орудием в руках Фауста.

Это заставляет с особым вниманием присмотреться и к концовке «Сцены».

Конечно, соотношение пушкинской «Сцены» с произведением Гете вовсе не таково, чтобы ею можно было дополнить трагедию. В своей трагедии (мы имеем в виду первую ее часть, которая только и могла быть известна Пушкину) Гете воссоздает быт средневековой Германии. Пушкин же, обращаясь к классическому образцу, размышляет о современности (вспомним пушкинское определение Гете: «Фарос новейших времен»).

В тексте пушкинской «Сцены» несколько раз возникают примеры новейших времен, что ни в коем случае нельзя считать анахронизмом. Просто здесь средневековый Фауст дожил до пушкинского времени, что в принципе не противоречит «законам»

---

<sup>38</sup> Гете И. В. Собр. соч. В 13-ти т. М., 1947, т. 5, с. 110. Перевод Н. Холодковского.

избранной легенды. Потому пушкинский Мефистофель и может сказать:

Доволен будь  
Ты доказательством рассудка.  
В своем альбоме запиши:  
Fastidium est quies — скука  
Отдохновение души.

(II, 434—435) <sup>39</sup>

Или же он может отрекомендоваться: «Я психолог <sup>40</sup>... о, вот наука!» (II, 435).

Только учитывая современность содержания пушкинской «Сцены», можно, как нам кажется, понять ее итог:

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,  
Пристать в Голландию готовый:  
На нем мерзавцев сотни три,  
Две обезьяны, бочки золота,  
Да груз богатый шоколата,  
Да модная болезнь: она  
Недавно вам подарена.

Фауст

Все утопить.

Мефистофель

Сей час.  
(Исчезает)

(II, 437—438)

Можно вспомнить в этой связи, что в четвертой главе вольтеровской повести «Кандид» именно в Голландии Панглос объясняет герою длинную «родословную» своей «модной болезни», восходящую к одному из сотоварищей Христофора Колумба, не забывая, однако, по своему обыкновению высказаться оптимистически о благах цивилизации: шоколаде и кошенили, вывезенных из Нового Света; в конце той же главы рассказывается об обрушившейся на корабль буре, явившейся следствием страшнейшего лиссабонского землетрясения 1755 г.

<sup>39</sup> Ср. в стихотворении Вяземского «Альбом»: «Как в жизни, так не точно ли в альбоме Плоды души сжимает светский лед... В альбоме то ж: здесь сердце улыбнется, А там зевнет с рассудком заодно» (Вяземский П. А. Соч., т. 1, с. 146).

<sup>40</sup> Ср.: «Само слово „психология“, предложенное в 1590 г. немецким схоластиком Гокленусом, стало в Европе общеизвестным лишь после выхода книг Хр. Вольфа „Эмпирическая психология“ (1732) и „Рациональная психология“ (1734)» (Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1966, с. 176).

Эта параллель с концовкой пушкинской «Сцены» могла бы показаться совершенно случайной, если бы в 1825 г. одним из самых памятных в Европе событий не было сокрушительное наводнение в Голландии (в пачале февраля). Можно понять, почему о нем писали особенно много в России: здесь еще была свежа память о петербургском наводнении 1824 г.

«Сильное наводнение, — сообщалось в «Сыне отечества», — покрыло немецкие и нидерландские берега Северного моря, провало все плотины, затопило многие селения, истребило великое число людей и животных, рушило плоды долговременных трудов, здания, рощи и пашни — и тучные дотоле пажити, место прелестных садов, покрыло густым илом, в котором никакая травинка прозябнуть не может. На местах богатых селений, в нескольких верстах от берега, бывает ныне правильный прилив и отлив моря...»<sup>41</sup>

Не имел ли в виду Пушкин этого бедствия, когда заканчивал «Сцену из Фауста»? Если так, то приказ Фауста: «Все утопить» (все, т. е., по его разумению, корабль мерзавцев и грабителей, ужасную гримасу цивилизации) пушкинский Мефистофель наверняка предпочтет понять буквально: все, в том числе и саму трудолюбивую Голландию.<sup>42</sup>

Такой финал не только оправдывает перенесение действия в Голландию, но и содержит сильнейший драматургический эффект: выполнение приказы Фауста, Мефистофель в сущности всегда доводит их до логического (по законом зла) конца, постоянно наслаждаясь «плодами своего труда».

С другой стороны, рассматривая «Сцену из Фауста» в кругу произведений Пушкина михайловской поры, мы не можем не соотносить ее с его «главной книгой». В шестой главе романа в стихах скучающий Онегин, подобно Фаусту, также оказывается виновником преступления (убийства Ленского) — до некоторой степени невольного, но в то же время и вполне закономерного.

---

<sup>41</sup> Сыно отечества, 1825, № 10, ч. 101, с. 218—219 — См. также: Московский телеграф, 1825, № 14, ч. 4, с. 168—172; № 15, ч. 4, с. 253—258; Северная пчела, 1825, № 19 (12 февраля)—29 (7 марта), 31 (12 марта), 34 (19 марта), 38 (28 марта).

<sup>42</sup> В просветительских трактатах Голландия традиционно служила примером трудолюбия. «Люди, — писал Монтескье, имея в виду прежде всего голландцев, — посредством старания и хороших законов, сделали землю удобнейшею для своего жилища. Мы видим, что реки текут там, где были озера и болота: это такое добро, которого не произвела природа, но только поддерживается ею» (О существе законов, творение г. Монтескье. М., 1810, ч. 3, с. 11—12). «В самом деле, — писал Рейналь, — не должно ли ожидать патриотических чувствований от такого народа, который может сказать себе: я сделал плодоносно сию мною обитаемую землю. Я украсил, образовал ее! Волны сего грозного моря, которое покрывало поля наши, сокрушаются о преграды, мною поставленные...» (Рейналь. Философическая и политическая история о заведеннях и коммерции европейцев в обеих Индиях. СПб., 1810, ч. 1, с. 285).

В. Г. ЗАГВОЗКИНА

## БАРАТЫНСКИЙ В РИСУНКАХ ПУШКИНА

Серьезное изучение графики Пушкина началось с появлением работ выдающегося исследователя А. М. Эфроса.<sup>1</sup> За четверть века (1919—1946) ему удалось опубликовать и прокомментировать более 150 рисунков поэта, среди которых — множество портретов его современников, друзей и знакомых. Но Баратынского в их числе не было. Только в 1970 г. Т. Г. Цявловская определила один из портретов как изображение Баратынского.<sup>2</sup> Он находится в рабочей тетради-альбоме 1828—1833 гг. на полях черновика второй песни «Полтавы» (первые стихи) и датируется 1828 годом. Т. Г. Цявловская сравнила портрет с литографией А. Мюнстера с рисунка А. Лебедева, на которой Баратынский изображен 3/4 вправо, почти анфас.<sup>3</sup> Но портрет, который она подвергла атрибуции, — профильный с поворотом влево. Нам кажется, что в этом случае целесообразнее было бы для сравнения избрать тоже профильные портреты поэта. Это помогло бы Т. Г. Цявловской избежать ошибки в атрибуции изображения поэта.

Такие портреты есть. Это прежде всего два прижизненных силуэта (вправо). Один из них находится в альбоме А. П. Елагиной и, по-видимому, нарисован П. В. Киреевским около 1830 г., другой — выполнен неизвестным художником, вероятнее всего тоже непрофессионалом, в 30-е годы. Затем следует назвать гравюру Л. Константинова 1868 года, воспроизведенную с посмертной гипсовой маски (в овале, в виде бюста, вправо). Сын поэта, Лев Евгеньевич, считал эту гравюру наиболее удачной из посмертных изображений отца.<sup>4</sup> И, наконец, упомянем автопрофиль

<sup>1</sup> См.: Эфрос А. М. 1) Рисунки поэта. 2-е изд. М., Л., 1933; 2) Декабристы в рисунках Пушкина. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18; 3) Пушкин-портретист. М., 1946; 4) Автопортреты Пушкина. М., 1947.

<sup>2</sup> См.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд. М., 1980, с. 205—208.

<sup>3</sup> См.: Портретная галерея А. Мюнстера. СПб., 1860, т. 2.

<sup>4</sup> См.: Письмо в редакцию Л. Е. Баратынского. — Исторический вестник, 1899, март, с. 1108.

Баратынского, опубликованный в 1936 г. редакторами Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой в собрании стихотворений Е. А. Баратынского.<sup>5</sup> На то, что это автопортрет Е. А. Баратынского, указывает Н. В. Путья, его друг, впоследствии свойственник, бережно сохранивший и большинство автографов поэта. На отдельном листе, который хранится вместе с тетрадью С. Л. Энгельгардт, есть запись, сделанная рукой Н. В. Путья: «Двадцать автографов Е. А. Баратынского», далее перечисляются стихотворения. Под номером 3 в списке значится: «Эпиграмма „Хотите ль знать все таинства любви“». Перед текстом — карандашный профиль (автопортрет).<sup>6</sup> Рисунок находится в верхней части листа перед эпиграммой. Остается только добавить, что справа над ним имеется надпись, сделанная Н. В. Путьей: «Ев. Баратынского».<sup>7</sup> Расположение автопортрета рядом с эпиграммой дает нам возможность датировать его декабрем 1826 г.<sup>8</sup>

Данный автопортрет является самым ранним профильным изображением поэта и одним из первых дошедших до нас его портретов. Он выполнен самим поэтом, как известно обладавшим талантом художника.<sup>9</sup> В автопрофиле отчетливо видны характерные черты облика Баратынского, которые в той или иной степени просматриваются в прижизненных анфасных изображениях поэта: чуть уходящая вглубь линия лба, прямой крупный нос, характерный по изгибу рисунок крупных губ, складки уголков рта, намеченная раздвоенность выпуклого подбородка, своеобразный, необычный рисунок бровей, нависающих над большими глазами.

Сравнивая автопортрет с профилем в черновиках «Полтавы», мы можем с уверенностью сказать, что это изображения двух разных людей. Для Баратынского не характерны «нос с горбинкой», «выдающийся рельеф затылка», усеченные линии (почти

---

<sup>5</sup> См.: Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотв. В 2-х т. М.; Л., 1936, т. I, с. 296—297.

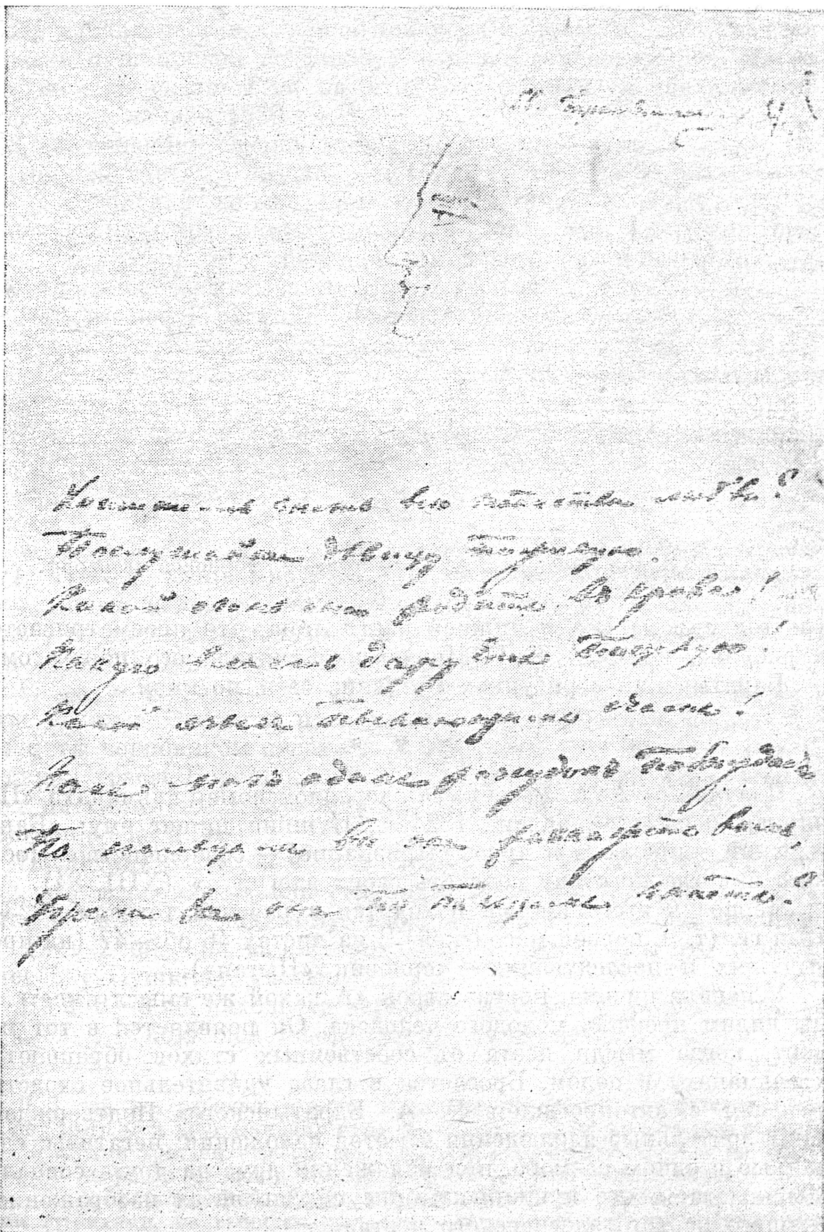
<sup>6</sup> ЦГАЛИ, ф. 394, оп. 1, ед. хр. 170, л. 60 об.

<sup>7</sup> См. ил. на с. 39. — Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева приняли надпись Н. В. Путья в верхней части листа за автограф Е. А. Баратынского. См. надпись под рисунком в упомянутом двухтомнике произведений Баратынского: «Автопортрет и автограф Баратынского» (с. 296—297) и запись на с. 361: «Автопортрет и автограф Баратынского из тетради С. Л. Энгельгардт (Центр. лит. музей)». — Отметим и другую неточность: автопрофиль хранится в ЦГАЛИ, в фонде Баратынского (ф. 51, оп. 1, ед. хр. 189, л. 4), а не в тетради С. Л. Энгельгардт.

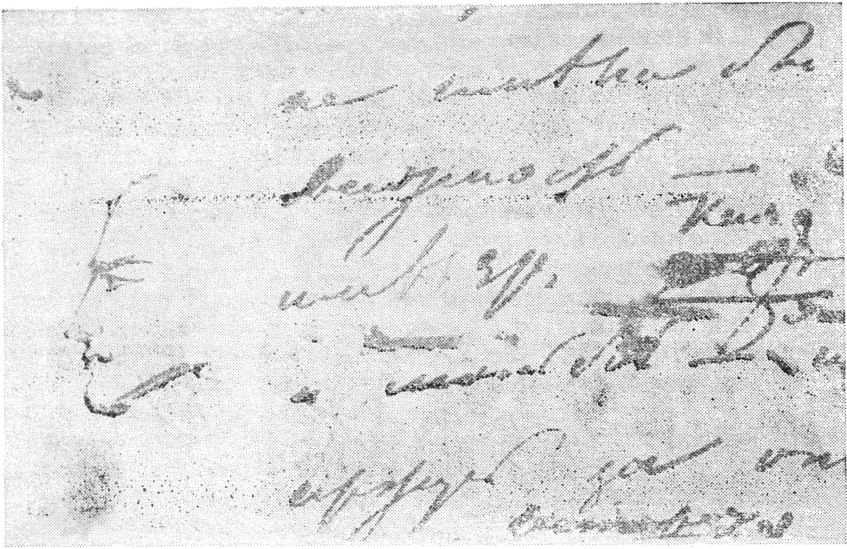
<sup>8</sup> В письме от 6 января 1827 г. П. А. Вяземский сообщает В. А. Жуковскому эту эпиграмму в качестве литературной новинки. См.: Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским. 1814—1837 годы. Пг., 1921, т. I, с. 56.

<sup>9</sup> Известны рисунки Баратынского, находящиеся в альбомах «Tendresse» и «Souvenir». Большинство из них воспроизведено в I томе двухтомного собрания сочинений Е. А. Баратынского, вышедшего в серии Академической библиотеки русских писателей ([Пг.] 1914—1915), в издании стихотворений поэта 1936 г. (см. выше) и др.





Е. А. Баратынский. Автопортрет и автограф стихотворения «Хотите ль знать все таинства любви. . .».



А. С. Пушкин. Письмо к А. А. Бестужеву. Черновой автограф.

треугольником) лба и нижней части лица, что просматривается в рисунке, который Т. Г. Цявловская считала его портретом.<sup>10</sup> Баратынский в рисунках Пушкина есть, но иной.

\* \* \*

Получив от А. А. Бестужева очередной номер альманаха «Полярная звезда» 12 января 1824 г., Пушкин пишет ему: «Баратынский — прелесть и чудо, „Признание“ — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий...» (XIII, 84).

Черновик этого письма находится в рабочей тетради 1823—1824 гг. (т. н. первой масонской)<sup>11</sup> на листах 46 об.—47 (на предыдущих и последующих — черновик «Цыган»).

У пачала письма, против строк «А какой же смысл имеет...» мы видим профиль молодого человека. Он появляется в тот момент, когда мысли поэта от собственных стихов обращаются к альманаху в целом. Бросается в глаза удивительное сходство профиля с автопрофилем Е. А. Баратынского. Подтверждает наши зрительные наблюдения и метод наложения: негативы, сделанные в одном размере, при наложении друг на друга совпали. Мы полагаем, что пушкинский рисунок является изображением «нашего первого элегического поэта».

Профиль, нарисованный Пушкиным, имеет свои особенности. Он разработан более тщательно, чем автопортрет, особенно брови

<sup>10</sup> См.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина, с. 205—206.

<sup>11</sup> ПД, 834.

и верхняя часть. Видимо, поэт сумел подметить в Баратынском самое характерное и главное, присущее только ему. В этом своеобразии пушкинской графики, тем более замечательное, что все его рисунки сделаны по памяти (и в данном случае поэты не выделялись с начала 1820 г.).<sup>12</sup>

Изображение связано с текстом письма — в этот период Баратынский занимал мысли и чувства поэта. Оно появляется на полях черновика раньше, чем слова Пушкина, и служит как бы графическим выражением мыслей, которые поэт выскажет позднее. Выполненный с большой любовью, портрет готовит нас к восприятию высказывания Пушкина о Е. А. Баратынском.

Как правило, рисунки наиболее близких людей, о которых поэт думает, повторяются. Их можно легко найти среди множества его зарисовок, так как портретные изображения Пушкина устойчивы.

Повторяется в пушкинской графике и портрет Баратынского.

\* \* \*

В XXX-й строфе третьей главы романа «Евгений Онегин» (VI, 64—65) автор просит Е. А. Баратынского переложить на «волшебные напевы» «иноплеменные слова» (т. е. французский текст) из письма Татьяны к Онегину. Черновики показывают, что под пером Пушкина строфа эта сложилась не сразу.

Рабочую тетрадь 1824—1827 гг. (т. е. вторую масонскую)<sup>13</sup> поэт начал в Одессе и продолжил в Михайловском. Листы 1—2 заняты черновиком письма к А. И. Казначееву, правителю канцелярии графа Воронцова. У начала его дата «22 мая» 1824 г. Под письмом (на л. 2) черновик XXIX строфы третьей главы «Евгения Онегина».

Последние 5 стихов в этой строфе (см.: VI, 310) имеют иной вид, чем в окончательной редакции. Перехода к строфе о Баратынском нет — по-видимому, мысли о ней у поэта еще не было.

Лист 2 об. при заполнении был оставлен, как это нередко бывало у Пушкина, чистым.

На л. 3—3 об. находится черновик «Цыган» («Веду я гостя...» до слов: «... поднялся табор...» — IV, 410—412).

---

<sup>12</sup> В той же рабочей тетради Пушкина, на листе 5, против стихов: «И лет 16-ти мой друг Окончил курс своих наук» (первоначальный вариант 13—14 стихов третьей строфы гл. I «Евгения Онегина») справа на полях имеется набросок профиля молодого человека. Мы предполагаем, что и это — Е. А. Баратынский. Рисунок очень маленький, сделан он несколькими штрихами, не выписан, верхняя часть смазана, более удачно схвачена нижняя часть. Но по времени это самое раннее изображение Баратынского в рукописях Пушкина. Это как бы проба пера — поэт только нащупывает линии профиля Баратынского. К тому же, на этом портрете он очень молод. Но все же при тщательном изучении просматривается сходство этого наброска с автопортретом поэта и рисунками Пушкина. Рисунок может быть датирован, как и текст, 9—28 мая 1823 г.

<sup>13</sup> ПД, 835.

На листе 4 — автограф строфы «Я помню море пред грозою...», которая впоследствии стала XXXIII строфой первой главы «Евгения Онегина» (VI, 261).

Листы 4—7 об. заняты черновиками XXXI строфы и письмом Татьяны к Онегину. За ними, на листе 7 об., следует строфа XXXII (после письма); редакция ее ближе к окончательной, находится на листе 11 об., и под ней стоит дата — 5 сентября 1824 г.

Первоначальный набросок XXXII строфы («...остановилась Рука — и с одного плеча...») находится на листе 2 об., оставленном ранее чистым.

Под ним мы читаем стихи:

Певец любви, когда б со мною  
О мой волшебник

—  
Однако полно — мне свобода  
(VI, 311)

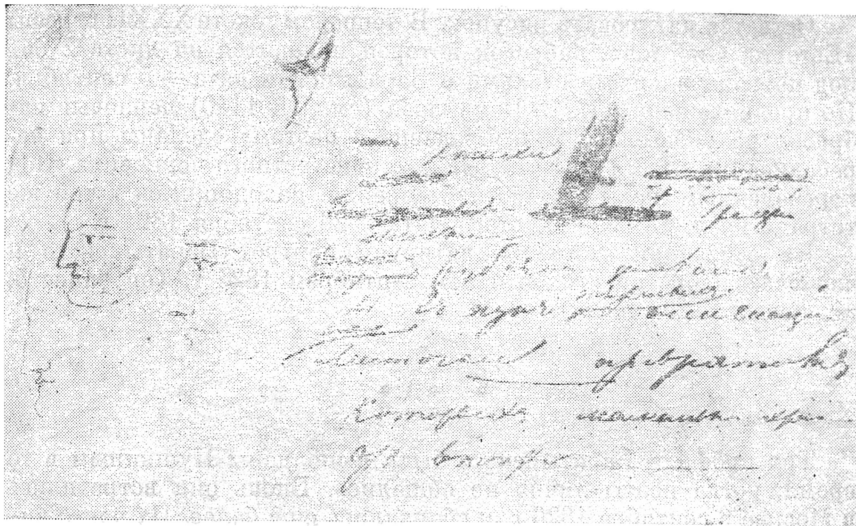
Это первое упоминание о Баратынском. Последний стих (XXIX строфа, стих 9), записанный Пушкиным для памяти, свидетельствует о том, что замысел отдельной строфы о Баратынском у поэта уже появился. И он решил исправить последние стихи предыдущей строфы для перехода к XXX строфе. Но Пушкин, видимо, не сразу осуществил свое намерение. Под наброском находится черновой автограф 9—12 стихов из «Разговора книгопродавца с поэтом»:

Стихе                      питомца Граций  
Мы вмиг рублями заменим  
И в пук тяжелых ассигнаций  
Его листочки превратим

(II, 837)

Слева от него, на полях, нарисованы три профиля. Ближайший к тексту, — по-видимому, профиль Е. А. Баратынского. Он очень похож на автопортрет поэта и рисунок Пушкина на полях письма к Бестужеву. При наложении друг на друга в одинаковом масштабе все три профильных изображения совпали. Очевидно, главной причиной появления профиля послужил первоначальный набросок о Баратынском из XXX строфы третьей главы «Евгения Онегина».

Расположение рисунка рядом со стихами из «Разговора книгопродавца с поэтом» объясняется, возможно, тем, что, разрабатывая тему поэта и поэзии, Пушкин не мог не вспомнить о Баратынском. Судьба финляндского изгнанника постоянно интересовала его. Кроме этого, профиль на полях стихотворения — графическое свидетельство обращения Пушкина и далее к теме Баратынского. Соответствующие стихи появляются на листах 3 об.—4, под черновиком «Цыган» и XXXIII строфы первой главы «Евгения Онегина», т. е. на ближайших к тексту первоначального наброска и портрету Баратынского свободных местах.



А. С. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом. Автограф.

Вначале поэт разрабатывает 9—14 стихи XXIX строфы:

Но полно — мне пора запиться  
Письмом красавицы моей  
Я слово дал — и что ж — ей ей  
Теперь готов хоть отказаться  
[О где] найду [я] в наши дни  
Перо [достойное] Парни

(VI, 311)

Переход к строфе о Баратынском подготовлен. Второй набросок ее и основной черновик находятся под строками XXIX строфы.

Интересно, как в процессе работы поэт уточняет характеристику поэта-элегика. В первоначальном наброске (л. 2 об.):

Певец любви  
[Задумчивый] волшебник.

Во втором наброске (л. 3):

Певец любви неги томной  
Певец пиров и страсти томной  
Поэт унынья  
Певец пиров и неги томной.

В основном черновике (л. 4):

Певец любви, певец пиров

В окончательной редакции (VI, 64):

Певец Пиров и грусти томной...

Остается датировать рисунок. В черновом тексте XXXII строфы «Евгения Онегина», набросок которой находится на листе 2 об., под первоначальными стихами о Баратынском дата — 5 сентября. По предположению Н. В. Измайлова (см.: II, 1140) черновые наброски из «Разговора книгопродавца с поэтом» сделаны при перебеливании текста стихотворения с неизвестного черновика. Под перебеленным же текстом стихотворения, паходящимся в той же тетради на л. 13 об.—17, стоит дата — 26 сентября 1824 г.

На основании этого мы датировем портрет Баратынского и черновые наброски стихов о нем сентябрем 1824 г. (не ранее 5, не позднее 26 числа).

\* \* \*

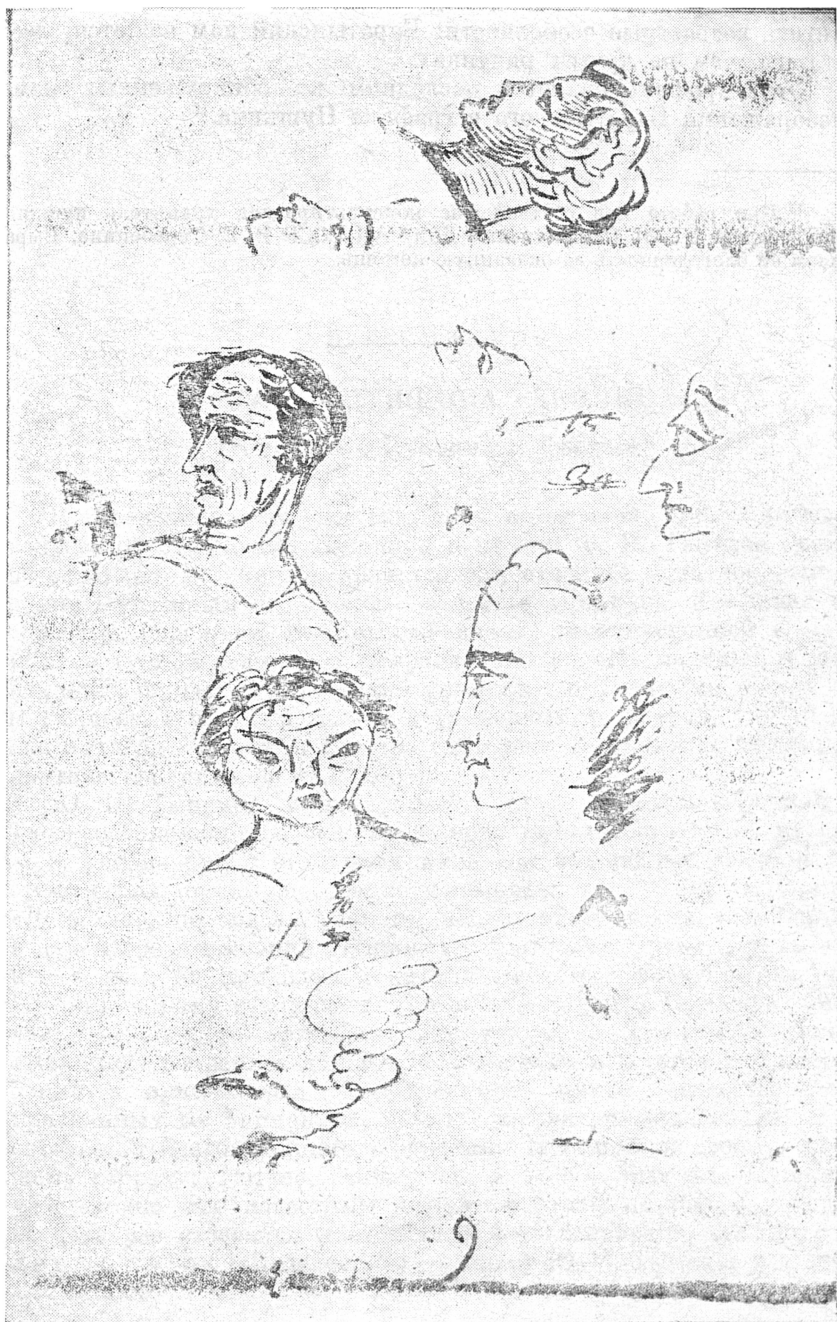
Три профиля Баратынского были выполнены Пушкиным в то время, когда поэты лично не общались. Вновь они встретились в Москве в сентябре 1826 г. и сблизились еще более. Их часто видели вместе. В этом отношении характерно воспоминание Т. П. Пассек: «В залу вошли два молодых человека, один — высокий блондин, другой среднего роста брюнет, с черными курчавыми волосами и резко-выраженным лицом <...> блондин — Баратынский, брюнет — Пушкин. Они шли рядом, им уступали дорогу».<sup>14</sup>

По-прежнему Пушкин проявляет интерес к творчеству Баратынского: он дает высокую оценку поэме «Эда» и старается защитить ее от враждебно настроенной критики, приветствует новую поэму «Бал», считая ее «плодом зрелого таланта». «Бал» Баратынского вышел в 1828 г. под одной обложкой с «Графом Нулиным» Пушкина — под общим заголовком: «Две повести в стихах». Пушкин хотел написать статью о Баратынском и его творчестве. До нас дошли черновые автографы трех его статей. Больше других близка к завершению последняя — «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов» (XI, 185); она датируется осенью 1830—второй половиной 1831 гг. Пушкин обращает внимание критики и читающей публики на своеобразие и оригинальность произведений Баратынского, дает удивительную по глубине и верности оценку его творчества. Черновик этой статьи находится на двух полных листах белой бумаги большого формата, вложенных друг в друга.<sup>15</sup>

Лист 1 оборван сверху и справа, на лицевой стороне его видны рисунки (оборот листа чистый). Среди них мы обнаруживаем уже знакомый нам профиль — портрет Е. А. Баратынского. Но он несколько отличается от других рисунков: более четко прорисована верхняя часть лица — густые брови, большие глаза, свое-

<sup>14</sup> Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963, т. I, с. 239.

<sup>15</sup> ПД, 1088.



Рисунки Пушкина на черновом автографе его статьи о Баратынском.

образная прическа с коком надо лбом. Поэт даже пытается отметить возрастные особенности: Баратынский нам кажется здесь старше, чем на других рисунках.

Этот профиль является последним из обнаруженных нами изображений Баратынского в графике Пушкина.<sup>16</sup>

---

<sup>16</sup> При работе над статьей нас консультировала хранитель пушкинского фонда ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР Р. Е. Терехина. Выражаем ей благодарность за оказанную помощь.



Л. С. СИДЯКОВ

## О СТАТЬЕ ПУШКИНА «ДЕННИЦА»

(К спорам о Пушкине и Тютчеве)

В продолжающем до сих пор оставаться дискуссионным вопросе об отношении Пушкина к поэзии Ф. И. Тютчева одним из основных аргументов является единственное печатное упоминание Пушкиным его имени — в статье «Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем», опубликованной в № 8 «Литературной газеты» 5 февраля 1830 г.: «Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим. Но Хомяков написал *Ермака*, и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи» (XI, 105).

Ю. Н. Тынянов, выдвинувший в статье 1923 г. «Пушкин и Тютчев»<sup>1</sup> концепцию непримиримого противоборства обоих поэтов, рассматривал это упоминание как важнейшее звено в системе своих, преимущественно косвенных, доказательств. Статья «Денница», по мысли ученого, не оставляет места «сомнениям в характере отношений Пушкина к Тютчеву»: трактуя упоминание о нем, он приходит к категорическому выводу о том, что Пушкин «прямо отказывает в истинном таланте Тютчеву».<sup>2</sup> Значение решающего аргумента упоминание о Тютчеве в статье «Денница» сохраняет для Ю. Н. Тынянова и в вопросе о публикации в пушкинском «Современнике» цикла «Стихотворений, присланных из Германии», обычно рассматривавшейся как свидетельство благосклонного отношения Пушкина к своему младшему брату; Тютчев, считает он, в 1836 г. был для Пушкина «достаточно ему известным и притом таким поэтом, о котором он уже раз отозвался и отозвался неблагоприятно, за шесть лет до того». «Казалось бы, — пишет Ю. Н. Тынянов в другом

<sup>1</sup> Впервые опубликована в кн.: Поэтика. Временник отдела словесных искусств ГИИИ. Л., 1926, вып. I, с. 107—126.

<sup>2</sup> Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969, с. 176—177.

месте своей статьи, — после того как в 1914 году документально удостоверена принадлежность Пушкипу характерного отзыва о Тютчеве, легенда о старшем поэте, благословляющем младшего, должна бы отпасть».<sup>3</sup>

Г. И. Чулков, первым противопоставивший свою точку зрения тыняновской, возражал против того, будто Пушкин когда-либо прямо оценивал творчество Тютчева; контекст, в котором упоминается его имя в статье «Денница» он рассматривал лишь как свидетельство того, что «Пушкин еще не составил тогда, в 1830 году, своего мнения о Тютчеве. <...> Со свойственной ему осторожностью Пушкин не спешил высказываться о новом поэте. . .».<sup>4</sup>

Но трактовка упоминания имени Тютчева в качестве «отзыва» о нем является в настоящее время более или менее общепринятой, даже в тех случаях, когда исследователи и не принимают концепцию Ю. Н. Тынянова полностью.<sup>5</sup>

Между тем, цитируемое место пушкинской статьи не дает достаточных оснований для тех выводов, которые были из него сделаны. Показательно, что никто из писавших по этому вопросу должным образом не сличил пушкинский текст с вызвавшим его местом статьи И. В. Киреевского, изложением которого он является. Слова Киреевского, если и цитировались, то не в полном объеме, к которому отсылает соответствующий пушкинский текст. Кроме того, для правильного понимания последнего необходимо должным образом представлять характер и задачи статьи «Денница», текст которой в большей своей части отнюдь не может восприниматься как прямые оценочные суждения Пушкина.

Будучи формально рецензией на альманах М. А. Максимовича, статья Пушкина, как известно, посвящена почти исключительно помещенному в нем «Обзору русской словесности 1829 года» Киреевского, причем пушкинская оценка «Обзора» занимает сравнительно скромное место; больше всего внимания Пушкин уделяет сочувственному изложению содержания статьи Киреев-

---

<sup>3</sup> Там же, с. 179, 184. — Ю. Н. Тынянов имеет в виду документальное подтверждение принадлежности Пушкипу статьи «Денница» в статье А. Г. Фомина «К вопросу об авторстве неподписанных статей А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземского и других в „Литературной газете“ 1830 г.» (Русский библиофил, 1914, № 4, с. 41—52).

<sup>4</sup> Чулков Г. «Стихотворения, присланные из Германии». (К вопросу об отношении Пушкина к Тютчеву). — Звенья. М.; Л., 1933, т. II, с. 258. — Близкую Г. И. Чулкову позицию занимал и В. В. Гиппиус, скрыто полемизировавший с Ю. Н. Тыняновым в монографической статье о Ф. И. Тютчеве (1939). См.: Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. Л., 1966, с. 205. — Ср. также позднейшую точку зрения В. В. Кожина в его «Книге о русской лирической поэзии XIX века» (М., 1978, с. 110—111).

<sup>5</sup> См.: Королева Н. В. Пушкин и Тютчев. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.; Л., 1962, с. 207; Дарвин М. Н. Пушкин и Тютчев. (К вопросу о публикации стихотворений Ф. И. Тютчева в пушкинском «Современнике»). — В кн.: Научные труды Новосибирского гос. пед. института, 1971, вып. 65, с. 89; Красухин Г. Великий спор. (Пушкин и Тютчев). — Вопросы литературы, 1972, № 11, с. 92—93.

ского, по направлению и духу близкой позиции «Литературной газеты». «Пушкин, — писал Б. В. Томашевский, — очень подробно и сочувственно реферировал это обозрение».<sup>6</sup> Современное определение (реферат) действительно лучше всего соответствует характеру и назначению пушкинской статьи. Забывая о них, исследователи склонны рассматривать как вполне оригинальные суждения Пушкина, представляющие собой в строгом смысле слова лишь передачу в форме реферата мыслей автора, причем в контексте, близко повторяющем не только логику изложения, но даже отчасти и лексику Киреевского. Пассаж о Тютчеве не представляет в этом смысле исключения. Правда, он принадлежит к числу мест, наиболее конспективно излагающих ход мыслей Киреевского; в них Пушкин чувствовал себя менее связанным контекстом статьи последнего; однако и здесь общая логика его изложения не утрачена и лишь передается в предельно кратком виде.

Приведу целиком соответствующее место из статьи Киреевского: «Любовь к литературе германской, которой мы обязаны Жуковскому, все более и более распространяясь в нашей словесности, была весьма заметна в произведениях прошедшего года. Между поэтами немецкой школы отличаются имена Шевырева, Хомякова и Тютчева. Последний, однако же, напечатал в прошедшем году только одно стихотворение. Хомяков, которого стихи всегда дышат мыслию и чувством, а иногда блестят dokonчанностью отделки, отдал на театр своего „Ермака“; но чтобы судить об этой трагедии, подождем ее явления в большой печатный свет; давно уже сказано, что типографский станок есть единственно верный пробный камень для звонкой монеты стихов. Шевырев помещал в журналах некоторые мелкие стихотворения и, кроме того, отрывки из перевода „Вильгельма Телля“: имея дарования отличные, обладая редким познанием русского языка, удивительною легкостью в труде и более всего душою пламенною, сосредоточенною в любви к высокому, Шевырев, однако ж, имеет важный недостаток — недостаток отделки, и не только в частях, но и в плане; не только в важных, но даже и в мелких стихотворениях. Часто вмещает он две разнородные господствующие мысли в одну пиесу и тем мешает чувству сосредоточиться. Но это богатство мыслей, часто излишнее (как бы желали мы упрекнуть в этом качестве большую часть наших писателей!), это богатство мысли, особенно заметное в прозе Шевырева, не есть ли залог его будущих успехов? Теперь он только выступает на поприще; когда же жизнь и опыт положат последний венец вкуса на его счастливые дарования, тогда, конечно, он займет значительное место в нашей литературной аристократии».<sup>7</sup>

<sup>6</sup> Томашевский Б. Пушкин. Материалы к монографии (1824—1837). М.; Л., 1964, кн. 2-я, с. 141.

<sup>7</sup> Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979, с. 65—66. — В дальнейшем при цитировании страницы данного издания указываются в тексте в скобках.

Весь этот большой абзац Пушкин и ужимает в три коротких предложения, приведенных мною в начале статьи. Имена трех названных Киреевским поэтов, правда, возникают у него в более нейтральной форме («Г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве»; ср.: «Между поэтами немецкой школы отличаются имена Шевырева, Хомякова и Тютчева» — курсив мой, — Л. С.); на этом фоне, действительно, резко звучит предложение: «Истинный талант двух первых неоспорим» — и тем не менее оно не что иное, как кратчайшее изложение периодов Киреевского, посвященных именно доказательству «истинного таланта» поэтов, о которых он подробно говорит в своей статье. А то обстоятельство, что он касается в ней только Шевырева и Хомякова, минуя Тютчева, мотивировано предшествующей фразой, констатирующей недостаточность материала для более полного суждения.<sup>8</sup> Именно это обстоятельство и игнорируют те исследователи, которые вслед за Ю. Н. Тыняновым склонны признать, будто «Пушкин обошел Тютчева, признав Хомякова и Шевырева».<sup>9</sup> Все дело в том, что Пушкин строго следует здесь за Киреевским, сохраняя содержание излагаемого им абзаца, в котором оценочные суждения (если не считать объединяющего всех трех поэтов слова «отличаются») отнесены только к «двум первым», что и констатирует Пушкин, передав их смысл в лапидарной форме. Определение «истинный талант» вполне соответствует пафосу суждений Киреевского (ср.: «Хомяков, которого стихи всегда дышат мыслию и чувством»; Шевырев, «имея дарования отличные», обладает «душою пламенною» и т. п.), хотя Пушкин и умеряет несколько темперамент молодого критика (он вообще в своей статье часто минует выспреннюю риторику Киреевского, излагая его мысли более сдержанным тоном). Показательна и заключительная фраза пушкинского абзаца, сжато суммирующая заключенное в статье Киреевского обещание: «Но Хомяков написал „Ермака“, и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи» (ср. у Киреевского: «...но чтобы судить об этой трагедии, подождем ее явления в большой печатный свет»; курсив в обеих цитатах мой, — Л. С.).

Пушкин выделяет из характеристик Шевырева и Хомякова, данных Киреевским и вкратце сведенных им в констатацию «истинного таланта» обоих поэтов, то, что несет в себе дополнительную информацию, не укладывающуюся в эту формулу и нуждающуюся поэтому в самостоятельном упоминании (критические замечания Киреевского о Шевыреве Пушкин не считал нуж-

---

<sup>8</sup> Известно, что Киреевский ошибся: Тютчев напечатал в 1829 г. не одно, а девять стихотворений, большинство из которых таким образом, прошло мимо внимания критика. На это ему тогда же указал С. Е. Раич, сильно преувеличив, однако, число стихотворений Тютчева: «это неправда: их было десятки в одной Галатее» (Галатее, 1830, № 6, ч. XI, с. 331). Попытку объяснения этого недоразумения см. в упомянутой выше статье В. В. Гиппиуса (с. 205).

<sup>9</sup> Тынянов в Ю. Н. Пушкин и его современники, с. 184.

ным передать, поскольку они не вступают в противоречие с общей высокой оценкой поэта: в глазах критика его недостатки оказываются продолжением достоинств и служат «залогом его будущих успехов»).

Таким образом, пушкинская передача мыслей Киреевского не несет в себе ничего, что отличало бы ее от излагаемого им контекста, и видеть в ней выражение прямых критических оценок или пристрастий именно рецензента не приходится. Статья «Деница» вообще построена так, что оценочные суждения (за весьма малым исключением) отнесены лишь к «Обзору русской словесности 1829 года» и его автору; все остальное представляет собой лишь последовательное и весьма точное изложение содержания статьи Киреевского (слово «изложение», кстати, употреблено и самим Пушкиным: «Спешим окончить сие слишком уже пространное изложение» — XI, 109). Не только прямые и скрытые цитаты, но и весь пушкинский контекст нельзя поэтому рассматривать вне его соотносительности со статьей Киреевского там, где не дается ее непосредственной или косвенной оценки.

Даже тогда, когда Пушкин менее всего связывает себя характером изложения, свойственным статье Киреевского (а таких мест в его рецензии очень мало),<sup>10</sup> он старается сохранить точность в передаче содержания его суждений; абзац же, содержащий в себе упоминание о Тютчеве, не принадлежит к подобным случаям. Он, хотя и предельно краток, точно передает существо реферируемого места статьи. Поэтому искать в нем прямых пушкинских оценок Шевырева, Хомякова и тем более Тютчева нет никакой возможности; умолчание о последнем является лишь

<sup>10</sup> Не раз справедливо отмечалось, например, что формулировка «Пушкин, поэт действительности» (XI, 104) всецело принадлежит Пушкину; однако и она не вступает в противоречие с логикой мыслей Киреевского, неоднократно в разных сочетаниях употреблявшего слово «действительность» применительно к Пушкину и тому этапу развития русской литературы XIX века, который с наибольшей полнотой воплощает его творчество. (Ср. определение «Полтавы» как «едва ли не лучшей из поэм А. Пушкина» — XI, 105. Соответствия автооценкам поэмы, оно в то же время не противоречит суждению Киреевского, утверждавшего, что «Полтава» «дает нам право на большую надежду в будущем, нежели все прежние поэмы Пушкина» — с. 64). Несколько свободнее относительно текста «Обозрения» излагаются в статье Пушкина мысли о Е. А. Баратынском (сравнительная оценка «Эды» и «Бала» в пользу первой поэмы не вполне вытекает из суждений Киреевского; см. XI, 107); однако и здесь нет прямого противоречия оценкам излагаемой статьи. Предпочтение «Эды» «Балу» («Бальному вечеру») вполне вытекает из них («Но в его „Бальном вечере“... есть недостаток, которого нет в „Эде“...» и т. д. — с. 70); Пушкин лишь заостряет противопоставление обеих поэм, давая им, особенно «Эде», определения, не вполне соответствующие букве, но сопоставимые с духом оценок Киреевского (ср. определения «Бала» у Пушкина и у Киреевского — *Пушкин*: «поэма более блестящая, но менее изящная, менее трогательная, менее волно и глубоко вдохновенная» — XI, 107. *Киреевский*: «эта поэма превосходит все прежние сочинения Баратынского изяществом частей, наружною связью целого и совершенством отделки, но в ней «нет средоточия для чувства <...> нет одной составной силы, в которой бы соединились и уравновесились все душевные движения» — с. 70).

точным соответствием отказу Киреевского подробнее говорить о нем на основе одного, как он считал, опубликованного в 1829 г. стихотворения, и никакого ни явного, ни скрытого противопоставления Тютчева двум другим поэтам не содержит. Пушкин передал лишь то, что он прочел в статье Киреевского, и приписывать ему стремления, противоречащие задачам его рецензии, безосновательно. Другое дело, что, излагая статью Киреевского, Пушкин солидаризировался с его мыслями; там, где они не совпадали с его собственным мнением, он прямо об этом говорил.<sup>11</sup>

Подробные наблюдения над поэтикой рецензии Пушкина на «Денницу» не входят в задачу моей статьи. Я остановился на некоторых ее особенностях лишь в тех пределах, которые необходимы для лучшего понимания анализируемого мною контекста, заключающего в себе упоминание о Тютчеве. Все сказанное подводит, таким образом, к выводу, что как аргумент в решении вопроса об отношении Пушкина к Тютчеву это место статьи «Денница» оказывается бесполезным, поскольку оно не несет в себе информации, проливающей свет на это отношение. Вопрос о Пушкине и Тютчеве принадлежит к числу сложных проблем; малое число косвенных источников и отсутствие уверенности в их достаточной достоверности заставили исследователей пристально взглянуть в единственное упоминание о поэте в печатном пушкинском тексте, придав ему преувеличенное и не свойственное характеру статьи «Денница» значение. Его прямолинейное истолкование оказалось источником заблуждений; поэтому решение проблемы в целом следует искать за пределами контекста, передающего чужую мысль и не содержащего в себе прямого высказывания Пушкина.

---

<sup>11</sup> См., например: «Рассуждая о некоторых произведениях драматической музыки нашей, автор с такою веселостию изображает состояние сцены, что мы, не разделяя вполне его мнения, не можем, однако ж, не выписать сего оригинального места» (XI, 108). Уже в самом начале своей статьи, высоко оценивая «Обозрение» Киреевского в целом, Пушкин критически отнесся к «слишком систематическому умонаправлению автора» (XI, 103), и в последующем изложении он, как правило, обходит чуждые ему по мысли места.

## II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

### ПУШКИНИАНА 1980 ГОДА

- Агальцова В. А. Сохранение мемориальных лесопарков. М.: Лесная промышленность, 1980. 254 с.  
С. 50—70: «Михайловское». С. 71—82: «Болдино».
- Акмен А. По Пушкинскому кольцу. — Наука и жизнь, 1980, № 7, с. 103—106, вкл. л. VI—VII.  
Пушкинские места Тверской губернии.  
Вкл. л. VI—VII: Путешествие по Большому Пушкинскому кольцу. Торжок. [Новая экспозиция Музея А. С. Пушкина].
- Аксенова Н. Портреты пушкинской эпохи. — Звезда Востока, 1980, № 6, с. 148—149.  
Рец. на кн.: Раевский Н. А. Избранное. М.: Худож. лит., 1978.
- Алексеев А. И. Святому братству верен я. — В кн. А.: Искание правды. М.: Юридич. лит., 1980, с. 28—37.  
Пушкин и историческая наука.
- Алянский Ю. Воспоминания на площади Искусств. (Новые материалы к истории памятника А. С. Пушкину [работы М. К. Аникушина]). — Звезда, 1980, № 6, с. 177—184.
- Амирян М. Пушкин и Армения. — Лит. Армения, 1980, № 1, с. 85—90.
- Аннинский Л. Читая «Пиковую даму». Графика Андрея Николаева. — Лит. обозрение, 1980, № 2, с. 100—101, ил.
- Аншаков Б. Я. О некоторых чертах художественного мира П. И. Чайковского и особенностях переосмысления пушкинских образов в опере «Пиковая дама». — В кн.: П. И. Чайковский и русская литература. Ижевск: Удмуртия, 1980, с. 125—143.
- Ариштейн Л. М. Две интерпретации «Скупого рыцаря» американскими славистами. — Рус. лит., 1980, № 3, с. 238—241.  
О статьях: 1. Proffer C. R. Pushkin and Parricide: «The Miserly Knight». — American Imago, 1968, vol. 25, № 4, p. 347—353; 2. Gregg R. A. Pushkin and Shenstone: the case reopened. — Comparative Literature, 1965, vol. 17, № 2, p. 109—116.
- Аршинова Н. С. К вопросу о психологии женского образа в пушкинских операх П. И. Чайковского. — В кн.: П. И. Чайковский и русская литература. Ижевск: Удмуртия, 1980, с. 82—99.
- Асланова Г., Руднева А. «Над Москвой, по для всей России...». — Работница, 1980, № 6, с. 6.  
О памятнике Пушкину работы А. М. Опекушина.
- Бабаханова Л. Т. Передача смысловой емкости художественного текста в процессе перевода. — В кн.: Особенности языковых уровней разнотипных языков. Ташкент, 1980, с. 102—105. (Сб. науч. трудов Ташк. ун-та им. В. И. Ленина, № 620).  
На примере перевода «Пиковой дамы» на английский язык, сделанного И. и Т. Литвиновыми.

- Баженков В. В. Истоки авторского права в России. — В кн.: Правовые идеи и государственные учреждения. (Ист.-юридич. исследования. Межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1980, с. 148—152. (Свердл. юридич. ин-т).
- Пушкин и авторское право.
- Баженова А. А. А. С. Пушкин (1799—1837). — В кн. Б.: Русская эстетическая мысль и современность. М.: Знание, 1980, с. 64—72. (Нар. ун-т. Фак. лит. и искусства).
- Балашов Н. И. «Борис Годунов» Пушкина. Основы драматической структуры. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, т. 39, № 3, с. 205—218.
- Бедпарская Л. Д. Изменения в употреблении двойных условных союзов за период от А. С. Пушкина до наших дней. — В кн.: Русский синтаксис. Воронеж, 1980, с. 88—96. (Изв. Воронеж. пед. ин-та, т. 207).
- Белан П. Воссоединение славы. Казахстанцы в боях за освобождение Пушкинского заповедника. — Простор, 1980, № 5, с. 99—105.
- Беликова А. В. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Дон-Жуан» Дж. Г. Байрона в свете традиции литературы Просвещения и Романтизма. М., 1980. 21 с. (МГУ).
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 5399 от 19.05.1980 г.
- Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина (статьи пятая, восьмая, девятая). — В кн. Б.: Избранные статьи. Минск: Нар. асвета, 1980, с. 43—89. (Школьная б-ка).
- Белов С. В. Великая надежда. — Огонек, 1980, № 23, с. 21.
- О речи Ф. М. Достоевского 8 июня 1880 г. в Обществе любителей российской словесности на заседании по поводу открытия памятника Пушкину в Москве.
- Белый А. Рапорт Даля. — Простор, 1980, № 3, с. 137—139.
- Впервые полностью публикуется рапорт Даля от 21 сентября 1833 г., ставший под сомнение его поездку с Пушкиным в Уральск.
- Белькинд В. С. Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Сюжет, композиция, жанр. — В кн.: Стихосложение в русской литературе. Сб. статей. Даугавпилс, 1980, с. 63—69. (М-во высш. и средн. спец. образования Латв. ССР. Даугавпил. пед. ин-т).
- Блохинцев А. Н. И жизни след оставили своей... Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1980. 184 с.
- С. 78—81: «Пушкин в Симбирске». С. 82—89: «Прибежище поэзии». [Пушкин в Языкове].
- Блюмфельд В. «Фотопортрет» Пушкина. — Наука и жизнь, 1980, № 9, с. 100—103, портр.
- История портрета Пушкина работы Тропинина и фотокопии, сделанной с него А. М. Оболенским.
- Богданова О. Ю. Формирование понятия критического реализма в процессе изучения литературы в 8 классе. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1980. 96 с.
- С. 6—20: Гл. I. Пушкин. Начальные понятия реализма и литературного типа.
- Богданович Г. К нему не заросла народная тропа... — Радуга, 1980, № 1, с. 184—185.
- Памятники Пушкину в дореволюционной Украине.
- Болдинские чтения: [1979]. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980. 191 с. (Болдин. музей-заповедник А. С. Пушкина; Горьк. ун-т им. Н. И. Лобачевского).
- Содерж.: От редакции. — Поэтика Пушкина и проблемы изучения текста. Е. А. Маймин. Полифонизм художественного мышления в поэме «Медный всадник»; Н. Д. Тамарченко. К проблеме романа в творчестве А. С. Пушкина («Евгений Онегин» и «Цыганы»); В. М. Маркович. Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина»; Н. Е. Меднис. Художественный образ и литературная модель. (По произведениям Пушкина 30-х годов); Л. С. Сидяков. Лирическое «я» в болдинских стихотворениях Пушкина 1830 года;



- С. А. Фомичев. Пародийный план поэмы «Домик в Коломне»; Л. М. Ариянштейн. Пушкин и Шенстон. (К интерпретации подзаголовка «Скупого рыцаря»); Д. И. Белкин. О некоторых структурных особенностях болдинской поэмы А. С. Пушкина «Анджело»; А. А. Карпов. «Записки бригадира Моро-де-Бразе» как произведение Пушкина. — Пушкин и русская литература; Я. С. Биликин. С. О границах и безграничности в искусстве. (Пушкин и последующее развитие русской прозы: тенденции процесса); В. А. Викторович. Пушкинский мотив в «Идиоте» Ф. М. Достоевского; Н. И. Михайлова. В. Л. Пушкин и литературный быт Москвы первой трети XIX века; Ю. В. Степник. Радищев в идейно-политических исканиях Пушкина 1830-х годов. — Вокруг Пушкина; В. С. Листов. Вокруг пушкинского отрывка «На тихих берегах Москвы...»; И. К. Инжеватов. А. С. Пушкин и мордовский эпос; Н. Ф. Филатов. Пушкинские места Нижнего Новгорода.
- Болотин Е. Трепетное сердце России. К 100-летию со дня открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. — Огонек, 1980, № 23, с. 18—20, ил.
- Большаков Л. Посмертная маска Пушкина. — Уральский следопыт, 1980, № 6, с. 37—39.
- История маски, находящейся в Оренбургском музее.
- Бонфельд М. Ш. Проблема двуязычия в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама». — В кн.: П. И. Чайковский и русская литература. Ижевск: Удмуртия, 1980, с. 178—188.
- Будагов Р. А. Как рассказала Марина Цветаева о жене А. С. Пушкина. — В кн. Б.: Филология и культура. М.: Изд-во МГУ, 1980, с. 234—237.
- Первые: Рус. речь, 1977, № 2, с. 19—23.
- Бурлака С. В. Свидание с поэтом. — В кн. Б.: Свидание с поэтом. Рассказы, очерки, воспоминания, повесть. Кишинев: Литература артистика, 1980, с. 36—42.
- Вайдман П. Е. Работа П. И. Чайковского над рукописью либретто оперы «Пиковая дама». — В кн.: П. И. Чайковский и русская литература. Ижевск: Удмуртия, 1980, с. 155—177.
- Варшавский Я. Есть упоение в бою... — Театр, 1980, № 12, с. 55—60.
- О телефильме «Маленькие трагедии». Режиссер М. Швейцер. Оператор М. Агранович.
- Вацуро В. Э. Парадоксы дилетантизма. О пушкиноведении и «полемических заметках». — Лит. обозрение, 1980, № 1, с. 107—112.
- Ответ на статью П. В. Векедина «...Доступен гений для гласа искренних сердец» (Дон, 1979, № 6).
- Вацуро В. Э. «Пророк». — Аврора, 1980, № 8, с. 123—129.
- Чтение и толкование стихотворения Пушкина.
- Вебер Т. Вклад в изобразительную пушкиниану. — Библиотекарь, 1980, № 5, с. 64 — [обл.], ил.
- Об иллюстрациях А. З. Иткина к «Капитанской дочке».
- Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза / Изд. подгот. Е. А. Маймин, М. А. Чернышев. Отв. ред. Д. Д. Благой. М.: Наука, 1980. 608 с. (АН СССР. Лит. памятники).
- С. 56—57: «К Пушкину». («Известно мне: доступен гений...»). С. 142—150: «Разбор статьи о „Евгении Онегине“, помещенной в 5-м № „Московского телеграфа“ на 1825 год». С. 151: «Два слова о второй песне „Онегина“». С. 162—170: «Analyse d'une scène détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin insérée dans un journal de Moscou». [Разбор отрывка из трагедии г. Пушкина, напечатанного в «Московском вестнике»].
- Видова О. И. Поэтическая функция элегического жанра А. С. Пушкина в романе «Евгений Онегин». Новосибирск, 1980. 20 с. (Новосиб. ун-т им. Ленинского комсомола).
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 7564 от 6.05.81.
- Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы.

М.: Наука, 1980. 360 с., 1 л. портр. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз.).  
С. 176—238: «Стиль „Пиковой дамы“». Комментар. Е. А. Тоддеса.  
[Впервые в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936, т. 2, с. 74—147]. С. 256—283: «О „Пиковой даме“». Из книги  
„Стиль Пушкина“. Комментар. Е. А. Тоддеса. [Печатается большая  
часть VIII раздела книги «Стиль Пушкина» (М., 1941), с. 585—  
617].

Волгин И. Л. Завещание Достоевского. — *Вопр. лит.*, 1980, № 6,  
с. 154—196.

Речь Достоевского 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей  
русской словесности во время открытия памятника Пушкину в Москве.

Волков Г. Н. «Тебя, как первую любовь...». Книга о Пушкине: личность,  
мировоззрение, окружение. Оформл. Н. Муц. [Для старш.  
школьного возраста]. М.: Дет. лит., 1980. 240 с.

Содерж.: Несколько предварительных замечаний. — «Удивительный  
Александр Сергеевич». [Впервые: Студ. меридиан, 1979, № 6, с.  
17—21, 32]. — «Лицейская республика». — «Друзья мои...» —  
«Я ударил об наковальню русского языка...» — «...Клики страшный  
глас». — «История народа принадлежит поэту». — Пушкин и Чаадаев.  
Высокое предназначение России. [Впервые: Новый мир, 1978, № 6,  
с. 250—266]. — «Это русский человек... через двести лет». — «Дру-  
жина ученых и писателей...» [Впервые: Студ. меридиан, 1978, № 12,  
с. 33—36]. — «Мой Requiem меня тревожит». — «...России сердце  
не забудет!» (Поэты и писатели о Пушкине).

Рец.:

Мешкова Л. — *Лит. обозрение*, 1982, № 3, с. 85—86.

Смелков Ю. Не только поэт... — *Семья и школа*, 1982, № 2,  
с. 51—52.

Волков Г. Н. «Я предпринял... литературный подвиг». — В кн.: Пуш-  
кин А. С. Драматические произведения. Проза. М.: Худож. лит.,  
1980, с. 5—20. (Классики и современники. Рус. классич. лит.).

Вольперт Л. И. Пушкин и психологическая традиция во французской  
литературе (к проблеме русско-французских литературных связей  
конца XVIII—начала XIX в.). Таллин: Ээсти раамат, 1980. 216 с.

Содерж.: Введение. — Гл. 1. «Опасные связи» Шодерло де Лакло. —  
Гл. 2. «Прелестная повесть баронессы Крюднер». — Гл. 3. «Любов-  
ные похождения кавалера Фобласа» Луве де Кувре. — Гл. 4. «Люби-  
мый наш роман». — Гл. 5. Французская комедия XVIII в. — Гл. 6.  
«Подобный своему чудесному герою, веселый Бомарше». — Гл. 7.  
«Я с наслаждением носил бы маску». — Заключение.

Рец.:

Строев А. Жизнь романа и роман в жизни. — *Вопр. лит.*, 1981,  
№ 10, с. 281—289.

Воробьева И. В. Александр Сергеевич Пушкин. 1799—1837. — В кн.:  
Люблю Отчизну я... Стихи, рассказы, сказки русских писателей/  
Сост. И. В. Воробьева. М.: Дет. лит., 1980, с. 60—65.

Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л.: Наука, 1980. 160 с., ил.  
(АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис.).

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. А. Г л а с с е.  
Дуэль и смерть Пушкина по материалам архива вюртембергского  
посольства; С. А. Рейсер. Пушкин в салоне Фикельмон (1829—  
1837); К. Крижова, С. Островская. Чехословацкие находки;  
С. А. Фомичев. К творческой истории поэмы «Домик в Коломне».  
(Наблюдения над рукописью); М. Г. Альбрехт. К стихотворе-  
нию Пушкина «Кто из богов мне возвратил...»; В. М. Файбисо-  
вич. К источнику перевода Пушкина «Из Кагулла». — II. Обзор.  
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1977 года. — III. Заметки. Ю. М. Лот-  
ман. К проблеме «Данте и Пушкин»; У. В. Кери. Загадочная по-  
мета Пушкина; Р. Е. Терехина. Пометы Пушкина на ру-  
кописях; Л. А. Черейский. Пушкин и Ф. Ф. Корф; Я. Л. Лев-

кович. К датировке «Марьи Шопинг» Пушкина; Н. Н. Петрунина. Литературные параллели. 1. К творческой истории элегии «Сожженное письмо». 2. Пушкин, Бульвер-Литтон и Бальзак. (К интерпретации мотива безумия в «Медном всаднике»); Я. М. Боровский. Незамеченный гипербат у Пушкина. (К тексту стихотворения «Безверие»); Л. В. Тимофеев. Пушкин и П. А. Олениц; П. С. Филатов. Заметки краеведа о «Капитанской дочке». (Из цикла «Оренбургские этюды о Пушкине»); А. И. Носков. Симбирская запись Пушкина для «Истории Пугачева»; А. И. Белый. Собеседник Пушкина в Уральске. [Ф. Г. Бизянов]. — IV. Хроника. Памяти О. А. Пини; Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1977 г.; Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1977 г.; Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области в 1977 г.; Пушкинские музеи Калининской области в 1977 г.; Историко-художественный музей «Приютино»; Пушкинская комиссия Одесского Дома ученых; Всесоюзная Пушкинская конференция в Тбилиси; Памятник Пушкину в Оренбурге; Список иллюстраций.

Галущко Т. К. «Никто на свете не был мне ближе Дельвига...». — Аврора, 1980, № 1, с. 120—135.

Гейченко С. С. В Михайловском. Времена года. — Нева, 1980, № 12, с. 146.

Генри Э. Вторая часть жизни мерзавца. — Звезда, 1980, № 2, с. 192—197.  
О Жорже Дантесе.

Гинзбург Л. Я. Об одном пушкинском курсиве. — Вопр. лит., 1980, № 4, с. 310—312.

«Темно и вяло» из 6-й гл. «Евгения Онегина» — реминисценция из Н. М. Языкова.

Гладков А. К. Театр. Воспоминания и размышления / Сост. и подгот. текста В. В. Забродина. Предисл. И. Ильинского. М.: Искусство, 1980. 463 с.; 1 л. портр.

С. 82—327: Пять лет с Мейерхольдом. Ч. 1. Воспоминания и размышления. С. 188—200: «Борис Годунов». Ч. 2. Мейерхольд говорит. Записи 1934—1939 годов. С. 301—305: «Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский».

Гоголь Н. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1980. 332 с. (Б-ка «Любителям рос. словесности»). Из лит. наследия).

С. 29—33: «Борис Годунов. Поэма Пушкина». С. 37—42: «Несколько слов о Пушкине».

Голицын И. Незданный альбом И. и Н. Ефимовых на темы произведений А. С. Пушкина. — В кн.: Советская графика. '78. Панорама года. В мастерских художников. Художники о графике и графиках. Искусство книги. Из творческого наследия. Рецензии. Хроникальные заметки. М.: Сов. художник, 1980, с. 150—155, ил.

Гордин Я. А. «Чему, чему свидетели мы были...». — Наука и жизнь, 1980, № 10, с. 130—133.

Рец. на кн.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М.: Худож. лит., 1979.

Гранин Д. А. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 3. Л.: Худож. лит., 1980. 440 с.

С. 356—379: «Два лика». [Впервые: Новый мир, 1968, № 3, с. 214—226]. С. 380—436: «Священный дар». [Впервые: Новый мир, 1971, № 11, с. 181—210].

Грехнев В. А. Болдинская лирика А. С. Пушкина. 1830 год. 2-е изд. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980. 159 с.

Грибушин И. И. Стихотворения А. С. Пушкина о трех ключах и трех чашах. (Жанр, композиция, символика). — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвуз. сб. Калининград, 1980, вып. 5, с. 17—27. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Калининград. ун-т).

- Грихин В. А., Смирнов А. А. Пособие по русской и советской литературе для поступающих на гуманитарные факультеты университетов. М.: Изд-во МГУ, 1980. 251 с.  
С. 50—59: «А. С. Пушкин (1799—1837)».
- Громбах С. М. О датировке стихотворения Пушкина «Чаадаеву» («К чему холодные сомнения...»). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, т. 39, № 3, с. 263—268.
- Гужева Н. В. Пометы В. Я. Брюсова на полях сочинений Пушкина. — Книга. Исслед. и материалы. М.: Книга, 1980, сб. 41, с. 138—146.
- Гулыга А. Искусство истории. М.: Современник, 1980. 288 с.  
С. 225—240. Эссекурс четвертый — в искусство слова. Воспитание Пушкиным. [В главе «История как предмет искусства»].
- Гурвич Д. Первый вариант судьбы Ленского в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Вопросы теории и истории литературы. Сб. науч. трудов. Самарканд, 1980, с. 20—31. (М-во высш. и средн. спец. образования УзССР. Самарк. ун-т им. А. Навои).
- Гурвич Д. Стихотворение А. С. Пушкина «Роза». — В кн.: Проблемы поэтики. Сб. науч. трудов. Самарканд, 1980, с. 21—32. (М-во высш. и средн. спец. образования УзССР. Самарк. ун-т им. А. Навои).
- Гуревич А. М. Творчество Пушкина-романтика. — В кн.: Г.: Романтизм в русской литературе. Пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1980, с. 44—65.
- Демидов А. Любовь артиста. К 100-летию со дня первой постановки оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». — Театр, 1980, № 2, с. 56—57.
- Дмитровский А. З. Жанрово-композиционные особенности статей Белинского «Сочинения Александра Пушкина». — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвуз. сб. Калининград, 1980, вып. 5, с. 28—36.
- Дмитрук Е. Я. Огарев о Пушкине. (Из истории русской критики). — В кн.: Вопросы русской литературы. Респ. межвед. науч. сб. Львов: Вища школа, 1980, вып. 2 (36), с. 88—96. (М-во высш. и средн. спец. образования УССР. Черновиц. ун-т).
- Добринская Л. Рассказы из Пушкинского Дома. — Нева, 1980, № 10, с. 181—192.  
С. 181—182: «Вестник пушкинского гения». С. 182—186: «Пушкин в Вероне». [Библиофильское издание «Медного всадника» (Верона, 1968)].
- Добролюбов Н. А. Сочинения Пушкина. Седьмой, дополнительный том. Издание П. В. Анненкова. СПб., 1857. — В кн. Д.: Избранные статьи / Сост., предисл. и коммент. А. Ф. Смирнова. М.: Современник, 1980, с. 197—211. (Б-ка «Любителям рос. словесности». Из лит. наследия).
- Добрынина Е. А. Возрождение «Руслана и Людмилы». — В кн. Д.: Любителям музыки посвящается. М.: Сов. композитор, 1980, с. 151—164.  
Впервые: Муз. жизнь, 1972, № 17.
- Долгова С. Р. А. И. Бухарский о «Кавказском пленнике». — Рус. лит., 1980, № 3, с. 176—178.  
Впервые публикуется письмо А. И. Бухарского к К. Я. Булгакову от 14 сентября 1822 г. с отзывом о «Кавказском пленнике». Автограф хранится в ВГБИЛ.
- Долинина Н. Г. Предисловие к Достоевскому. Л.: Дет. лит., 1980. 254 с., ил.  
С. 249—252: Ч. 4. Отступление последнее. Речь о Пушкине.
- Дом литературных взаимосвязей. Пушкинский мемориал дома Смирновых / Ред. И. Мгебришвили / Худож. А. Тодриа. Тбилиси, 1980. (Гл. ред. коллегия по делам худож. перевода и лит. взаимосвязей при Союзе писателей Грузии).  
Буклет.
- Дробог В. Н. «И долго буду тем любезен я народу...» (Заключитель-

ный урок по лирике А. С. Пушкина). — Рус. яз. и лит. в школах УССР, 1980, № 6, с. 25—28.

Дрoдoвa М. Ф. Пушкин в музыке русских композиторов. Учеб. пособие к спецкурсу. Челябинск, 1980. 62 с. (М-во просвещения РСФСР. Челябин. пед. ин-т).

Содерж.: Введение. — Лирика А. С. Пушкина в музыке композиторов — современников поэта. — А. С. Пушкин и М. И. Глинка. — А. С. Пушкин и А. С. Даргомыжский. — А. С. Пушкин и М. П. Мусоргский. — А. С. Пушкин и П. И. Чайковский. — Литература.

Енишерлов В. П. Эти мирные края. — Огонек, 1980, № 7, с. 16—18, фото.

Го же. — В кн.: Енишерлов В. П. Дань памяти. Очерки. М.: Правда, 1980, с. 37—47. (Б-ка «Огонек», № 17).

Пушкин в Тверском крае.

Жаравина Л. В. Комедия Гоголя «Ревизор» и трагедия Пушкина «Борис Годунов». (К проблеме жанрового взаимоотношения). — В кн.: Жанр (эволюция и специфика). Вопросы рус. яз. и лит. Межвуз. сб. Кипинев: Штиинца, 1980, с. 32—40. (Бельцкий пед. ин-т им. А. Руссо).

Жягоцкий Н. Горячо любимое слово Пушкина. — Неман, 1980, № 3, с. 188—189.

Пушкин и Белоруссия.

Зайцева В. В. 25 Пушкинских конференций. 1949—1978. (Библиогр. материалы) / Отв. ред. акад. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1980. 124 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

Содерж.: М. П. Алексеев. Пушкинские конференции (1949—1978). — Программы 25 Всесоюзных Пушкинских конференций. — Отклики на Всесоюзные Пушкинские конференции. — Публикации докладов, прочитанных на Всесоюзных Пушкинских конференциях. — Прил.: Основные Пушкинские конференции в других пушкиноведческих центрах Советского Союза. — Именной указ. — Указ. произведений Пушкина.

Званцева Е. П. Сказочная традиция в «Истории села Горюхина» А. С. Пушкина. — В кн.: Традиции и новаторство в художественной литературе. Межвуз. сб. науч. трудов. Горький, 1980, с. 84—90. (М-во просвещения РСФСР. Горьк. пед. ин-т им. М. Горького).

Зленко Г. Д. «... Я мог дожидаться больших неприятностей». — В кн.: 3.: Одесские тетради. Литературовед. очерки и разыскания. Одесса: Маяк, 1980, с. 4—21.

Пушкин и Воронцов. Забытые воспоминания «О Пушкине на юге России», опубликованные в еженедельнике «По морю и суше» за 1895 г., № 11.

Рец.:

Анатолийчук Н. Страницы поиска. — Радуга, 1981, № 4, с. 186—187.

Золотусский И. П. Перечитывая «Метель». — В кн.: 3.: Монолог с вариациями. М.: Сов. Россия, 1980, с. 255—260.

Впервые: Дет. лит., 1970, № 6, с. 25—28.

Зуева Т. В. «Сказка о царе Салтане» А. С. Пушкина. (Авторское овладение фольклорным сюжетом). — В кн.: Проблемы изучения русского народного поэтического творчества (взаимовлияния фольклора и литературы). Респ. сб. М., 1980, с. 62—89. (Моск. обл. пед. шт-т им. Н. К. Крупской).

Иванченко Г. И. Традиции А. С. Пушкина в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама». — В кн.: П. И. Чайковский и русская литература. Ижевск: Удмуртия, 1980, с. 144—154.

Ивашкевич Я. О Пушкине. — Собр. соч. В 8-ми т. Т. 8. Драммы, эссе, статьи. Пер. с польск. М.: Худож. лит., 1980, с. 281—283.

Рец. на кн.: Топоровский М. Геней и царизм. Повесть о Пушкине. [2-е изд.]. Варшава, 1971.

Исмагулова Т. Образ Пушкина на балетной сцене. — Театр, 1980, № 1, с. 12—17, фото.

О вокально-хореографической симфонии Андрея Петрова «Пушкин. (Размышления о поэте)» в Театре оперы и балета им. С. М. Кирова (Ленинград, 1979).

Казарская Л. А. Старицкий кабинет Пушкина. — Наука и жизнь, 1980, № 7, с. 100—105.

Пушкин в Тверском крае.

Каландадзе Л. Г. Солнце русской поэзии. — В кн. К.: Литературные зарисовки. Пер. с груз. Тбилиси: Мерапи, 1980, с. 194—199.

Карпов А. А. Проблема единства пушкинской прозы последних лет (роман «Капитанская дочка» и документально-художественная проза 1833—1837 гг.). — В кн.: Актуальные проблемы филологии. Тез. докл. межвуз. конф. молодых ученых (г. Пермь, ноябрь 1980 г.). Пермь, 1980, с. 9—11. (Перм. ун-т им. А. М. Горького. Совет молодых ученых).

Кателина Л. С. Семантико-стилистические функции эпитетов в романтических поэмах Пушкина и Лермонтова. — В кн.: Поэтика литературы и фольклора. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980, с. 89—102.

Качурин М. Г., Мотольская Д. К. Методика факультатива по литературе в 8 классе. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1980. 127 с.

I. Поэма. С. 23—28: 4-е занятие. Романтические поэмы А. С. Пушкина. С. 33—42: 6-е и 7-е занятия. «Медный всадник» А. С. Пушкина. II. Лирика. С. 56—62: 4-е и 5-е занятия. Лирика А. С. Пушкина. С. 63—68: 6-е и 7-е занятия. Лирика поэтов пушкинского круга. III. Драма. С. 74—93: 1-е занятие. Драма как литературный род. История создания трагедии «Борис Годунов»; 2-е и 3-е занятия. Работа над текстом трагедии «Борис Годунов»; 4-е занятие. «Борис Годунов» и русское искусство; 5-е занятие. «Маленькие трагедии». IV. Прозаические жанры. С. 94—99: 1-е и 2-е занятия. Русская реалистическая проза 30—40-х годов XIX века и «Повести Белкина». С. 100—105: 3-е занятие. Проза А. С. Пушкина. Образ-персонаж в «Повестях Белкина».

Керцели Л. Ф. Друг Пушкина. — Огонек, 1980, № 13, с. 28, с рис. Пушкина и портр.

Атрибуция портрета П. А. Плетнева, находящегося на черновике стихотворения «Воспоминание».

Киясашвили Е. А. С. Пушкин и его грузинское окружение в критических статьях Георгия Леонидзе. — Лит. Грузия, 1980, № 8, с. 150—157.

Кирпотин В. Я. Пушкинская речь Достоевского. — В кн. К.: Мир Достоевского. Этюды и исслед. М.: Сов. писатель, 1980, с. 370—373. Написано в 1965 г.

Киселев А. Л. Повествовательная форма рассказа М. Пришвина «Никон Староколенный» (пушкинское начало в русской прозе). — В кн.: Композиция и сюжетосложение. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1980, с. 25—39. (Куйбышев. пед. ин-т им. Куйбышева, т. 239).

Кобзев И. И. Дом, в котором родился Пушкин. Не пора ли закончить полемику? — В кн.: Памятники Отечества. Альманах Всесоюз. о-ва охраны памятников истории и культуры. М.: Сов. Россия, 1980, № 1, с. 124—125.

Кожин В. В. Стихи и поэзия. М.: Сов. Россия, 1980. 304 с.

С. 56—64: «О поэзии Пушкинской эпохи». [Впервые в кн. К.: Как пишут стихи. О законах поэтического творчества. М.: Просвещение, 1970, с. 70—73]. С. 183—189: «Разбор одного пушкинского творения, или Опыт толкования природы поэзии». [«Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы». Впервые: Лит. учеба, 1979, № 2, с. 158—165].

Колосова Н. А. Нетранслитерированная лексика в языке Пушкина.

- (На материале прозы). — В кн.: Поэтика и стилистика / Под ред. И. В. Чуприны и В. Е. Гольдина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980, с. 105—113.
- Конкина Л. С. Пушкин в жизни и творчестве Н. П. Огарева. — В кн.: Проблемы творчества Н. П. Огарева. Межвуз. темат. сб. науч. трудов. Саранск, 1980, с. 68—85. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Морд. ун-т им. Н. П. Огарева).
- Корепова К. Сборник фольклора пушкинских мест. — Волга, 1980, № 3, с. 185—186.
- Рец. на кн.: Песни и сказки пушкинских мест. Фольклор Горьковской области. Л.: Наука, 1979, вып. 1.
- Коровин В. И. Поэты пушкинской поры. [Пособие для учителя]. М.: Просвещение, 1980. 160 с.
- Содерж.: От автора. — Пушкинский период русской поэзии (границы и художественное содержание). — Гражданская страсть. — Поэзия Дельвига. — Языков — «поэт радости и хмеля». — Поэтические искания Вяземского. — Баратынский — лирик. — Подводя итоги.
- Рец.:  
 Стеллиферовский П. Золотая пора русской поэзии. — Лит. в школе, 1981, № 3, с. 63—65.
- Коровин В. И. «Ужасный век, ужасные сердца». — В кн.: Пушкин А. С. Маленькие трагедии. Переизд. М.: Дет. лит., 1980, с. 5—18. (Школьная б-ка).
- Крейн А. Э. Рукотворный памятник. 1880—1980. К столетию открытия в Москве памятника Александру Сергеевичу Пушкину работы А. М. Опекушина. М.: Сов. Россия, 1980. 48 с.; 16 л. ил.
- Круглов В. Ф. «Пушкиниана» Александра Средина. — Пробл. развития рус. искусства / Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина Акад. художеств СССР, 1980, вып. 12, с. 57—64.
- Крунтяева Т. С., Розанов А. С. 25 оперных шедевров / Сост. и общ. ред. С. С. Максимова. Л.: Музыка, 1980. 191 с., ил.
- С. 35—41: «Руслан и Людмила». С. 80—90: «Борис Годунов». С. 102—110: «Евгений Онегин». С. 142—148: «Пиковая дама».
- Крупчанов Л. М. А. Пыпин о народности и жанрово-историческом своеобразии творчества А. С. Пушкина. — В кн.: Жанровое своеобразие произведений русских писателей XVIII—XIX в. Сб. науч. трудов. М., 1980, с. 99—110. (Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
- Кузнецова Л. М. Пробуждая любовь к Пушкину. — Лит. в школе, 1980, № 3, с. 43—45.
- Кулешов В. В. Еще один выпуск исследований о Пушкине. Canadian—American Slavic Studies. A Quarterly Journal Devoted to Russia and East Europe. Special Issue Pushkin (2). Arizona St. Un., 1977, 166 p. — Вестн. МГУ, 1980. Сер. 9. Филология, № 2, с. 77—78.
- Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев и русская литература. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1980. 192 с.
- С. 10—47: Гл. I. Тургенев и Пушкин.
- Ласкин С. «Дело» Идалии Полетики. — Вопр. лит., 1980, № 6, с. 198—235.
- Публикуются выдержки из писем Полетики к Екатерине Дантес (1837—1841 гг.) и 2 письма Дантеса к Геккерну, опубликованные М. Цявловским в «Звеньях».
- Отзыв: Сайтанов В. Мог ли Дантес просить займы у Идалии Полетики? — Вопр. лит., 1981, № 2, с. 246—252.
- Ласунский О. Загадочное издание «Братьев разбойников». — В кн. Л.: Власть книги. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книга, 1980, с. 91—97.
- Левин М. Ю. Применение ЭВМ для составления словарей рифм. — В кн.: НТР и развитие художественного творчества. Л.: Наука, 1980, с. 196—202. (АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. Комис. комплексного изучения худож. творчества).
- О словаре рифм Пушкина, составленном Томасом Шоу (Wisconsin, 1974), и проекте словаря рифм, разработанном В. Е. Холшевниковым.

Леец Г. А. Абрам Петрович Ганнибал. Биогр. исслед. Таллин: Ээсти раамат, 1980. 192 с., 8 л. ил.

Рец.:

Эйдельман Н. Я. Ганнибал Пушкинский. — Новый мир, 1981, № 5, с. 263—266.

Фрепкель В. — Звезда, 1982, № 7, с. 204—205.

Лемус В. В., Емина Л. В., Гладкова Е. С., Балог Г. П. Музеи и парки Пушкина. 4-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1980. 127 с., ил. С. 96—108: «Пушкинские места». С. 109—124: «Всесоюзный музей А. С. Пушкина».

Лихачев Д. С. Заметки о русском. Природа, родник, родина, просто доброта. — Новый мир, 1980, № 3, с. 10—38.

С. 29—31: «Природа России и Пушкин».

Лобикова Н. М. «Тесный круг друзей моих». Пушкин и декабристы. Пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1980, 127 с.

Содерж.: От автора. — «Гроза двенадцатого года». — Пушкин и герои 14 декабря. — «Раевские мои».

Рец.:

Батурова Т. Живые образы друзей поэта. — Лит. в школе, 1981, № 6, с. 66—67.

Логвинова Н. Н. Изменения в употреблении подчинительных временных союзов в художественной прозе за период от А. С. Пушкина до 60—70-х годов XX века. — В кн.: Русский синтаксис. Воронеж, 1980, с. 97—104. (Изв. Воронеж. пед. ин-та, т. 207).

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 416 с., ил.

Рец.:

Браже Т. Г. Комментарий к роману Пушкина. — Веч. средн. школа, 1981, № 4, с. 79—80.

Милованова О. Мера историзма. — Лит. в школе, 1981, № 3, с. 65—67.

Мильчина В., Немзер А. Роман, который еще может удивить... — Вопр. лит., 1981, № 9, с. 256—264.

Лучанова М. Ф. Читатель в повествовании романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Проблемы психологизма в художественной литературе. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980, с. 50—54.

Лучанова М. Ф. Читатель в повествовании романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (статья вторая). (Роль читателя в сюжетосложении «Евгения Онегина»). — В кн.: Художественный метод и творческая индивидуальность писателя. Томск, Изд-во Том. ун-та, 1980, с. 3—8.

Магазаник Э. Б. Еще раз о смысле «Гробовщика». — В кн.: Вопросы теории и истории литературы. Сб. науч. трудов. Самарканд, 1980, с. 9—20. (М-во высш. и средн. спец. образования УзССР. Самарк. ун-т им. А. Навои).

Магазаник Э. Б. Зачем понадобилось Пушкину «оживающее» извальные Комадора? (Статья вторая, или Дополнительные заметки). — В кн.: Проблемы поэтики. Сб. науч. трудов. Самарканд, 1980, с. 135—143. (Самарк. ун-т им. А. Навои).

Статью первую см. в кн.: Проблемы поэтики. Т. 4. Самарканд, 1978, с. 4—16. (Труды Самарк. ун-та им. А. Навои. Новая сер., вып. 361).

Магеррамов А. Д. Изучение стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер» в 7 классе. — Рус. яз. и лит. в азерб. школе, 1980, № 1, с. 69—72.

Магомедова Д. М. Лингво-стилистический анализ жанра послания («К Чаадаеву» Пушкина). — В кн.: Художественный текст и литературный жанр. Межвуз. науч.-тема. сб. Махачкала, 1980, с. 4—10. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Даг. ун-т им. В. И. Ленина).

Макаров А. А. История неосуществленного издания избранных стихо-



- творений А. С. Пушкина 1837 г. — В кн.: Альманах библиофила. М.: Книга, 1980, вып. 9, с. 136—149.
- Макогоненко Г. П. Священный дар. — В кн.: Пушкин А. С. Избранные сочинения. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1980, т. 1, с. 5—54. (Б-ка классики. Рус. лит.).
- Впервые в кн.: Пушкин А. С. Избр. соч. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1978, т. 1, с. 5—48. (Б-ка классики. Рус. лит.).
- Малов Н. Н. «Вот он — отлит на диво из гулкой бронзы...». К столетию открытия памятника Пушкину в Москве. — Юность, 1980, № 6, с. 102—104, ил.
- Мамонов А. И. Курахара Корэхито — исследователь русской литературы (фрагмент японского пушкиноведения). — Проблемы Дальнего Востока, 1980, № 4, с. 164—171.
- Мамонов А. И. Странные бывают сближенья. — Лит. обозрение, 1980, № 6, с. 100—106.
- О Варваре Дмитриевне Бубновой, популяризаторе творчества Пушкина в Японии.
- Марьянов Б. Векочный памятник: 100 лет пушкинскому памятнику в Москве. — Наука и религия, 1980, № 6, с. 39—42.
- Матвеева Н. И., Муленкова В. Ф. А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». Библиогр. указ. ил. изданий / Авт. вступ. статьи С. В. Миронова. М.: Центр. гор. публ. б-ка им. Н. А. Некрасова, 1980. 37 с. (Центр. гор. публ. б-ка им. Н. А. Некрасова; Гос. музей А. С. Пушкина). С. 36—37: Указатель художников и граверов, принимавших участие в иллюстрировании «Евгения Онегина».
- Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / Под ред. проф. Б. Ф. Егорова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 296 с.
- С. 91—118: «Слово и событие в сказках Пушкина. (Переосмысление закона «сказано—сделано» в первых пушкинских сказках. — «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина и ее фольклорные параллели. — К спору об источниках «Сказки о рыбаке и рыбке». — Прямая речь и ее модификация в пушкинской («антисказке»)). С. 122—128: «Фольклорные вкрапления в литературном тексте». [На примере «Сказки о царе Салтане»]. С. 146—160: «Сказка в „Медном всаднике“». (Сказачное слово в «Медном всаднике». — О беломом тексте последней пушкинской поэмы)».
- Мирзоян М. «Повести Белкина» на факультативных занятиях в VIII классе. — Лит. в школе, 1980, № 5, с. 51—56.
- Мятева Э. А. Иконографический материал на уроках о Пушкине (IV—VIII классы). — Лит. в школе, 1980, № 6, с. 28—34, ил. на 3-й с. обл.
- Молева Н. М. На смерть поэта. — В кн.: М.: Архивное дело №... Рассказы. М.: Сов. писатель, 1980, с. 288—303.
- Пушкин и А. Креницын.
- Мухаметова Г. Вопросительные предложения в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — Рус. яз. в школе, 1980, № 6, с. 63—66.
- Непомнящий В. С. Памятник Пушкину. — Декор. искусство СССР, 1980, № 5, с. 30—31.
- О памятнике работы Опекушина.
- Непомнящий В. С. Рец. на кн.: Крейн А. Жизнь музея. Худож. В. Кошмин. М.: Сов. Россия, 1979. — Новый мир, 1980, № 6, с. 264—265.
- Непомнящий В. С. «Теперь моя пора...». — Дет. лит., 1980, № 10, с. 24—30, с рис. Пушкина.
- О болдинском периоде в творчестве Пушкина.
- Непомнящий Т. Встреча с Вольтером. — В мире книг, 1980, № 3, с. 77—80.
- Знакомство Пушкина с библиотекой Вольтера.
- Нестеров А. Саженьцы для венка советов. — Нева, 1980, № 12, с. 186—190. С. 186—188: «Пушкин». [А. А. Прокофьев о Пушкине].

- Никишов Ю. М. Исторический и бытовой фон романа Пушкина «Евгений Онегин». Учеб. пособие. Калинин, 1980. 88 с. (Калинин. ун-т).
- Никишов Ю. М. Система нравственно-этических и философских суждений автора в «Евгении Онегине». — В кн.: Проблемы реализма. Под ред. проф. В. В. Гура. Вологда, 1980, вып. 7, с. 13—30. (М-во просвещения РСФСР. Вологод. пед. ин-т).
- Николаев П. А., Кормилов С. И. Гражданское слово великого поэта. — В кн.: Пушкин А. С. Избранное. М.: Сов. Россия, 1980, с. 7—28. (Б-ка рус. худож. публицистики).
- Ободовская И. М., Дементьев М. А. После смерти Пушкина. Неизвестные письма / Ред. и авт. вступ. статьи «Новые неустанные поиски, новые ценные находки», с. 5—43, чл.-кор. АН СССР Д. Д. Благой. М.: Сов. Россия, 1980. 384 с., ил., 12 л. ил. Библиогр.: с. 374—377.
- Обухова Э. А. Вяземский в школьном факультативе. — Лит. в школе, 1980, № 5, с. 48—51. Вяземский и Пушкин.
- Обухова Э. А. К характеристике литературных позиций П. А. Вяземского. (Вяземский и поэма Пушкина «Цыганы»). — В кн.: Проблемы романтического метода и стиля. Межвуз. темат. сб. Калинин: Калинин. ун-т, 1980, с. 83—90. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Калинин. ун-т).
- Овчинников Р. В. Пугачевец Степан Разин. — Вопр. истории, 1980, № 9, с. 180—183. История публикации пушкинской записи рассказа Бунтовой о «Степушке» Разине. Поиски документальных данных о пугачевском прошлом С. А. Разина. Документы о явцких казаках Разиных, предках С. А. Разина.
- Огапян Л. Н. А. С. Пушкин и граф М. С. Воронцов. — Кодры, 1980, № 9, с. 148—152.
- Озмитель Е. К. А. С. Пушкин в Киргизии. — В кн. О.: Наследие классики и киргизская литература. Фрунзе: Кыргызстан, 1980, с. 137—146.
- Орлов В. Н. Гамаюн. Жизнь А. Блока. [2-е изд.]. Л.: Сов. писатель, 1980. 726 с. С. 15—19: «Пушкинский праздник». [Юбилей 1880 г.]. С. 713—718: «Именем Пушкина». [«О назначении поэта» (речь Блока, произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина)].
- Очей очарование. Пушкинское Болдино в советской литературе / Вступ. статья, сост. и подгот. текстов В. И. Баранова. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980. 287 с. Содерж.: В. Баранов. Чудо Болдина. — Л. Озеров. «Всяк сущий в ней язык». — Пушкин в Болдине. [Стихи]; Д. Паттерсон. Болдино. — Труд. [Стихи]; П. Антокольский. Второе Болдино; В. Кручин. Перечитывая «Повести Белкина»; М. Зошенко. Шестая «повесть Белкина». [Впервые: Звезда, 1937, № 1, с. 25—32]. — К поэту. [Стихи]; Д. Гранин. Священный дар. [Впервые: Новый мир, 1971, № 11, с. 181—210]. — Болдино сегодня. [Стихи]; В. Боков. Поезжайте в Болдино! — Бессмертие. [Стихи]. — Прил. Л. Малышкина. Музей-заповедник А. С. Пушкина. Болдино. 1830, 1833, 1834.
- Павлова Г. Рец. на кн.: Пушкин А. С. Эпиграммы. Худож.: Н. В. Кузьмин. М.: Худож. лит., 1979. 167 с. — Новый мир, 1980, № 6, с. 265—266.
- Парчевский Г. Ф. Два портрета знакомого Пушкина В. С. Огонь-Догановского. — В кн.: Панорама искусств. — З. М.: Сов. художник, 1980, с. 223—226, ил. О прототипе «славного Чекалинского» из «Пиковой дамы». Атрибуция портрета Огонь-Догановского на черновике поэмы «Тазит» 1829 г.
- Певзнер Л. И. В кругу друзей Пушкина. — Художник, 1980, № 2, с. 61—63. А. Г. Венецианов и Пушкин.

- Перцов В. О. С нами неразлучный. (К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина). — В кн. П.: Современники. Избр. лит.-критич. статьи. В 2-х т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1980, с. 395—401.
- Петров С. М. Критический реализм. Учеб. пособие для филол. спец. уп-тов и пед. ин-тов. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1980. 359 с.  
С. 62—67: «Пушкин — основоположник реализма в русской литературе».
- Петрунина Н. Н. Вяземский — биограф Фонвизина и Пушкин — историк Пугачева. — Рус. лит., 1980, № 4, с. 130—135.
- Петрунина Н. Н. Пушкин и традиция волшебносказочного повествования. (К поэтике «Пиковой дамы»). — Рус. лит., 1980, № 3, с. 30—50.
- Платек Я. Даль свободного романа. Муз. коммент. к «Евгению Онегину». — Муз. жизнь, 1980, № 16, с. 15—17; № 17, с. 18—19.
- Платонов А. П. Размышления читателя. Подгот. текста и сост. М. А. Платоновой. М.: Современник, 1980. 287 с. с портр. (Б-ка «О времени и о себе»).  
С. 8—22: «Пушкин — наш товарищ». [Впервые: Лит. критик, 1937, № 1]. С. 34—57: «Пушкин и Горький». [Впервые: Лит. критик, 1937, № 6].
- Поздняев М. «Минувшее меня объемлет живо...». К 155-летию восстания декабристов. — Огонек, 1980, № 52, с. 14—15.  
Отклики на восстание декабристов в творчестве Пушкина 1835 и 1836 гг. Уточнение датировки стихотворения «Кто из богов...». Анализ дневниковой записи А. И. Тургенева от 15 декабря 1836 г. о его беседе с Пушкиным.
- Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. Глоток вольного воздуха. Забуду ли его кремнистые вершины. А. С. Пушкин. — В кн.: Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. И звезда с звездой говорит... Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1980, с. 11—24. (Знаменитые гости Кавказских Минеральных Вод).
- Попелюхер И. Л. Шестьдесят девять боевых дней «Александра Пушкина». — Нева, 1980, № 10, с. 218—219.  
Об истребителе «Александр Пушкин», созданном на средства И. А. Новикова.
- Попов И. Кто боится Александра Пушкина? — Иностр. лит., 1980, № 11, с. 258—262.  
Рец. на кн.: Canadian-American Slavic Studies. Special Issues. Pushkin. I — 1976, № 2. Published by University of Pittsburgh. II — 1977, № 1. Published by Arisona State University.
- Попова Н. И. Музей-квартира А. С. Пушкина. Л.: Худож. РСФСР, 1980. 196 с., ил.  
Текст парал. на рус., англ., франц. и нем. яз.
- Предания и песни болдинской старины. 2-е изд., с изм. и доп. / Вступ. статья «Предания и песни болдинской старины» Ю. Левиной и И. Сидоровой. Лит. обработка «Рассказов Ивана Васильевича Киреева» И. Сидоровой. Примеч. к «Рассказам» Ю. Левиной. Записи «Песен села Болдина» и примеч. к ним Л. Дорониной. Нотация напевов М. Лобанова. Цвет. фотогр. Г. Д. Петренко. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980. 94 с., ил., 8 л. пл.
- Прйма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л.: Наука, 1980. 251 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).  
С. 156—178: Гл. 8. Пушкин и «Слово о полку Игореве». О Пушкине см. указатель имен.
- Прокопий Н. П. Незвестный портрет Е. М. Хитрово. — Творчество, 1980, № 12, с. 15—17, с портр.  
Впервые публикуются: 1. Портрет Хитрово работы неизвестного художника. Ок. 1820. Масло. Частное собрание. Италия. 2. Хитрово на смертном одре работы неизвестного художника. 1839. Акваель. Вельтрасский замок-музей. Чехословакия.

Прокушев Ю. Л. Время. Поэзия. Критика. М.: Худож. лит., 1980. 636 с. С. 11—16: «Подвиг Пушкина». [Впервые в кн.: Прокушев Ю. Л. Подвиг Пушкина. М.: Правда, 1974, с. 3—8]. С. 34—51: «Вперед к Пушкину». [Впервые в кн.: Прокушев Ю. Л. Подвиг Пушкина. М.: Правда, 1974, с. 43—61].

Пушкин и его современники. Портреты из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Каталог. М., 1980, 23 с. (Гос. Лит. музей; Всесоюз. музей А. С. Пушкина).

По материалам выставки в Гос. Литературном музее к 181 годовщине со дня рождения поэта и 100-летию со дня открытия памятника Пушкину в Москве.

Пушкинские места Ленинграда. Туристская схема / Сост. и подгот. Производственным картосоставительным объединением «Картография» ГУГК. Ред. Г. А. Скачкова. М.: Гл. упр. геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1980.

Карта.

Рец.:

Черейский Л. А. Вопреки фактам. — Нева, 1981, № 8, с. 183.

Пятецкий Б. Феномен Лины По. — Нева, 1980, № 2, с. 220, портр.

О гипсовом бюсте Пушкина работы Л. М. По. (Всесоюзный музей Пушкина. Ленинград).

Рабинович Р. «Дело о панихиде». — Урал, 1980, № 4, с. 183—185.

О пушкинском юбилее 1899 г. в Перми.

Радченко Ю. Под заветной печатью. — В кн.: Как познают мир. Сб. атеист. чтения / Сост.: И. И. Жерневская. М.: Дет. лит., 1980, с. 164—183.

«Под заветной печатью». [Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме]. — «Проклятый город Кишинев...». — «Вы помните ль то розовое поле...» [Поэма Пушкина «Гавриилиада»]. — «Неизгладимая печать...». — «Переходит из рук в руки». — «Как бы ни был мой образ мыслей». — «Будучи вопрошаем...».

Раевский Н. А. Жизнь за Отечество. Гл. 13—15. — Простор, 1980, № 1, с. 60—85.

Глава из книги «Пушкин и война». Предшествующие главы публиковались в № 1, 5, 8 за 1978 г.

Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата: Жазушы, 1980. 430 с., ил.

Рассадин С. Б. Советоваться с Пушкиным. — Новый мир, 1980, № 6, с. 242—247.

Рец. на кн.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М.: Худож. лит., 1979.

Рассовская Л. П. К вопросу об историзме лирики А. С. Пушкина. — В кн.: Проблемы истории критики и поэтики реализма. Межвуз. сб. Куйбышев, 1980, вып. 5, с. 57—77. (Куйбышев. вн-т).

Рахимов А. Пушкин и узбекская литература. — Звезда Востока, 1980, № 6, с. 141—143.

Марк Рейзен. Автобиографические записки. Статьи. Воспоминания / Сост. и ред. Е. А. Грошевой. М.: Сов. композитор, 1980. 303 с., ил. (Деятели муз. театра).

Раздел «Жизнь и сцена». С. 110—117: «Борис Годунов». С. 165—167: «Руслан и Людмила». С. 183—188: «Снова „Борис Годунов“». Раздел «Статьи и воспоминания». С. 253—257: Захаров Р. «Мой „Руслан“».

Розенфельд А. З. Персидский поэт XIX в. Фазил-хан Шайда. (К встрече А. С. Пушкина с миссией Хосров-мирзы и к русско-иранским культурным отношениям). — В кн.: Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М.: Наука, 1980, с. 226—230, 313—314: портреты Фазил-хана и Хосров-мирзы. (АН СССР, Ин-т востоковедения).

Руденская М. П., Руденская С. Д. Пушкинский лицей. Очерк-путеводитель. Л.: Лениздат, 1980. 238 с., ил., 25 л. ил.

Рыбин М. В. В пушкинские дни 1899 года... (Страничка из истории московской Полывановской гимназии) / Публик. М. В. Рыбина. — В кн.: Встречи с прошлым. Сб. материалов ЦГАЛИ. 2-е изд., испр. М.: Сов. Россия, 1980, вып. 3, с. 65—71. (Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР).

Публикуется гимназическое сочинение Андрея Белого «Почему так торжественно предполагается чествовать столетие со дня рождения А. С. Пушкина?»

Рыжов В. В. Читательский аспект «обновления» литературных образов (Пушкин и Салтыков-Щедрин). — В кн.: Художественное произведение и его читатель. Межвуз. темат. сб. Калинин: Калинин. ун-т, 1980, с. 60—66. (М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Калинин. ун-т).

Сауленко Л. Л. Пушкинская традиция в «Поэме без героя» Анны Ахматовой. — В кн.: Вопросы русской литературы. Респ. межвед. науч. сб. Львов: Вища школа, 1980, вып. 2 (36), с. 42—50. (М-во высш. и средн. спец. образования УССР. Черновиц. ун-т).

Сафарова З. Г. Использование дополнительного материала на уроках и на внеклассных занятиях по изучению творчества А. С. Пушкина. — Рус. яз. и лит. в азерб. школе, 1980, № 1, с. 40—52.

Светличная Н. М. Семантико-синтаксические особенности наречий на -о (на материале произведений А. С. Пушкина). — В кн.: Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1980, с. 183—202. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Дальневост. ун-т).

Светличная Н. М. Системность лексики писателя (на материале глаголов горения в поэзии и прозе Пушкина и Лермонтова). — В кн.: Вопросы стилистики. Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980, вып. 15, с. 57—67.

Седова Е. Н. Два портрета Н. Н. Пушкиной-Ланской. — В кн.: Панорама искусства. — З. М.: Сов. художник, 1980, с. 201—209, 4 л. портр.

Атрибуция портрета и доказательства принадлежности московского портрета Н. Н. Пушкиной П. Макарову, ленинградского (Всесоюзный музей Пушкина) — Т. А. Неффу.

Селиванова С. Д. Над пушкинскими рукописями / Отв. ред. докт. филол. наук С. М. Бонди. М.: Наука, 1980. 127 с. (АН СССР. Сер. «Литературоведение и языкознание»).

Содерж.: Введение. — Гл. I. «Усовершенствуя плоды любимых дум...». 1. «Я гимны прежние пою...» («Арион»). 2. «...Чтоб мыслить и страдать» («Элегия»). 3. «Смысла я в тебе ищу...» («Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы»). 4. «Гекзаметра священныя напевы» («На перевод Илиады»). — Гл. II. «Кавказский пленник» (работа над текстом). 1. Первая редакция начала поэмы. 2. Основной черновик поэмы. 3. Первая беловая редакция поэмы. 4. Второй беловик поэмы («Чегодаевская рукопись»). 5. Третий беловик поэмы («Гнедичевская рукопись»). — Гл. III. К вопросу о специфике пушкинского романтизма. 1. «... Я не гожусь в герои романтического стихотворения». 2. Чувство «соразмерности и соразности». 3. «Черкешенка моя мне мила...». 4. «...Многое угадано и выражено верно».

Семкина С. С. Литературный вечер «Лица день заветный». — Рус. яз. и лит. в кирг. школе, 1980, № 5, с. 22—30.

Вечер в школе-интернате им. Г. Титова пос. Хайдаркан Фрунзенского района Ошской области.

Сергеева Н. М. Стилистическое значение рефлексов напряженных редуцированных гласных в языке А. С. Пушкина. Калинин: Калинин. ун-т, 1980. 49 с.

Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 6360 от 15.10.80.

Сидоров В. В. Поиск продолжается. — В кн.: По тропам былого. Краевед. сб. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980, с. 113—131.

- «Сказка про Пугачева и про вдову Харлову», рукопись которой обнаружена в Отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Впервые в кн.: Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1976, вып. 2, с. 352—368.
- Сидяков Л. С. Тема «Кавказского пленника» в «Путешествии в Арзрум». — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, т. 39, № 5, с. 434—437.
- Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Науч.-попул. этюд. Казань: Таткнигоиздат, 1980. 144 с.
- Содерж.: От автора. — Вводные замечания. — I. Собрание материалов о Пугачеве и хлопоты о поездке в Поволжье и на Урал. — II. Из Петербурга в Москву. — III. Из Москвы в Нижний Новгород. — IV. Из Нижнего Новгорода в Казань. — V. Из Казани в Симбирск. — VI. Из Симбирска в Оренбург. — VII. Из Оренбурга в Уральск. — VIII. Из Уральска в Болдино. — IX. Значение поездки Пушкина на Восток для его творческой деятельности. — X. Ближайшие последующие события в жизни и деятельности Пушкина. Из Болдина в Петербург. — Примечания. — Календарь поездки А. С. Пушкина. — Библиогр. указания.
- Смелков Ю. Век XIX—век XX. — Библиотекарь, 1980, № 12, с. 36—39.  
Рец. на кн.: 1. Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М.: Худож. лит., 1979; 2. «Прекрасен наш союз...» [Сборник материалов о пушкинском выпуске Лицея]. Сост. Н. Я. Эйдельман. М.: Мол. гвардия, 1979.
- Смирнов Г. К вопросу о гидроаэромеханике в поэзии А. С. Пушкина. — Техника — молодежи, 1980, № 5, с. 61.
- Смольников И. На Болдинской земле. — В кн.: Хочу все знать. Науч.-худож. сб. / Сост. А. Томилин. Л.: Дет. лит., 1980, с. 287—292.
- Софронов Н. С. Это интересно знать... [2-е изд.]. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1980, 240 с.  
С. 101—106: «Владимирские предки А. С. Пушкина». С. 106—110: «Пушкинским маршрутом». [Посещение Пушкиным Владимирской губернии]. С. 110—113: «Пушкин и А. Керн».
- Старосельская Н. Рядом с героем. Пушкин, Гоголь, Достоевский в графических сериях Виталия Горяева. — Лит. обозрение, 1980, № 8, с. 93—94, ил.  
Рец. на кн.: Горяев В. Пушкин. Гоголь. Достоевский. Графич. серии / Авт.-сост. В. Воронов. М.: Сов. художник, 1979.
- Степанов П. И. Нелестная хвала (стихотворение А. С. Пушкина «Друзьям»). — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 1 (35). Респ. межвед. науч. сб. Львов: Вища школа, 1980, вып. 1 (35), с. 75—81. (Черновиц. ун-т).
- Страницы уникальной рукописи. — Библиотекарь, 1980, № 7, с. 24—26.  
Отрывки «О трагедии Самсона Вырина» и «О чтении между строки» [«Моцарт и Салери»] из неопубликованных глав рукописи А. М. Левидова «Диалектический метод изучения литературного произведения. (Руководство к чтению художественной литературы)». Публикация В. А. Левидова.
- Студнева А. И. Глагольная организация художественной прозы А. С. Пушкина. (На материале «Повестей И. П. Белкина»). — В кн.: Развитие и функционирование русского глагола. Волгоград, 1980. с. 88—96. (Волгоград. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича).
- Сурков А. А. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 4. Статьи о литературе. Литературные портреты. М.: Худож. лит., 1980. 653 с.  
С. 7—16: «Пушкин перед лицом нашего времени». [Впервые под загл. «Любимый народный поэт». — Лит. газ., 1937, 26 февр.]. С. 17—26: «Солнце русской поэзии». [Впервые: Огонек, 1949, № 23, с. 2; Культура и жизнь, 1949, 31 мая, под загл. «Пушкин с нами»]. С. 27—31: «Основоположник-новатор». [Впервые под загл. «Бессмертная традиция». — Правда, 1949, 10 июня].
- Тархов А. Е. Судьба Евгения Онегина; «Даль свободного романа». —

- В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. [2-е изд.]. М.: Худож. лит.: 1980, с. 5—28, 203—332. (Школьная б-ка).
- Гатааринцев А. Г. Варианты песни «Узник» в русском фольклоре Удмуртии. — В кн.: Проблемы изучения русского народного поэтического творчества (взаимовлияния фольклора и литературы). Респ. сб. М., 1980, с. 90—99. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
- Твардовский А. Т. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 5. Статьи и заметки о литературе. Речи и выступления (1933—1970). М.: Худож. лит., 1980. 463 с.
- С. 17—22: «Пушкин». [Впервые в кн.: Твардовский А. Статьи и заметки о литературе. М., 1961, с. 5—13]. С. 365—381: «Слово о Пушкине. Речь на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина».
- Телепов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М.: Моск. рабочий, 1980. 320 с.
- С. 5—7: «Памятник Пушкину». [Открытие памятника работы Опекушина в Москве].
- Тихонов Н. С. Устная книга. Война. — Вопр. лит., 1980, № 8, с. 179—186. Пушкинские Горы в годы Великой Отечественной войны.
- Тойбин И. М. Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 123 с.
- Содерж.: От автора. — Введение. — Гл. 1. На пути к новой философии и истории (Пушкин и Погодин). — Гл. 2. Проблема своеобразия исторических судеб России. — Гл. 3. Пушкин и «История государства Российского» Н. М. Карамзина.
- Тополевская Т. В. Взаимосвязь стиха и напева в русских народных песнях, собранных А. С. Пушкиным. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1980, № 3, с. 56—60.
- Труфанова О. М. Тема уроков — «Пушкин в искусстве». — Рус. яз. и лит. в узб. школе, 1980, № 3, с. 16—21.
- Турбин В. Н. Эхо «Медного всадника». — Октябрь, 1980, № 10, с. 201—207.
- Уварова И. «Памятник Пушкина». — Декор. искусство СССР, 1980, № 5, с. 26—29, ил.
- Об открытии памятника Пушкину работы А. М. Опекушина.
- Угрюмова Т. О влиянии романа на оперу Даргомыжского «Каменный гость». — В кн.: Вопросы искусствознания. Уфа, 1980, вып. 4, с. 63—75. (М-во культуры РСФСР. Уфим. ин-т искусств).
- Умбетова К. Б. Пушкинские сказки на школьном утреннике. — Рус. яз. и лит. в узб. школе, 1980, № 3, с. 21—23.
- Урубкова Л. В., Гольберг В. В. Памятник А. С. Пушкину в Москве. (К 100-летию открытия). Указ. лит. М., 1980. 28 с. (Гл. упр. культуры Исполкома Моссовета; Гос. музей А. С. Пушкина; Центр. гор. публ. б-ка им. Н. А. Некрасова).
- Усманов А. Н. Башкиры в произведениях А. С. Пушкина. — В кн.: По тропам былого. Краевед. сб. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980, с. 92—112.
- Февчук Л. Хранилось в Броднях. — В кн.: Белые ночи. Л.: Лениздат, 1980, вып. 6, с. 203—229.
- Броднянская пушкиниана.
- Фейнберг И. Л. В мастерской поэта. По черновикам Пушкина. Публик. М. Фейнберг. — Огонек, 1980, № 43, с. 22—23.
- Фесенко Ю. П. Грибоедов и Пушкин. Творческие взаимосвязи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1980. 17 с. (Ленингр. ун-т им. А. А. Жданова).
- Фоменко О. В Михайловском. — Библиотекарь, 1980, № 6, с. 26—27, ил.
- Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1980. 191 с.
- Содерж.: От автора. I. Общая характеристика романтизма Пушкина. II. Романтическая лирика. III. «Кавказский пленник».

IV. «Братья разбойники». V. «Бахчисарайский фонтан». VI. «Цыгань». VII. Романтика и реализм в маленьких трагедиях. — Заключение.

Фризман Л. Г. А. С. Пушкин и «Северные цветы». — В кн.: Северные цветы на 1832 год / Изд. подгот. Л. Г. Фризмана. М.: Наука, 1980, с. 295—337. (АН СССР. Лит. памятники).

Впервые воспроизводится автограф Пушкина на экземпляре «Северных цветов» на 1832 г., подаренном П. А. Плетневу. (Из собрания И. С. Зильберштейна).

Фризман Л. Г. Уроки Жирмунского. — Вопр. лит., 1980, № 2, с. 267—272.

Рец. на кн.: Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978.

Харлап М. Poleмический смысл «Домика в Коломне». — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, т. 39, № 3, с. 219—229.

Хорева Е. Где родился Пушкин? — Советский Союз, 1980, № 12, с. 41. К вопросу воссоздания московского мемориала поэта.

Художники — поэту. — Лит. Грузия, 1980, № 2, ил. на с. 41—44, 50, 57, 59.

Работы грузинских художников, посвященные Пушкину.

Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд., пересмотр. и расш. М.: Искусство, 1980. 446 с., ил.

П. И. Чайковский и русская литература / Сост.: Б. Я. Аншаков, П. Е. Вайдман. Ижевск: Удмуртия, 1980. 231 с.

С. 82—99: Н. С. Аршинова. К вопросу о психологии женского образа в пушкинских операх П. И. Чайковского. С. 125—143; Б. Я. Аншаков. О некоторых чертах художественного мира П. И. Чайковского и особенностях переосмысления пушкинских образов в опере «Пиковая дама». С. 144—154; Г. И. Иванченко. Традиции А. С. Пушкина в опере П. И. Чайковского. С. 155—177; П. Е. Вайдман. Работа П. И. Чайковского над рукописью либретто оперы «Пиковая дама». С. 178—188; М. Ш. Бонфельд. Проблема двуязычия в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама».

Чжова И. Б. «Минувших дней очарованье...». К портретам женщин, воспетых русскими поэтами первой половины XIX века. — В кн.: Белые ночи. Л.: Лениздат, 1980, вып. 6, с. 230—260.

Чичерин А. В. Ритм образа. Стилист. проблемы. 2-е изд., расш. М.: Сов. писатель, 1980. 335 с.

С. 174—184: «Ритм и стиль пушкинской прозы». [Впервые под загл.: Спорные вопросы стиля пушкинской прозы. — В кн.: Вопросы русской литературы. Львов, 1966, вып. 1, с. 7—13]. С. 185—193: «Образ времени в лирике Пушкина». [Впервые в кн.: Чичерин А. В. Ритм образа. М., 1973, с. 224—235].

Шалина Е. С., Чжова И. Б. Портрет Смирновой-Россет. — Художник, 1980, № 12, с. 63, портр.

Портрет Смирновой-Россет работы Телена (?), переданный Всеююзному музею А. С. Пушкина.

Шамшурин В. Животворящая святыня. К 150-летию первой болдинской осени А. С. Пушкина. — В кн.: Современники / Сост. А. М. Иорданский, А. И. Цветнов. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980, с. 254—268.

Впервые под загл. «Родник в Лучиннике». — Волга, 1977, № 12, с. 155—161.

Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России / Отв. ред. акад. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1980. 322 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

Гл. 4. Произведения скандинавских писателей в России первой половины XIX в. С. 202—219: 2. [Пушкин и Э. Теггер].

Шеншин В. К. Идеино-художественная функция образа Гриневы в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка». — В кн.: Проблемы нравственно-эстетического воспитания в процессе преподавания литературы в средней школе. Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1980,



- с. 66—77. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Перм. ун-т им. А. М. Горького).
- Шептаев Л. С. Пушкинская баллада и хакасский фольклор. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Уфа, 1980, с. 87—91. (Башк. ун-т им. 40-летия Октября).
- Ширинкин В. И. К вопросу о художественном своеобразии критических статей Пушкина. (Жанровые и композиционные особенности). — В кн.: Актуальные проблемы общественных, естественных и технических наук. Первая межвуз. конференция молодых ученых г. Перми. Тез. докл. Посвящается 110-й годовщине со дня рождения В. И. Лямина. Пермь, 1980, с. 263—264. (Перм. пед. ин-т).
- Шомина В. Г. Жанры русской поэзии первой половины XIX в. и фольклор. Учеб. пособие. Калинин, 1980. 80 с. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Калинин. ун-т).
- С. 63—69: Гл. 5. Функции фольклора в романтической поэме Пушкина (от «Братьев разбойников» к «Капитанской дочке»).
- Штейнпресс Б. С. Апокрифы и пробелы пушкинианы. — Сов. музыка, 1980, № 6, с. 108—112.
- Рец. на кн.: 1. Винокур Н. Г., Каган Р. А. Пушкин в музыке. Справочник. М.: Сов. композитор, 1974. 2. Stöckl E. Puškin und die Musik. Mit einer annotierenden Bibliogr. der Puškin-Vertonungen 1815—1965. Leipzig: Deutscher Verl. für Musik, 1974.
- Штейнпресс Б. С. Очерки и этюды. М.: Сов. композитор, 1980. 349 с., портр.
- С. 41—89: «Последние страницы биографии Моцарта». С. 90—178: «Антонио Сальери в легенде и действительности». С. 179—190: «Антимоцартиана». С. 232—235: «К истории публикации „Двух воронов“ [романса Алябьева]». С. 235—239: «Об одном пушкинском тексте в записи Алябьева» [баллада Алябьева «Погасло дневное светило»]. С. 240—242: «Кто такая Саша? Два музыкально-литературных этюда. Алябьев—Пушкин». [Романс Алябьева «Саша» на слова стихотворения Пушкина «Лиле»].
- Шустов А. «Чистейшей прелести чистейший образец». — В кн.: Белые почки. Л.: Лениздат, 1980, вып. 6, с. 232—242.
- Пушкин и Рафаэль.
- Щербина В. Р. Революционно-демократическая критика и современность. Белинский, Чернышевский, Добролюбов. М.: Наука, 1980. 544 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
- С. 284—293: «Честь нашей родины» (А. С. Пушкин). [В разделе «Н. Г. Чернышевский»].
- Эйдельман Н. Я. Поэт — «историк строгой». — Новый мир, 1980, № 8, с. 259—262.
- Рец. на кн.: Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Наука, 1979.
- Эйдельман Н. Я. Твой девятнадцатый век. М.: Дет. лит., 1980. 272 с.
- С. 76—112: Рассказ четвертый. «О сколько нам открытий чудных...». «Вступление к рассказу». [Стихи Пушкина «О сколько нам открытий чудных...». Пушкин и наука]. — «Медная и негодная». [Впервые в кн.: Панорама искусств. Науч.-попул. сб. [I]. М.: Сов. художник, 1978, с. 286—304].
- Яценко А. Л. «Борис Годунов» А. С. Пушкина и подделка «Дмитрий Самозванец» Фаддея Булгарина. К проблеме становления русского реализма. — В кн.: Традиции и новаторство в художественной литературе. Горький, 1980, с. 107—114.

#### ЖУРНАЛЫ

Аврора, 1980, № 6.

С. 112—120: Т. Галущко. «При свете утренней Киприды...» [Атрибуция портретов Е. Н. Орловой на рукописи окончание 2-й главы «Евгения Онегина» и на листе «с изображениями лиц, за-

мечательных по 14 декабря)]. С. 121—124: Е. Кончин. Загадка «Пиковой дамы». [О портрете Н. П. Голицыной работы Рокотова]. С. 125—130: Е. Брускова. Коллекция. [Пушкин и его эпоха в коллекции П. В. Губара, переданной в дар Музею А. С. Пушкина (Москва)].

**В мире книг, 1980, № 6.**

С. 59—60: Л. Лузянина. По дорогам литературного краеведения. [О книгах: Н. Волович «Пушкинские места Москвы и Подмосковья (М., 1979) и А. Пянова «Мои осенние досуги». Пушкин в Тверском крае. (М., 1979)]. С. 60: У. Спектор. Миниатюрная «Полтава» [М.: Книга, 1979]. С. 61: Н. Козар. Пушкин в Румынии. [Рец. на кн.: Николеску Т. А. С. Пушкин. Бухарест, 1979]. С. 68—71: Г. Курочкина. ... Не зарастет народная тропа. К столетию открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. С. 71—74: В. Кунин. Пушкин дарит «Онегина». [Прижизненные издания с автографами поэта].

**Литературная учеба, 1980, № 1.**

С. 58—65: Перед всея Руси поэтом. Стихи молодых поэтов о Пушкине. Разбирают Г. Красухин («О Пушкине? А зачем?», с. 66—68) и В. Казанцев («Я уже обладаю всезнанием, но...», с. 68—70). С. 151—156: В. Кормачев. Художественное время в лирике Тютчева и Пушкина.

**Нева, 1980, № 6.**

С. 183—191: Г. П. Макогоненко. Каков был замысел «Путешествия в Арзрум»? С. 219: А. Федоров. В избушке Арины Родионовны. [Музей в дер. Кобриню]. С. 219: Л. Черейский. «С удовольствием прочел...» [Отзыв Пушкина об «Очерках Персии» Ф. Ф. Корфа, опубликованных в «Библиотеке для чтения» (1836, кн. 11—12)]. С. 220: С. Леонидов. Найден портрет А. С. Сиркур.

**Русская речь, 1980, № 3.**

С. 44—48: А. И. Горшков. Искренность и точность выражения. [О языке Пушкина]. С. 49—54: В. В. Одинцов. Вечер в Кипине. Пушкин и Раевский. (К уроку литературы). С. 73—74: С. И. Виноградов. Памятник Пушкину — памятник Пушкина. С. 77—82: Е. П. Ходакова. Народная лексика у Пушкина. С. 135—139; В. К. Юношева. «... Во лжи прелестной обличу». [Лингвистический комментарий к поэме «Руслан и Людмила»]. С. 156—157: С. А. Карпухин. Знакомый кот глазами художников. [О неправильном понимании художниками пушкинского словосочетания «ходит по цепи»].

В. В. ГОЛОВИН

## НОВЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОГРАФОВ ПУШКИНА

В связи с сосредоточением пушкинских рукописей в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР в соответствии с постановлением СНК СССР от 4 марта 1938 г. краткое описание поступивших в Пушкинский Дом автографов было выполнено О. С. Соловьевой.<sup>1</sup> Продолжают данный труд обзоры Р. Е. Терехиной, где дается обширная библиография публикаций о новых автографах А. С. Пушкина.<sup>2</sup>

В период с 1949 г. по начало семидесятых годов публиковался ряд обзоров новонайденных автографов А. С. Пушкина с приложением соответствующих библиографических материалов.<sup>3</sup>

---

<sup>1</sup> См.: Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. М.; Л., 1964. — Автографы поэта, поступившие в Пушкинский Дом до 1937 г., описаны в издании: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937.

<sup>2</sup> См.: Терехина Р. Е. 1. Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы Пушкинского Дома за 1958—1968 г. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971, с. 114—120; 2. Новые поступления в Пушкинский фонд. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968, с. 5—22; 3. Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1969—1974 гг. Новонайденные рисунки Пушкина. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. — Л., 1976, с. 104—124.

<sup>3</sup> См.: Данилов В. В. Новонайденные публикации автографов Пушкина (1949—1954). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1956, т. I, с. 375—384; Соловьева О. С. Новейшие приобретения пушкинского текста (1955—1956). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., т. II, 1958, с. 399—408; Соловьева О. С. Новые данные об автографах Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963, с. 9—18; Левкович Я. Л. Документальная литература о Пушкине (1966—1971). — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973, с. 57—73. — См. также непосредственно публикации о новонайденных автографах, зафиксированных в томах «Библиографии произведений А. С. Пушкина и литературы о нем» и в годовых библиографиях пушкинианы в выпусках «Временника Пушкинской комиссии». Первое издание регист-

Данный обзор является продолжением этих работ и фиксирует новонайденные автографы с начала 1970-х годов. В обзор включены сведения о новых автографах А. С. Пушкина, описание которых было опубликовано в выпусках «Временника Пушкинской комиссии» и которые отсутствовали в вышеперечисленных обзорах.<sup>4</sup>

За последние годы обнаружен ряд пушкинских автографов. В большинстве своем это собственноручные подписи в деловых документах: записи в регистрационных журналах, тексты доверенностей, адреса, дарственные и владельческие надписи на книгах. С каждым годом уменьшается количество новонайденных автографов текстов произведений, писем Пушкина, его рисунков. В семидесятые годы находки такого рода были единичны.

Черновой автограф стихотворения «К портрету» обнаружен в Центральном государственном архиве Октябрьской революции<sup>5</sup> И. Т. Трофимовым.<sup>6</sup> В фонде известной певицы П. А. Бартеневой на половине листка плотной белой бумаги с оттиском, на котором изображены корона, знак «Н» и венки, карандашом написаны строки:

Вот вам весталка,  
Суша, как палка,  
Черна, как галка,  
Куда как жалка.

Под четверостишием сделан характерный для поэта волнистый знак концовки. Ниже знака зачеркнутые Пушкиным варианты стихов:

Куда как  
И очень гадка.

И вновь — знаки концовки. Экспромт И. Т. Трофимов датирует 1834—1835 годами.

Текст данной эпиграммы в другой редакции впервые напечатан в 1861 г. Н. В. Гербелем в берлинском издании «Стихотворения Пушкина, не вошедшие в полное собрание его сочинений». Источники, которыми пользовался Н. В. Гербель, нам неизвестны.

---

рирует литературу с 1918 по 1958 г., включая и газетные публикации, и имеет в предметном указателе рубрику о новонайденных текстах Пушкина. Библиографии в выпусках «Временника», составленные В. В. Зайцевой, регистрируют литературу с 1961 г.

<sup>4</sup> См. статьи Р. Е. Теребенной «Автограф послания Пушкина к Э. А. Волконской и его история»; «Неизвестная запись Пушкина к „Слову о полку Игореве“»; «Автографы двух лицейских стихотворений», опубликованные в выпусках «Временника Пушкинской комиссии» на 1972, 1973, 1974 гг., и статью Р. В. Овчинникова «О пушкинской публикации письма А. И. Бибикова к Д. И. Фонвизину» в том же издании на 1979 г.

<sup>5</sup> ЦГАОР, ф. 632, оп. 1, д. 463, л. 110.

<sup>6</sup> Трофимов И. Т. 1. Поиски и находки в московских архивах. М., 1979, с. 67 (с. 119—120, с факс.); 2. Автограф А. С. Пушкина. — Советские архивы, 1973, № 2, с. 108—109, с факс.

Стихотворение это отчасти связано с «Посланием к М. Т. Каченовскому» (1820) П. А. Вяземского, поскольку Пушкину была известна журнальная полемика, возникшая между Вяземским и адресатом его послания. Каченовский упрекал Вяземского в том, что он неудачно использовал слова «огнь на алтаре весталок», рифмующиеся со словом «жалок». Данная полемика побудила Пушкина написать эпиграмму на Каченовского:

Клеветник без даровапья,  
Палок ищет он чутьем,  
А дневного пропитанья  
Ежемесячным вращем.

(XIII, 36)

Как утверждает В. Э. Вацуро, данные строки каламбурны: нападая на рифму «жалок» — «весталок», Каченовский подсказывает («ищет чутьем») другую, более естественную — «палок».<sup>7</sup>

И. Т. Трофимовым обнаружен также список с эпиграммы Пушкина на М. С. Воронцова.<sup>8</sup> Текст представляет собой ранее не известный вариант эпиграммы:

К портрету Во . . . ва

Полудурак, полуневежда,  
Полуфранцуз, полуподлец.  
И кажется, уж есть надежда,  
Что будет целый наконец.

Список хранится в ЦГАЛИ, в альбоме, датированном 20—30-ми годами XIX в.<sup>9</sup> В собрания сочинений Пушкина включается широкоизвестный вариант эпиграммы, который также напечатан со списком.

В фонды Государственного Музея А. С. Пушкина в Москве поступил портрет молодого Дельвига, написанный Павлом Лукьяновичем Яковлевым, братом лицеиста Михаила Яковлева. Портрет выполнен во второй половине 1819 г. Под портретом пушкинский автограф — известное стихотворение «К портрету Дельвига», стилизованное под типичные подписи XVIII в. Портрет со стихами Пушкина подарен в 1840 г. В. С. Сергачевым преподавателю русской словесности Московского дворянского института О. П. Иванову, в семье которого он хранился в течение

---

<sup>7</sup> Вацуро В. Э. К истории пушкинского экспромта. — В кн.: Временник пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974, с. 106—108. — Я. Л. Левкович отвергает принадлежность данной эпиграммы Пушкину (см.: Русская литература, 1974, № 4, с. 215).

<sup>8</sup> См.: Трофимов И. Т. 1. Поиски и находки в московских архивах, с. 119—120; 2. Неизвестный вариант эпиграммы А. С. Пушкина. — Книжное обозрение, 1980, 6 июня; 3. К портрету Воронцова. — Литературная Россия, 1977, 8 июня; 4. Находка пушкинистов. — Новгородская правда, 1977, 11 августа.

<sup>9</sup> ЦГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, ед. хр. 629, л. 48.

140 лет, пока не был приобретен музеем у дальней родственницы Ивановых А. А. Годлевской.<sup>10</sup>

Октябрь 1979 г. ознаменовался еще одной находкой. В ЦГАЛИ при выявлении материалов о А. П. Сумарокове на обороте последнего листа одного из списков был обнаружен неучтенный текст — письмо Пушкина, адресованное П. А. Вяземскому: «Вот тебе опять Сумароковщина, дело его с проказником Демидовым. Ив. Ив. Дм. <итрие>в полагает, что со стороны Демидова все это была шутка — очень любопытно и хорошо.

Как идет мой Онегин».

Под текстом рукой Вяземского написано: «(Приписка Алек. Серг. Пушкина)».

Письмо объясняет использование Вяземским в его статье о Сумарокове в «Литературной газете» № 28 от 16 мая 1830 г. письма и записки А. П. Сумарокова к Г. А. Потемкину от 10 июля и 11 ноября 1775 г. Речь идет о том, что П. А. Демидов неожиданно потребовал проценты на долг Сумарокова.

Пушкинское письмо датируется второй половиной марта — апрелем 1830 г.

До этого в марте 1830 г. Пушкин прислал Вяземскому для статьи в «Литературной газете» список доноса Сумарокова на Ломоносова. В конце письма говорится: «В доносе пропущено слово *оскорбляя*» (XIV, 74). В то же время в списке, присланном Пушкиным Вяземскому (список сохранился в Остафьевском архиве), слово «оскорбляя» вставлено над строкой другим почерком и заключено в скобки.

Как удалось установить, эта вставка сделана рукой Пушкина. В статье Вяземского, опубликованной в «Литературной газете», слово «оскорбляя» также заключено в скобки. Предполагается, что Пушкин в данном случае выступил как редактор-текстолог, вписавший необходимые дополнения в публикуемый текст.<sup>11</sup>

В десятом томе альманаха «Прометей» помещена статья Т. Г. Цявловской о найденной в ЦГАЛИ записке Пушкина к В. Ф. Вяземской: «Divine Princesse, je vous salue de tout mon cœur. De tout mon cœur, Pr<incesse> divine, je vous salue. Princesse, je vous salue, divine de mon cœur etc.»<sup>12</sup>

Пушкин, по мнению Т. Г. Цявловской, перефразирует здесь

---

<sup>10</sup> См.: Ефимова А. Автограф поэта. — Литературная газета, 1980, 28 мая, с факс.

<sup>11</sup> См.: Рычков А. В. Новая встреча с Пушкиным. (Письмо А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому). — В кн.: Встречи с прошлым. Сборник материалов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. М., 1982, вып. 4, с. 25—29, с факс. — Атрибуция обнаруженных текстов была проведена в ЦГАЛИ при консультации К. П. Богаевской.

<sup>12</sup> См.: Цявловская Т. Г. Записка к В. Ф. Вяземской. — В кн.: Прометей. М., 1974, т. 10, с. 160—165, с факс. — Записка хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3422, л. 1. — Перевод: «Божественная княгиня, кланяюсь вам от всего сердца. От всего сердца, княгиня божественная, кланяюсь вам. Княгиня, кланяюсь вам, божество моего сердца, и т. д.,

некоторые строки из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Датируется записка первыми месяцами 1825 г.

Здесь же опубликовано сообщение М. И. Гиллельсона о помете Пушкина, обнаруженной на копии «Записок» Е. Р. Дашковой.<sup>13</sup> Копия была сделана для П. А. Вяземского в середине 1810-х гг. (на бумаге четкий водяной знак: 1814). В ней множество орфографических ошибок, исправленных рукой Вяземского. Пушкин пользовался данными «Записками» в 1833—1836 гг., когда он работал над статьями о Радищеве. Помета А. С. Пушкина находится на правом поле, примерно в середине листа, напротив места, где Дашкова писала о посещении театра в Лионе. Е. Р. Дашкова называет женщин, занявших ложу, отведенную ей и ее спутницам, «*femmes impertinentes*».<sup>14</sup> Пушкин подчеркнул эту фразу и написал на полях: «*Diderot, docteur et apôtre de l'égalité, qui l'auteur admire, n'aurait pas dit cela*».<sup>15</sup>

Собрание рисунков поэта пополнилось недавно еще одним. В ЦГАЛИ, в Остафьевском архиве (фонд Вяземских), хранится письмо Е. М. Хитрово к П. А. Вяземскому, небрежно написанное карандашом. Посредине страницы вырезан квадратный кусочек 4,3×5,2 см. На обороте листа выше вырезанного квадрата обнаружен рисунок Пушкина, предположительно изображающий Н. Н. Гончарову. Рисунок тщательно отделан фоном, заштрихован.

Письмо, полученное от Хитрово, Вяземский переслал своей жене 26 мая 1830 г. Видимо, уже в Подмосковье, где жила В. Ф. Вяземская, Пушкин увидел данное письмо и набросал на его обратной стороне портрет своей невесты.<sup>16</sup>

Несколько слов, собственноручно написанных Пушкиным, обнаружено в Государственном архиве Саратовской области в фонде Устиновых. На узком листе, вклеенном среди четырехсот листов разного формата, имеется автограф Пушкина: «На Арбате дом Хитровой», ниже — инициалы «А. П.», а под автографом — аннотация на французском языке: «Рука поэта Пушкина. Адрес, набросанный им самим, в нашем большом доме на Воздвиженке, однажды вечером, в большой зале, во время моего отъезда в Саратов, Пушкин был тогда женихом». Записка Пушкина — адрес, предназначенный, видимо, для Н. И. Кривцова, жившего на границе Тамбовщины и Саратовской губернии. Адрес передан А. М. Устинову, уехавшему из Москвы, как свидетельствовали «Московские ведомости», в Саратов, между 12 и 16 февраля

---

<sup>13</sup> См.: Гиллельсон М. И. Пушкин и «Записки» Е. Р. Дашковой. — В кн.: Прометей. М., 1974, т. 10, с. 132—144, с факс. — Оригинал хранится в ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1196, л. 88.

<sup>14</sup> Перевод: «Наглые женщины» (франц.).

<sup>15</sup> Перевод: «Дидро, учитель и апостол равенства, которым автор восхищается, так бы не сказал» (франц.).

<sup>16</sup> См.: Спытко Н. Страница из письма. — Пушкинский праздник. Спец. выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России». 1972. 31 мая—7 июня, с. 15, с факс.

1831 г. Автограф предположительно датируется началом февраля 1831 г.<sup>17</sup>

В ЦГАОР в мае 1970 г. был исследован лист с множеством подписей, в том числе с подлинной пушкинской.<sup>18</sup> Под цифрой 16 стоит подпись «А. Пушкин». Предшествующие и последующие подписи — автографы бывших лицейстов, друзей, знакомых поэта. Данный список обнаружен на обороте восьмого листа тетради, на обложке которой читается запись, сделанная много лет спустя М. Корфом: «Прежние ребячества по журналу „Неопытное перо“, который мы издавали с сестрой и братьями в 1819—1820». Семейный журнал Корфов, видимо, повторяет название лицейского журнала, в честь которого он был задуман.

Названная тетрадь — собрание протоколов редакционной коллегии, написанных в основном рукой вчерашнего лицеиста М. Корфа. В связи с предстоящим «в будущее воскресенье 20 октября» (1918) выходом первого номера нового «Неопытного пера» «молодые издатели онога» поручили М. Корфу «известить публику о предпринимаемом ими труде и, желая знать, благосклонно ли со стороны оной будут приняты их предложения, просят тех, которые намерены удостаивать их журнал прочтением, приписать под сим имена свои».

Так появилась 31 подпись, в том числе и Пушкина.<sup>19</sup>

В 1973 г. старшим научным сотрудником Государственного архива Горьковской области Н. И. Куприяновой найдены три ранее неизвестных автографа поэта на деловых бумагах.<sup>20</sup>

На первом из двух листов желтоватой бумаги с гербом Российской империи писарем записано, кому и кем дана данная расписка, от кого и на каких условиях получено имение; затем следует запись более ранних владельцев имения; указывается количество крепостных крестьян мужского пола (474 души) и принадлежащее новому владельцу имущество. Документ заканчивается словами: «в свое владение принял 10-го класса», за которыми следует сама подпись поэта: «Александр Сергеев сын Пушкин».

На втором листе перечисляются имена и фамилии принадлежавших Пушкину крепостных крестьян.

Само дело о вводе А. С. Пушкина во владение частью Кистевки хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Оставшиеся в горьковском архиве документы были соединены с другими разрозненными документами такого же типа и вложены

---

<sup>17</sup> См.: Шилов К. Московский адрес. — В кн.: Прометей. М., 1974, т. 10, с. 85—99, с факс.

<sup>18</sup> ЦГАОР, ф. 728 (рукописное собрание библиотеки Зимнего дворца), оп. 1, д. 1084.

<sup>19</sup> См.: Эйдельман Н. Одна черта руки моей. — Пушкинский праздник. Спец. выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России», 1970, 3—10 июня, с факс.

<sup>20</sup> ГАГО, ф. 161 (Сергачевский уездный суд), оп. 109 а, д. 241, л. 9 об.; там же, д. 1543, л. 51; там же, л. 52.



в папку с пометкой: «Сформировано из россыпи». Здесь и сохранилась составленная 16 сентября 1830 г. расписка Пушкина.

Следующие два автографа оставлены Пушкиным в журнале, регистрирующем доверенности, или так называемые «верющие письма». Доверенность на получение справки, что имение не находится под залогом, была передана Пушкиным своему дворовому человеку Петру Кирееву. Справка была нужна для срочной отдачи под залог имения и получения денег, необходимых в то время поэту в связи с его женитьбой. Документы такого рода получались в губернской палате гражданского суда в Нижнем Новгороде, а сами «верющие письма» заверялись в Сергачевском уездном суде, куда дважды ездил Пушкин. О его пребывании в Сергачеве до сих пор известно не было.

Сами доверенности не сохранились, но содержание их было переписано чиновниками уездного суда в журнал регистрации доверенностей. В конце данных копий рукой Пушкина записано: «К сей записке и сказке 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил, а подлинное верющее письмо взял к себе».

Запись под копией второго, аналогичного «верющего письма» несколько иная: «К сей записке и сказке 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил, а подлинное верющее письмо взял обратно».<sup>21</sup>

Аналогичный документ с подписью поэта С. К. Романюк обнаружил в Центральном государственном историческом архиве. Известно, что в 1832 г. в письме к жене Пушкин сообщал о двух доверенностях, переданных П. В. Нащокину. Одна из них — на имя управляющего болдинским имением Михаила Калашникова — была опубликована в 1899 г., текст второй удалось разыскать в книге, регистрирующей «верющие письма». Текст таков: «Верющие письма объявил из дворян титулярный Советник Александр Сергеев сын Пушкин, в коем значит: в I-м: „Милостивый государь Павел Воинович! Желая я занять в Московском Опекунском Совете вместо копии со свидетельства надбавонья деньги по 50 р. на душу, под имение, состоящее Нижегородской губернии, посему и прошу вас, милостивый государь, подать в означенный Совет, от имени моего за вашим, вместо меня, рукоприкладством о займе надбавонных денег объявление, и когда Сове-

---

<sup>21</sup> См.: Куприянова Н. И. 1. Осень 1830-го. — В кн.: Записки краеведов. Горький, 1975, сб. 2, с. 86—96, с факс.; 2. Редкая находка. — Горьковская правда, 1974, 7 февраля. — Упоминание о находке Н. И. Куприяновой см. в докл. Л. П. Пахарева в кн.: Болдинские чтения 1974 г. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1975, № 2, с. 125—127. См. также: Куприянова Н. И. К сему: Александр Пушкин. Горький, 1982, с. 25—38 и газетные публикации 1974 года о данной находке: Правда, 9 февраля; Литературная газета, 14 сентября; Советская Россия, 26 февраля; Советская культура, 21 мая; Горьковская правда, 5 марта; Вечерний Свердловск, 18 марта; Вечерний Новосибирск, 26 февраля; Вечерний Тбилиси, 13 марта; Вечерний Ленинград, 13 мая и др.

том назначены будут деньги в выдачу, оные принять и в приеме их, где следует вместо меня расписаться, в чем я вам верю, и что вы согласно правилам Опекунского Совета учините, впредь спорить и прекословить не буду». Далее следует запись уже известной нам доверенности М. Калашникову и по окончании ее — автограф Пушкина: «К сказке Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил и два письма к себе взял».<sup>22</sup>

Несколько ранее С. К. Романюк обнаружил еще одну подпись поэта. В записях маклерской книги за январь 1831 г. найден договор Пушкина о найме дома г-на Хитрово, состоящего «в Прецистенской части второго квартала под № 204». В конце договора имеется подпись поэта: «К сей записке 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил». Данный автограф находится над аналогичной записью доверенного лица Н. Н. Хитрово Семена Петровича Семенова и подписью маклера. Запись сделана 23 января 1831 г. В этом доме Пушкин прожил до середины мая 1831 г.<sup>23</sup>

В последнее время найдено четыре автографа поэта на книгах. Одна из них, полученная в дар летом 1972 г., хранится в Москве в Государственном музее А. С. Пушкина. Это первый том книги А. П. Степанова «Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым» (СПб., 1835) с владельческой подписью поэта. По мнению специалистов, Пушкин расписался на титульном листе над названием книги, в верхней части листа дважды, первый раз одним быстрым движением, карандашом, а затем по карандашу поставил свою вторую подпись чернилами: «Пушкин». На книге имеется также надпись ее последующих владельцев, поставленная в день пятидесятилетия восстания декабристов: «Сия книга дар бесценный А. С. Пушкина невинно сосланным на каторгу в Сибирь братьям Муравьевым. Возвратившийся на родину из Сибири М. И. Муравьев-Апостол привез с каторги сию книгу и передал ее в дар семье нашей в Мологине, как память о первом и почитаемом учителе Муравьевых в селе Берново Алексея Алексеевича Раменском. 1875. 14 декабря. Федор Раменский. Село Мологино Старицкого уезда Тверской губ.». На внутренней стороне переплета виден след сокобленного экслибриса, видимо Н. Н. и Н. М. Муравьевых, а на листе, предшествующем титульному, — надпись коменданта Читинского и Петровского острогов: «читал Лепарский». Книгу, бывшую у Пушкина, отослала в Сибирь мать декабристов Е. Ф. Муравьева. После амнистии М. И. Муравьев-Апостол передал книгу Пахому Раменскому, а спустя более века его потомок,

---

<sup>22</sup> См.: Романюк С. «Александр Сергеев руку приложил». (Найден новый автограф А. С. Пушкина). — Неделя, 1981, 9—15 марта, № 11, с. 9. — Данный автограф хранится в ЦГИА г. Москвы в книге регистрации «входящих писем» за 1832 г.

<sup>23</sup> Романюк С. «Пиши мне на Арбат в дом Хитровой». — Наука и жизнь, 1979, № 6, с. 111—113, с факс.

А. А. Раменский, подарил книгу московскому музею.<sup>24</sup> Он же подарил в 1977 г. другую часть этой книги, четвертую, Всесоюзному музею А. С. Пушкина. Книга имеет такую же судьбу, как и предыдущая. На обратной стороне обложки слева вверху виден экслибрис: «Из книг М. Н. и Н. М. Муравьевых, пожертвованных К. Ф. Муравьевой». Внизу в ширину обложки расположен текст: «Сия книга дар А. С. Пушкина семье Муравьевых и находилась в Сибири. В 1863 г. в Твери подарена Н. И. Муравьевым-Апостолом учителю П. Ф. Раменскому». На форзаце вверху слева имеется экслибрис новых владельцев: «Библиотека учителей Раменских в Мологине».

На заглавном листе мы вновь видим надпись: «читал Лепарский». Вверху титульного листа, над названием книги, значится подпись самого поэта (чернилами): «А. Пушкин».<sup>25</sup>

Подлинность пушкинской руки подтверждает другая, обнаруженная ранее, книга из коллекции Раменских. Это «Ивангое» («Айвенго») В. Скотта с рисунком и автографом А. С. Пушкина на первой странице.<sup>26</sup>

В начале 1975 г. доктору искусствоведения И. С. Зильберштейну на аукционе в Монте-Карло устроителем аукциона С. М. Лифарем была подарена пятая глава «Евгения Онегина» с дарственной подписью поэта. На обороте — автограф А. С. Пушкина: «Оресту Михайловичу Сомову. А. Пушкин». Поэт сделал этот подарок в 1828 г. литератору и журналисту, который принимал участие в издании его «Литературной газеты». С. М. Лифарь приобрел книгу после смерти ее владельца С. П. Дягилева в 1929 г.<sup>27</sup>

Еще одну дарственную подпись поэта удалось не так давно обнаружить в фонде научной библиотеки МГУ. На форзаце переплетенных в одну книгу глав «Евгения Онегина», выходявших в 1825—1832 гг.,<sup>28</sup> чернилами сделана дарственная надпись: «От автора. А. Пушкин». Ниже неизвестной рукой сделаны надпись по-французски: «P. Nathalie Chalikoff» (кн. Наталья Шаликова) и изящный росчерк. В самом верхнем углу форзаца, справа

---

<sup>24</sup> См.: Д и л и г е н с к а я Н. Загадка старой книги. (Роман А. П. Степанова «Постоялый двор» — дар Пушкина ссыльным декабристам). — Наука и жизнь, 1974, № 5, с. 112—115, с факс. — См. также информационные заметки по этому же поводу в «Временнике Пушкинской комиссии» (на 1972 и 1974 гг.), в «Комсомольской правде» (1972, 7 июля) и в «Советской Молдавии» (1977, 13 февраля).

<sup>25</sup> Сообщение о даре см. в газетах: Правда, 1980, 22 февраля; Советская культура, 1980, 4 января; Ленинградский рабочий, 1980, 9 февраля; Вечерний Ленинград, 1979, 26 декабря, и др.

<sup>26</sup> Отметим также сообщение о новонайденной копии письма Пушкина к А. Раменскому, хотя авторство Пушкина в данном случае нам представляется сомнительным. Ср.: Юность, 1979, № 6, с. 87—92.

<sup>27</sup> См.: З и л ь б е р ш т е й н И. С. Книжный аукцион в Монте-Карло. — Советская культура, 1976, 11 февраля, с факс.

<sup>28</sup> Экземпляр из библиотеки проф. МГУ Базилиевича.

очень мелким почерком помечено: «Le Février 1832» («февраль 1832 г.»). Внутри книги карандашом неизвестной рукой сделан ряд поправок. Книга — дар Пушкина Н. П. Шаликовой, будущему литератору и дочери известного в то время журналиста и писателя.<sup>29</sup>

---

<sup>29</sup> См.: Карпова Е. С. Прижизненные издания А. С. Пушкина в собрании отдела редких книг научной библиотеки Московского университета. — В кн.: Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. М., 1978, с. 49—71, факс. — с. 172; Черейский Л. А. Новый автограф А. С. Пушкина. — Нева, 1979, № 6, с. 28, с факс.

---

### III. ЗАМЕТКИ

#### «АМУР И ГИМЕНЕЙ»

(Творческая история лицейской сказки Пушкина)

Лицейское стихотворение Пушкина «Амур и Гименей» (1816) не привлекало особого внимания критики. Ни в дореволюционном, ни в советском пушкиноведении мы не найдем ни одной работы, специально посвященной изучению пушкинской сказки. Поиски литературоведов шли в одном направлении — определить источник пушкинского произведения. Неоднократное возвращение поэта к тексту лицейского стихотворения, влияние поэтической традиции русской литературы XVIII в. на развитие жанра сказки в творчестве Пушкина, в частности на стихотворение «Амур и Гименей», связь этой сказки с последующими произведениями поэта оставались менее освещенными. Решению этих проблем и посвящена настоящая статья.

#### 1

Самая ранняя из дошедших до нас копий стихотворения «Амур и Гименей» (с подзаголовком «Сказка») относится к началу 1817 г. (переписано оно в лицейскую тетрадь А. Илличевским).<sup>1</sup> Тетрадь включает 41 стихотворение Пушкина; они предназначены для публикации в задуманном им поэтическом сборнике.<sup>2</sup> В том же 1817 г. тетрадь просмотрел В. А. Жуковский. Ознакомившись с ее содержанием, он указал на 15 стихотворений, требовавших, по его мнению, исправлений. Сказка Пушкина не вызвала со стороны Жуковского никаких замечаний.

В 1818 г. Пушкин делает вторичную попытку подготовить сборник к изданию. Теперь он отбирает для публикации только 15 лицейских стихотворений. Около сказки «Амур и Гименей» ставится цифра «7» — под этим номером она должна была войти в сборник, который, однако, не был

<sup>1</sup> ПД, 829, л. 7—7 об.

<sup>2</sup> Для рассмотрения истории текста пушкинского стихотворения «Амур и Гименей» мы обращаемся не только к лицейской редакции сказки, но и к комментариям М. А. и Т. Г. Цявловских к лицейским произведениям Пушкина. См.: Цявловские М. А. и Т. Г. Комментарии к лицейским стихотворениям (текстологические, биографические и историко-литературные). — Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, ф. 244, оп. 27, № 34, разд. II.

издан ни в 1818, ни в 1819 гт. Тем не менее работа Пушкина над текстом лицейского стихотворения продолжалась. Ср.:

1817

Дурачество ведет Амура;  
Но скоро богу моему  
Наскучила богиня дура  
Не знаю верно почему.  
С тех пор таинственные взоры  
Его не страшны красотам  
Не страшны грустные дозоры  
Ни пробужденья по ночам.

1817—1819

Дурачество ведет Эрота;  
Но вдруг не знаю почему  
К дурачеству прошла охота  
Опо наскучило ему.  
Гимена грустные дозоры  
С тех пор пресекились по ночам.  
Его таинственные взоры—  
Теперь не страшны красотам.

Вторая дошедшая до нас копия находится в так называемой тетради Всеволожского.<sup>3</sup> Несмотря на многолетнюю работу над стихотворением оно, по-видимому, чем-то не удовлетворяло поэта. Сделав пометы карандашом в тексте, приписав: «Напечатать? в смесь», Пушкин зачеркнул все стихотворение. Тем не менее Л. С. Пушкин обвел чернилами все поправки поэта, у заглавия поставил цифру «3».

Сборник не вышел и в 1820 г. Рукопись же Пушкин «полупродал—полупроиграл» Н. В. Всеволожскому (см.: XIII, 115). И в южной ссылке, и в Михайловском поэт делает неоднократные попытки ее выкупа.<sup>4</sup>

Не дождавшись ответа от Всеволожского, Пушкин приступает к созданию нового сборника, который впоследствии стал называться тетрадью Капниста.<sup>5</sup> 15 марта 1825 г. (уже получив долгожданную тетрадь) он отправляет свои старые и новые стихотворения в Петербург П. А. Плетневу и Л. С. Пушкину (см.: XIII, 153).

<sup>3</sup> ПД 847, л. 10 об.—11. — Подробнее о тетради Всеволожского см.: Томашевский Б. В. Тетрадь Всеволожского. — Литературное наследство. М.; Л., 1934, т. 16—18, с. 825—842; Тетрадь Всеволожского. Публикация Б. В. Томашевского. Комментарии Б. В. Томашевского и М. А. Цявловского. — В кн.: Летописи Государственного литературного музея. Пушкин. М.; Л., 1936, кн. 1, с. 1—79. — Сравнение окончательного варианта текста сказки в лицейской тетради с первоначальной редакцией в тетради Всеволожского убеждает — это было отмечено и Цявловскими — в существовании еще одной тетради, составленной в конце 1819—начале 1820 гт. В этой рукописи Пушкин, по-видимому, и подверг значительной стилистической правке речь Амура, которую оставил без изменения и в тетради Всеволожского, и в сборнике 1826 г. Ср.:

#### Лицейская тетрадь

Помилуй, братец Гименей!  
Что это? я стыжусь, любезный,  
И нашей ссоры бесполезной  
И вечной трусости твоей.  
Ну помиримся, будь умней,  
Забудем наш раздор постылый,  
Но только навсегда — смотри!

#### Тетрадь Всеволожского

Развеселися, Гименей!  
Ну, помиримся, будь умней!  
Забудь, товарищ мой любезный,  
Раздор смелной и бесполезный.  
Да только навсегда — смотри!

<sup>4</sup> См. письма Пушкина к брату от 4 сентября 1822 г. и конца ноября 1824 г. (XIII, 4 и 122); к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. (XIII, 46); к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. (XIII, 100); к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. (XIII, 224).

<sup>5</sup> О тетради Капниста см.: Томашевский Б. В. Тетрадь Капниста. — Литературное наследство. М.; Л., 1934, т. 16—18, с. 843—868.

К 1825 г. относится последнее обращение поэта к тексту лицейской сказки. Изменения, внесенные автором в текст стихотворения, придают содержанию новый смысловой оттенок (о причине подобной замены будет сказано ниже). Ср.:

Лицейская тетрадь

Дурачество ведет Эрота  
А что такое Гименей?  
Он из Кипридиных детей,  
Бедняжка дряхлый и ленивый,  
Холодный, грустный, молчаливый

Тетрадь Всеволожского

Безумие ведет Эрота  
А что такое Гименей?  
Он сын Вулкана молчаливый,  
Холодный, дряхлый и ленивый

В подготовленную Пушкиным рукопись входило 19 лицейских пьес. В сборнике 1826 г. было напечатано лишь 12. Это еще раз свидетельствует о том, с какой требовательностью относился поэт к своим ранним произведениям, отобрав из 132 лицейских стихотворений (известных нам) только 12.

Вошедшие в четыре отдела сборника (элегия, послания, разные стихотворения, эпиграммы и надписи) двенадцать произведений юного поэта являются своеобразным и ярким отражением того жанрового многообразия, которое характеризует все лицейское творчество поэта, представляют своего рода антологию пушкинской лицейской поэзии.

2

Стихотворение Пушкина состоит как бы из двух частей; условно их можно обозначить: «Амур и Дурачество (Безумие)» и «Амур и Гименей».

Подчеркнем, что тема «Амура и Гименей» принадлежит всецело Пушкину, хотя, как отмечает Б. В. Томашевский, «при ее разработке поэт отправляется несомненно от басни Лафонтена „Амур и Безумие“ („L'Amour et la Folie“)<sup>6</sup>. Действительно, без басни Лафонтена начало пушкинской сказки было бы непонятно.

Как указал исследователь творчества французского баснописца Гийон, сюжет своей басни Лафонтен заимствовал из диалогов французской писательницы XVI в. Луизы Лабе (Louise Labé)<sup>7</sup> «Спор Безумия и Амура» («Débat de Folie et d'Amour»), ее единственного прозаического произведения. Во время ссоры Безумие ослепило Амура и по решению богов было осуждено служить поводырем богу любви. У Лафонтена выделена следующая мысль, соответствующая основной идее его басни:

Mon but est seulement de dire à ma manière  
<...> comment <...> il perdit la lumière;  
quelle suite eut ce mal, qui peut-être est un bien;  
J'en fais juge un amant et ne décide rien.<sup>8</sup>

<sup>6</sup> Томашевский Б. В. Пушкин и Лафонтен. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937, вып. 3, с. 221. Статья перепечатана в кн.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. М.; Л., 1960, с. 219—261.

<sup>7</sup> См.: Guillon M. N. S. La Fontaine et tous les fabulistes, ou La Fontaine comparé avec ses modèles et ses imitateurs. Paris, 1803, t. II, p. 387.

<sup>8</sup> *Перевод:*

Моя цель — рассказать по-своему,  
<...> Как <...> он потерял зрение;  
Какое следствие имело это несчастье или, может быть, благо;  
Я призываю в свидетели любовника и ничего не решаю.

Этими словами Лафонтен предлагает своим читателям ответить на вопрос, к чему же привела ссора двух богов, и тем самым как бы продолжить сказку.

Басня Лафонтена привлекла внимание четырех русских поэтов: А. А. Ржевского («Любовь слепая»),<sup>9</sup> А. П. Сумарокова («Любовь и Дурачество»),<sup>10</sup> П. П. Сумарокова («Амур, лишенный зрения») и Д. И. Хвостова («Любовь и Дурачество»).<sup>12</sup> Наибольший интерес из них вызывает «повесть» П. П. Сумарокова. Не являясь простым литературным переводом, она как бы продолжает выделенную выше идею басни Лафонтена:

Безмозгло божество стреляет не попад;  
Удар любви с тех пор нам в голову приходит  
Почти всегда  
И очень метко;  
А в сердце никогда  
Иль очень редко.

Употребленное Лафонтеном слово «folie» («безумие») русские литераторы зачастую переводили словом «дурачество»; так перевели его оба Сумарокова и Д. И. Хвостов.<sup>13</sup> И в ранней своей лицейской редакции Пушкин, следуя существующей традиции, употребляет слово «дурачество».<sup>14</sup>

<sup>9</sup> См.: Свободные часы, 1763, № 8, с. 30.

<sup>10</sup> См.: Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. М., 1781, ч. 7, кн. 3, с. 172—173.

<sup>11</sup> См.: Аониды, 1798, кн. 4, с. 277.

<sup>12</sup> См.: Хвостов Д. И. Избранные притчи. СПб., 1802, кн. 3, с. 129—130. — Все эти басни безусловно имеют общий источник — басню Лафонтена. А. А. Ржевский прямо указывает:

Как сделалась слепой  
Любовь, я сам не знал,  
Но притчей вот какою  
Фонтен мне то сказал.

На переводы А. П. Сумарокова, П. П. Сумарокова и Д. И. Хвостова ссылаются М. А. и Т. Г. Цявловские (см. их упомянутые выше комментарии к лицейским стихотворениям Пушкина, с. 30).

<sup>13</sup> А. П. Сумароков в басне «Аполлон и Минерва» показывает близость значений слов «безумие» и «дурачество»:

Минерве в нищете доходу с миру нет,  
Хотя безумием и весь наполнен свет.  
Ужасна смерть, и всех аптскарь обирает,  
А от дурачества никто не умирает.

См. также: Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. М., 1978, т. 1, с. 502; с. 77. Среди приводимых здесь синонимов слов «дурачество» и «безумие» имеются и совпадающие: «шаль», «дурь».

<sup>14</sup> Сочетание понятий «любовь» и «безумие» встречается и впоследствии в произведениях Пушкина, преимущественно в его элегической лирике («Мечтателю», «Погасло дневное светило...», «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...», «Кокетке», «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Под иском голубым страны своей родной...» и др.).



Сказка Пушкина начинается с того, что Амур «взялся за новую за- тею», что и привело его к ссоре с Гименеем.

В издании сочинений Пушкина под редакцией Л. Н. Майкова была сделана попытка определить как источник пушкинского стихотворения поему Ф. де Башомона «Раздор Амура и Гименей» (XVII в., точная дата написания неизвестна), хотя, как признавался сам Майков, по содержанию их нельзя сблизать, «но характеристика двух главных действующих лиц совершенно одинакова в обоих произведениях».<sup>15</sup> Ср.:

Que de tourments <...>  
Leur querelle nous coûte à tous,  
Et que ces dieux, par leurs caprices,  
Aux amants ainsi qu'aux époux  
Caudent de rigoureux supplices.  
Mais l'Hymen <...>  
Est toujours le plus malheureux,  
Tout le monde maudit ses nœuds.<sup>16</sup>

Заканчивается поэма недвусмысленным предложением:

Profitez de cette querelle  
Vous, que l'Hymen fit tant souffrir.<sup>17</sup>

Обращена она к некоей «прекрасной Иресе», несчастной в браке, что за- ставляет нас вспомнить заключительные строки пушкинской сказки.

Поэма де Башомона заслуживает внимания хотя бы тем, что это одно из самых ранних произведений, где описана ссора между Амуром и Гименеем.

В комментариях к сочинениям Пушкина под редакцией Венгерова назван «более близкий и достоверный источник заимствования»,<sup>18</sup> а именно сказка Вольгера «Замбк» («Le cadenas»):

L'aveugle enfant, que l'on appelle Amour,  
Un autre aveugle, hélas! bien moins aimable,  
Le triste Hymen...<sup>19</sup>

---

<sup>15</sup> Пушкин. Сочинения / Под ред. Л. Н. Майкова. СПб., 1900, т. 1, с. 247.

<sup>16</sup> Перевод:

Сколько мучений <...>  
Их ссора многого стоит нам всем,  
И сколько эти боги из-за своего каприза  
Причиняют жестоких мук  
Любовникам, как и мужьям.  
Но Гименей <...>  
Всегда более несчастен,  
Все проклинаят его узы.

<sup>17</sup> Перевод:

Воспользуйтесь этой ссорой,  
Вы, которую Гименей заставил столько страдать.

<sup>18</sup> Пушкин. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907, т. 1, с. 316.

<sup>19</sup> Перевод:

Слепой ребенок, которого называют Амуром,  
Другой слепой, увы, менее любезный,  
Грустный Гименей...

Здесь назван слепым не только Амур, но и Гименей (ср. у Пушкина: Амур «Войну ведет <...> С своим союзником слепым»).<sup>20</sup>

Тем не менее утверждать, что источником для пушкинской сказки послужило какое-либо одно произведение, было бы слишком смело. Тема ссоры обоих богов — один из постоянных сюжетов французской литературы. См., например, у Э. Парни:

J'ai promis à l'Amour de ne point  
Entrer dans le temple de l'Hymen.<sup>21</sup>

Тема вечного союза двух богов намечена в эпиталаме Лафонтена «Гименей и Амур»:

Hyménée et l'Amour vont conclure un traité  
Qui les doit rendre amis pendant les années.<sup>22</sup>

---

<sup>20</sup> Слепым назван Амур и в стихотворении неизвестного автора «La belle aveugle» (См.: Recueil de diverses des plus célèbres auteurs de ce temps. Paris, 1654, p. 8).

<sup>21</sup> P a r n y E. Œuvres complètes. Bruxelles, 1830, p. 681.

*Перевод:*

Я обещал Амуру никогда  
Не входить в храм Гимена.

«Placet des amants aux maris fâcheux» («Nouveau recueil de plusieurs et diverses pièces galantes de ce temps», Paris, 1665, p. 21); «La femme muette» («Nouveau recueil des meilleurs contes en vers». Paris-Genève, 1774, p. 118—119) etc. — Из других произведений Э. Парни см. в том же издании: «La guerre des dieux», «Dieu vous bénisse», «Le voyage de Gélène», «Confession d'une jolie femme», «A Eléonore», «Le traité rompu», «Les ailes de l'Amour» (p. 102, p. 580—581, 555, 778, 821, 846—848, 127). — Сюжет этот был популярен и в западноевропейской живописи XVI—XVIII вв. См. об этом: Алексеев М. П. Заметки на полях. 6. Пушкин и повесть Ф. М. Клингера «История о Золотом Петухе». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1979. Л., 1982, с. 84. Отметим, что наряду с пренебрежительным отношением к Гименею встречаются случаи, когда имена двух богов соединены. См., напр.: «Voyage d'Eronne» par Desmahis («Voyage de Chapelle et Bachaumont». Paris, 1823, p. 146), «Coup d'aile sur Cythère» (Parny, Œuvres, p. 787); «Peau d'âne». («Nouveau recueil des meilleurs contes en vers», p. 24). Любопытно отметить столь же двойственное отношение к Гименею и в анакреонтических песнях Льва Мея (Мей Л. А. Сочинения. СПб., 1863, т. 3, с. 36, 78, 98):

И пусть <...>  
Поют на брачном пире  
И славят Гименей  
Пред юною четой  
(Песня XVIII, К серебряной чаше),

Вам — Эроту с Гименеем <...>  
Песнь хвалебную слагаю.

(Эпиталама).

Пылкий юноша украдкой  
Над красавицею смело  
Сети страсти расставляет —  
И Эрот ее склоняет  
Позабыть про Гименей...

(Песнь LII. Сбор винограда),

<sup>22</sup> *Перевод:*

Гименей и Амур заключают договор,  
Который делает их друзьями на долгие годы.

Этот союз заключается, однако, лишь по случаю свадьбы мадемуазель де Бурбон и принца Конти. Обращаясь к новобрачным, автор говорит о том, что их ждет в семейной жизни:

... on trouve deux chemins:  
L'un de tiédeur, commun chez humains;  
La passion à l'autre fut donnée.  
<...> C'est un état bien doux,  
Mais peu durable en notre âme inquiète.  
L'amour s'éteint <...>  
L'amant alors se comporte en époux.<sup>23</sup>

В русской поэзии можно наблюдать столь же двойственное отношение к Гименею — покровителю супружеской любви, самого брака. Лучше всего это выразил И. И. Дмитриев в своей известной сказке «Картина»:

... Гимен, то есть бог брака,  
Не тот, что пишется у нас сапун, зевака,  
Иль плакса, иль брюзга, но легкий, милый бог...<sup>24</sup>

С одной стороны, Гименей, сам брак — тема, достойная насмешки (неверность — удел любого брака):

Немало Гименей  
Творит таких затей —  
И с милой, с Грацией — Эзопов соединяет.  
Амур же своего немало не теряет,  
Уж он свое возьмет.

(А р и с т о в И. Г. Пистолет, 1805).

<sup>23</sup> Перевод:

... существуют два пути:  
Один безразличия, общий для всех,  
Страсть — удел другого.  
<...> Это очень сладостное состояние,  
Но быстротечное для нашей беспокойной души.  
Любовь гаснет <...>  
И тогда любовник превращается в супруга.

Англичанин Джон Гей в одном из своих стихотворений подчеркивал, что причиной ссоры двух богов послужил бог богатства Плутос, тоже лишенный зрения (см.: Guillon M. La Fontaine et tous les fabulistes, t. 1, p. 349). См. также: Полная баснословная история. Собрал из разных французских писателей Мих. Сушков. М., 1792, ч. 1, с. 67.

Любовь должна непременно сопутствовать браку — об этом говорит Лафонтен в одной из своих лучших сказок-басен «Муж, жена и вор»:

... si l'amour n'assaisonne  
Les plaisirs que l'hymen nous donne,  
Je ne vois pas qu'on en soit mieux.

Перевод:

Если любовь сопутствует  
Радостям, что нам дает брак,  
Не вижу, что может быть лучше.

<sup>24</sup> Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX века. Л., 1969, с. 357. — В сб. «Nouveau recueil des meilleures contes en vers» (p. 219—221) включена сказка Селиса «Картина». Одноименные произведения Дмитриева и Селиса имеют общий сюжет.

Но для Гимена часть терпеть одно лишь горе.

(Неизвестный автор.  
Картина супружества, 1792).

Но вспомнил ли и то счастливец из мужей,  
Что также горести имеет Гименей  
И что он, в наши дни, не страж уже любви.

(Милонов М. В. На женитьбу  
в большом свете, 1818).<sup>26</sup>

Но часто Амур и Гименей представлены и союзниками:

Любовник наш Апелла призывает,  
Проясь изобразить Гимена красоты...  
Не позабудь — Гимен прекрасней Адониса.

(Неизвестный автор.  
Картина супружества, 1792).

Но здесь цветами осыпаю  
Тьму брачных алтарей, где резвый Купидон  
И скромный Гименей навек соединяют  
Любовников сердца.

(Карамзин Н. М. Послание к  
женщинам, 1795).<sup>28</sup>

В поэзии Пушкина сочетание имен Амура и Гименей впервые мы встречаем в лицейском стихотворении «К баронессе» М. А. Дельвиг (1815). Но только со сказки «Амур и Гименей» в творчество Пушкина проникает тема непримиримой вражды двух богов, ироническое отношение к Гименею как к символу брака.<sup>27</sup>

Что же нового внес Пушкин в столь популярный в литературе сюжет «вечного» спора Амура и Гименей? Можно с уверенностью сказать, что

---

<sup>25</sup> Три процитированных стихотворения см. соответственно в кн.: Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX века, с. 408; Дело от безделья, или Приятная забава. М., 1792, ч. 3, с. 38—43; Карамзин и поэты его времени. Л., 1936, с. 264. — Об ироническом отношении к Гименею см. стихотворения И. И. Дмитриева «Модная жена» (Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX века, с. 361); А. И. Клушина «А муж? — Он спит...» (там же, с. 337); К. Н. Батюшкова «Ложный страх. (Подражание Парни)», «Мщенье. (Из Парни)» (Батюшков К. Н. Сочинения. М., 1955, с. 116—117, 220—221).

Сюжет стихотворения неизвестного автора «Картина супружества» сходен со сказкой Дмитриева «Картина». Это не подражание Дмитриеву, — оба произведения были напечатаны в одном и том же году. Вероятно, они имеют общий источник, может быть сказку Селиса, о которой говорилось выше. Можно также предположить, что сюжет этих сказок был настолько популярен, что стал своего рода бродячим.

<sup>26</sup> См.: Дело от безделья, или Приятная забава, ч. 3, с. 38—43; Карамзин и Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966, с. 174, а также с. 291. См. кроме того: Воейков А. Ф. Послание к Д. В. Давыдову. — В кн.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971, с. 286.

<sup>27</sup> Ср.: «Руслан и Людмила» (IV, 37), «Евгений Онегин» (VI, 94). — Подробнее об этом см.: Ходасевич В. «Амур и Гименей». — Русский современник, 1924, кн. 2, с. 216—230.

образ Гименея, который «ворчит и дремлет целый век, А впрочем добрый человек», целиком создан Пушкиным.<sup>28</sup>

Весьма знаменательна замена слов: «Он из Кипридных детей» (лицейская тетрадь) словами: «Он сын Вулкана молчаливый» (тетрадь Всеволодского, 1825). Автор отступает от традиционной характеристики богов античной мифологии: вместо юного, «увенчанного цветами»<sup>29</sup> бога брака Гименей у Пушкина «дряхлый» и «ленивый». Невозможно представить себе сына богини красоты и любви Венеры, бога брака «холодным», а тем более «дряхлым». Поэтому Пушкин делает его сыном Вулкана, надо полагать из-за физического облика бога-кузнеца — хромого и безобразного.<sup>30</sup> Пушкин переносит на Гименея некоторые черты внешнего облика и характера Вулкана, который в европейской поэзии стал символом обманутого и ревнивого мужа.<sup>31</sup> У Пушкина же ревнивым и подозрительным является Гименей («От ревности печальный бог Спокойно подремать не мог»).

---

<sup>28</sup> Ср. в стихотв. «К Родзянке» (II, 404):

Дай бог, чтоб только Гименей  
Меж тем продлил свою дремоту.

Хорошо знающий античную мифологию, Пушкин не допускает отклонений от устойчивых мифологических сюжетов. Не случайно мифологическая ошибка Батюшкова вызывает его замечание (XII, 259). Тем не менее, Пушкин сам творит миф, создает новые «мифологические образы»: «Нимфа» (III, 120—121), «Эхо» (III, 240). См. об этом: Л ю б о м у д р о в С. Античные мотивы в поэзии Пушкина. СПб., 1901, с. 50.

<sup>29</sup> Начертание мифологии (перевод с французского). М., 1792, с. 83.

<sup>30</sup> См.: Начертание мифологии, с. 43; Аполлодора Афинейского Баснословие, или Библиотека о богах. М., 1787, с. 11—12; История о богах и баснословных героях. Сочинена Иосифом Ювенцием. М., 1789, с. 23.

<sup>31</sup> В известной сказке Вольтера «Le sotsuage» (1716) рассказывается о том, как Вулкан, мечтавший иметь «законного» наследника, получает le sotsuage, т. е. супружескую измену, которая (это французское существительное — мужского рода) выходит из его головы, подобно Минерве, вышедшей из головы Юпитера. Вулкану автор дает такую характеристику:

Ce dieu malfaisant, le fléau des maris,  
qu'au bon Hymen il fit la guerre immortelle.

*Перевод:*

Зловредный бог, бич мужей,  
который с добрым Гименеем ведет бесконечную войну.

Следующим образом описывает Вольтер последствия рождения le sotsuage у Вулкана:

Le sotsuage <...>  
Chez un époux le matois introduit,  
Faisant son coup sans scandale et bruit.

*Перевод:*

Измена <...>  
Вводит хитреца в дом супруга,  
Нанося удар без скандала и шума.

В сказке Буассара «Три женитьбы Вулкана» («Les trois mariages de Vulcain» — «Nouveau recueil des meilleurs contes», p. 339—341).

Стихотворение «Амур и Гименей», как уже отмечалось исследователями,<sup>32</sup> написано в духе фривольных французских сказок «галантного» века, но несомненно и воздействие на него русской стихотворной сказки-новеллы. Впервые введенный в русскую поэзию А. П. Сумароковым, жанр сказки достиг своего расцвета в 1790—1810 гг.<sup>33</sup>

В своем «Словаре древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопов пишет, что «сказка есть повествование вымышленного происшествия», что она принадлежит к «роду повествовательному» и «имеет предметом дела обыкновенные» (этим она, по мнению автора, отличается от поэмы эпической), а также что она «содержит одно происшествие» (в отличие от романа).<sup>34</sup>

Французский теоретик литературы Лагарп, говоря о Лафонтене, отмечал: «Все прекрасно в сказке, лишь бы она веселила <...> Сказка, безыскусственная и забавная, извинит ошибки языка тем легче, чем больше походит она на свободную и веселую беседу».<sup>35</sup>

Лицейская сказка Пушкина несет в себе характерные черты этого жанра. Это и стремление позабавить читателей

(Сегодня, добрые мужья,  
Повеселю вас новой сказкой),

и неожиданная развязка

(Пойми меня, мой друг Елена,  
И мудрой повести поверь!),

и язык живой, разговорный, подчас даже «просторечный» («от радости прыгнул», «ворчит и дремлет целый век, А впрочем добрый человек», «караулил супостата» и т. п.).<sup>36</sup> Одна из главных особенностей пушкинской

Вулкан, несчастный в трех браках, решил навсегда остаться одиноким. Символом вечно обманутого мужа остался Вулкан и для русских поэтов. Ср.:

Вулкан шел с молотом и длинными рогами,  
Которы приобрел своею он виной,  
Ревниво поступав с женой.

(Сумароков П. П.  
Амур, лишенный зрения).

См. также «Модную жену» И. И. Дмитриева, «Пистолет» И. Г. Аристова и др.

<sup>32</sup> См. вышеупомянутые комментарии М. А. и Т. Г. Цявловских, с. 30.

<sup>33</sup> Соколов А. Н. Стихотворная сказка (новелла) в русской литературе. — В кн.: Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX века, с. 5—42.

<sup>34</sup> Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821, ч. 3, с. 146—149.

<sup>35</sup> Laharpe J. F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne, Paris, 1799, t. 6, p. 354.

<sup>36</sup> Э. Барштак в своей статье «Пушкин-лицейст в работе над текстом своих произведений» («Литературная учеба», 1940, № 7, с. 84) отмечает,

сказки как жанра — постоянное присутствие самого автора. Сюжет прерывается авторскими замечаниями, шутливыми и ироническими

(Слепого?.. Вот? Помилуй, Феб!  
Амур совсем, друзья, не слеп...)

А что такое Гименей?)

Эти своеобразные отступления, постоянное обращение к читателю создают легкую, непринужденную манеру повествования.

Можно отметить и особую «сценичность» пушкинской сказки: оба действующих лица как бы разыгрывают перед читателем забавное представление. Меняя «маски», они сами меняют и ход событий: сначала Амур «пришла охота» идти за Безумием, потом Безумие ему «наскучило», и вот «новая затея», и начинается следующее действие комедии.<sup>37</sup>

Стихотворение «Амур и Гименей» можно отнести к числу мифологических сказок («Меркурий и Аполлон» Я. Б. Княжнина; «Спутники Улисовы» О. М. Сомова и др.). Главные персонажи их заимствованы из античной мифологии, что позволяло авторам более «смело и откровенно формулировать мораль сказки».<sup>38</sup>

Следует подчеркнуть и связь лицейского стихотворения с «травестированной» прои-комической поэмой XVIII в. Безусловно, в шутливой сказке Пушкина мы не найдем описания античного мифа «пренизкими» словами. Но нельзя не отметить, что сюжет пушкинской сказки, волновавший многих поэтов и получавший в их творчестве подчас трагическое звучание, излагается у Пушкина легко, шутливо, чуть иронически. Пушкинскую сказку можно назвать своего рода изящной пародией на античный миф. Можно добавить, что спустя почти десять лет после написания «Амура и Гименей» Пушкин решил «пародировать историю и Шекспира» (XI, 188) в своем «Графе Нулине».

К жанру сказки Пушкин обращается и в 1820—1830 гг. («Царь Никита и сорок его дочерей», «Недавно бедный музульман...» и др.); поэт создает новый жанр — стихотворную повесть («Граф Нулин», «Домик

---

что замена слов: «спокойно и заснуть не мог» словами «спокойно подремать не мог» придаст поведению бога «более житейски-бытовой оттенок». Можно привести и другие аналогичные примеры. Сравним две редакции:

Лицейская тетрадь

Ему хотелось — о лукавый! —  
[И вздумал ветреник лукавый]  
[Задумал ветреник лукавый]  
Но скоро богу моему  
Наскучила богиня дура,  
Не знаю верно почему.  
[Но вдруг, не знаю почему,  
К дурачеству прошла охота;  
Оно наскучило ему]

Тетрадь Всеволожского

Но шалуну пришла ж охота  
  
Но вдруг не знаю почему  
Оно наскучило ему

<sup>37</sup> Г. М. Фридлендер в статье «Поэмы Пушкина 1820 гг. и история эволюции жанра поэмы в мировой литературе» (Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1974, т. 7, с. 118) отмечает прием «сценичности» в двух стихотворных повестях Пушкина: «Граф Нулин» и «Домик в Коломне».

<sup>38</sup> Соколов А. Н. Стихотворная сказка (новелла) в русской литературе, с. 22.

в Коломне»), где заимствует сюжет из повседневной жизни, делает героями своих современников.<sup>39</sup>

Называя «Графа Нулина» своей «бедной сказкой», Пушкин проводит прямую параллель между своей повестью в стихах и рядом других произведений, в частности «Модной женой» Дмитриева, «прелестным образом легкого и шутливого рассказа» (XI, 156).<sup>40</sup>

Стихотворная сказка Пушкина «Амур и Гименей» представляет несомненный интерес как первый опыт юного поэта в разработке нового для него поэтического жанра. Появление сказки в сборнике 1826 г. вполне закономерно и оправдано всем ходом творческой мысли поэта, стремившегося выбрать не просто те из лицейских стихотворений, которые были бы «достойны» его произведений 1820 гг., но те «пьесы», которые наиболее полно отражают жанровое многообразие его лицейского периода.

Сказка Пушкина — оригинальное произведение, хотя во многом и учебническое. Она представляет несомненный историко-литературный интерес как произведение, которое занимает определенное место в развитии традиционного сказочного сюжета: поэт дает не только свое истолкование известного мифологического образа, но и вносит нечто новое в движение самого жанра.

*Е. В. Чубукова*

---

## КОГДА ПУШКИН ВПЕРВЫЕ ПРИБЫЛ В ПЯТИГОРСК?

В письме генерала Н. Н. Раевского к дочери — Е. Н. Раевской от 13 июня — 6 июля 1820 г., в котором подробно описывается путешествие Раевских с Пушкиным на Кавказ в мае 1820 г., как известно, приводятся только две даты: дата выезда из Киева и дата прибытия в Смелу.<sup>1</sup> В указанном письме, таким образом, нет данных ни о дне выезда Пушкина с Раевским из Екатеринослава, ни о дне их приезда в Пятигорск.

М. О. Гершензон в статье «Северная любовь А. С. Пушкина» датирует выезд из Екатеринослава 4-м июня 1820 г.<sup>2</sup>

Основанием в данном случае служат воспоминания екатеринославского старожилы, опубликованные в 1899 г.<sup>3</sup> Принимая эту дату и отправляясь от нее, Гершензон составляет календарь приезда Пушкина с Раевским на Кавказ и устанавливает день приезда на Горячие воды — 11 июня. С этим, заявляет автор статьи, вполне согласуется то, что 13 июня Раевский принялся писать свое обстоятельное письмо дочери.

---

<sup>39</sup> Соколов А. Н. Жанровый генезис шуточных поэм Пушкина. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969, с. 70—78.

<sup>40</sup> В. Г. Белинский, подчеркивая связь шуточных поэм Пушкина с русской сказкой XVIII в., писал: «... на русском языке было одно прекрасное (по своему времени) произведение, вроде повести в стихах: мы говорим о „Модной жене“ Дмитриева». Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 440.

<sup>1</sup> См.: Архив Раевских. СПб., 1908, т. 1, с. 516—525.

<sup>2</sup> См.: Вестник Европы. СПб., 1908, т. 1, с. 275—302.

<sup>3</sup> См.: Новое время, 1899, 22 марта (№ 8285).



Даты, установленные Гершензоном, принимаются и Б. Л. Модзалевским, о чем свидетельствует одно из его примечаний к письмам Пушкина, где говорится, что поэт выехал из Екатеринослава около 4 июня, 10 июня прибыл в Георгиевск, а 11 июня приехал в Горячеводск (прежнее наименование Пятигорска).<sup>4</sup>

Своеобразно решаются затронутые вопросы в книге Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина». В разделе «Дополнения и поправки» автор приводит две строки из более раннего письма генерала Н. Н. Раевского к дочери Екатерине Николаевне — от 7 июня 1820 г. из Константиногорска<sup>5</sup> («Другой день на водах, милая моя Катинька»), что не противоречит указанному в «Трудах и днях» времени отъезда Пушкина с Раевским из Екатеринослава (конец мая 1820 г.) и приезда их на Кавказские Минеральные Воды (первые числа июня того же года).<sup>6</sup> Но дальше Н. О. Лернер приводит упомянутый выше календарь переезда на Кавказ, составленный М. О. Гершензоном, календарь, который никак не может быть совмещен с письмом генерала Н. Н. Раевского к дочери от 7 июня 1820 г.<sup>7</sup> Возможно, учитывая эту несовместимость, Н. О. Лернер в разделе «Еггата», вычеркивает письмо из своей книги, оставляя, однако, календарь переезда, предложенный М. О. Гершензоном.<sup>8</sup>

М. А. Цявловский в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» считает днем приезда на Горячие воды 6 июня, а днем отъезда из Екатеринослава, в соответствии с расчислением по почтовому дорожнику 1824 г., 28 мая.<sup>9</sup> В данном случае М. А. Цявловский основывается на приводимом в «Трудах и днях» и потом «аннулированном» Н. О. Лернером отрывке из письма Раевского от 7 июня 1820 г. М. А. Цявловский же, ссылаясь на этот отрывок, говорит, что в реальности письма сомневаться не приходится, но каких-либо указаний на его местонахождение не приводит.<sup>10</sup> В архиве Раевских, ссылка на который дана в начале данной заметки, его нет.

Руководствуясь добрым советом Т. Г. Цявловской, автор настоящей заметки обнаружил письмо от 7 июня 1820 г. в рукописном отделе Библиотеки им. В. И. Ленина и, полагая, что его публикация внесет ясность в рассматриваемый вопрос, приводит ниже текст письма (с сохранением стилистических погрешностей).

Июня 7. Константиногорск.

Другой день на водах, милая моя Катинька. Как бы я был весел, если б вы были со мной! Хотя б я спокойствие имел на счет ваш! Но где вы? — не знаю. Какова ты, сестра твоя, когда узнаю о вас — неизвестен! Будете ль вы в Крым, в шестеро суток — и у вас. Описывать

<sup>4</sup> См.: Пушкин. Письма. 1815—1825 гг. М.; Л., т. 1, 1926, с. 210.

<sup>5</sup> Город Горячеводск (Горячие воды) вырос из Константиногорской крепости, основанной в 1780 г. В Пятигорск он был переименован в 1830 г.

<sup>6</sup> См.: Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб., 1910, с. 56, 441.

<sup>7</sup> См. там же, с. 484.

<sup>8</sup> См. там же, с. 492.

<sup>9</sup> См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, М., 1951, т. 1, с. 223, 227.

<sup>10</sup> См. там же, с. 753.

тебе ничего не стану, не потому, чтоб тебе не было завидно, но потому, что ничего не видать. Здесь дожди, а прежде по три месяца ни одного не бывало. Прощай, друг мой. Обнимаю тебя, а Алепушку также.

Можно надеяться, что отныне будут не только устранены имеющие место в специальной литературе неясности, относящиеся к календарю переезда Пушкина с Раевским на Кавказ, но и внесены необходимые уточнения в хронике важнейших событий в истории таких городов, как Пятигорск и Днепропетровск (бывш. Екатеринослав).

В. Я. Рогов

## ПУШКИН И ВСЕВОЛОЖСКИЕ

### I. Кто такой «крошка Всеволодчик»?

По прибытии в михайловскую ссылку Пушкин решил издать первое собрание своих стихотворений. Для этого нужно было заполучить обратно «полупроданную» Никите Всеволодовичу Всеволожскому рукопись,<sup>1</sup> о чем Пушкин и просит «минутного друга минутной младости» (XIII, 101) в письме, отправленном в конце октября 1824 г. и законченном так: «Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку <?> Всеволодчика <?>. — Когда-то свидимся... когда-то...» (XIII, 115). Но ни в одном издании писем Александра Сергеевича нет расшифровки загадочного имени «крошки Всеволодчика».

Сопоставление архивных и литературных данных позволяет высказать предположение, что это влюбленный сын Никиты Всеволожского, впоследствии известный артист русского балета Ираклий Никитин.

Наперсник тайн блестящего камер-юнкера Всеволожского и талантливой воспитанницы театрального училища Авдотьи Овощниковой (1804—1845), Пушкин в ноябре 1819 г. вспоминает ее в поэтическом послании, отправленном в Москву уехавшему другу:

Но вспомни, милый, здесь одна,  
Тебя всечасно ожидая,  
Вздыхает пленница младая;  
Весь день уныла и томпа,  
В своей задумчивости сладкой  
Тихонько плачет под окном

От грозных Аргусов украдкой  
И смотрит на пустынный дом,  
Где мы так часто пировали  
С Кипридой, Вахмом и тобой,  
Куда с надеждой и тоской  
Ее желанья улетали.

(II, 102)

О ней же через пять лет пишет поэт в упомянутом выше письме из Михайловского: «Не могу поверить, чтоб ты забыл меня, милый. Всеволожской» — ты помнишь П<ушкина>, проводшего с тобою столько веселых

<sup>1</sup> Об истории тетради Н. В. Всеволожского см. библиографию на с. 84 наст. изд. (споска 3). Важнейшая литература о Н. В. Всеволожском и его дружеских связях с Пушкиным приведена в кн.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 78—79.

часов — Пушкина), которого ты видал и пьяного» и влюбленного, не всегда верного твоим субботам, но неизменного твоего товарища в театре, наперсника твоих шалостей, Пушкина), отрезвившего тебя в страстную пятницу и приведшего тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овошникову» (XIII, 115).

Окончив в 1822 г. театральное училище, Авдотья Овошникова, одна из способнейших учениц прославленного Дидло, становится ведущей танцевщицей балетной труппы петербургского театра. 19 февраля 1823 г. у нее родился сын, нареченный Ираклием Никитиным, и по существующим правилам Овошникова была вынуждена представить «объяснение» театральной дирекции: «... в сем свидетельствую, незаконнорожденный младенец Ираклий действительно мой сын, в чем и подписываюсь балетной труппы танцовщица Овошникова». <sup>2</sup> Крестным отцом новорожденного был популярный в то время драматург Н. И. Хмельницкий.

Двусмысленность происхождения наложила глубокий след на судьбу Ираклия Никитина. Унаследовав от родителей покоряющую красоту и недюжинные артистические способности, он в восемнадцать лет окончил то же театральное училище, что и мать, был определен в балетную труппу петербургского театра, а в 1845 г. переведен в Москву. Его сценический талант был сразу же замечен и оценен поклонниками театра. Однако театральная дирекция, отдавая предпочтение иноземным артистам, всячески притесняла его, в частности лишила возможности выезда за границу для совершенствования профессионального мастерства. В 1846 г., отвергнув завидные денежные посулы, уязвленный артист отказался от подписания контракта с императорскими театрами и уехал в Париж. Выступления Ираклия Никитина, первого русского артиста балета на театральных подмостках западноевропейских стран, имели громадный успех. В Россию он возвратился лишь в 1869 г., навсегда покинув сцену. <sup>3</sup>

Пушкину были хорошо известны тайны семейства Всеволожских, члены которого послужили впоследствии прототипами героев «Русского Пелама». О рождении у Всеволожского «крошки» Пушкин мог по прибытии в Михайловское узнать от своих родных. Когда он в октябре 1824 г. писал упомянутое выше письмо, «крошке Всеволодчику» шел второй год.

Правда, бытует мнение, что в данном письме «крошкой Всеволодчиком» Пушкин называет Калмыка, любимца участников «Зеленой лампы», при крещении нареченного Всеволодом. Но эта гипотеза менее доказательна, так как сметливого отрока, вступившего уже на порог юности, никак не назовешь «крошкой».

---

<sup>2</sup> Эльяш Н. Авдотья Истомина. Л., 1971, с. 69.

<sup>3</sup> См. об этом: Материалы по истории русского балета. 200 лет Ленинградского государственного хореографического училища. Л., 1938, с. 165. — Любимая связь Авдотьи Овошниковой и Никиты Всеволожского, женившегося в 1824 г. на светской красавице, княжне Варваре Хованской, не прекращалась. В 1827 г. у них появилась дочь, воспринявшая имя бабки по отцу, Елизаветы Никитичны, и со временем ставшая признанной танцовщицей столичного балета Елизаветой Никитиной.

## И. Сапенька

Играй, Адель,  
Не знай печали;  
Хариты, Лель  
Тебя венчали  
И колыбель  
Твою качали;  
Твоя весна  
Тиха, ясна;  
Для наслажденья

Ты рождена;  
Час упоенья  
Лови, лови!  
Младые лета  
Отдай любви  
И в шуме света  
Люби, Адель,  
Мою свирель.

(II, 275)

В биографии Пушкина это стихотворение послужило появлению романтической легенды.

Напомним, что в издании «Стихотворения Александра Пушкина» (ч. I. СПб., 1829) оно отнесено к 1822 г., проведенному поэтом в южной ссылке. Первое упоминание об этом произведении содержится в письме К. Ф. Рылева к поэту В. Туманскому от 3 октября 1823 г.: «Просим позволения у Пушкина напечатать Турецкую песню и миленькую пьеску к малютке (то есть «Адели», — П. К.), которые здесь ходят по рукам».<sup>4</sup> Под названием «В альбом малютке» стихотворение впервые и появилось в печати в альманахе «Полярная звезда» за 1824 г.

В издании «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений» со слов П. А. Плетнева указано, что стихотворение «Адели» адресовано Адели Давыдовой, дочери владельца знаменитой Каменки.<sup>5</sup> В позднейшей литературе поэтому и возникла легенда об «утаенном рейсе» Пушкина осенью 1822 г. в Киев и Каменку,<sup>6</sup> где он мог якобы вновь видеть Адель Давыдову и написать стихотворное посвящение.

В действительности Пушкин посещал Каменку лишь однажды — поздней осенью 1820 г., где встречался со многими будущими декабристами.

С матерью Адели Давыдовой, Аглаей Антоновной, интересной и кокетливой женщиной, Пушкина связывал непродолжительный легкий роман, который вскоре окончился разрывом, что отражено в стихотворении «Кокетка» (II, 224—225).

В 1821 г. Пушкин пишет и резкую эпиграмму на Аглаю Давыдову «Оставя честь судьбе на произвол...» (II, 226). Эпиграмма эта не могла остаться в тайне от адресата, что привело к крайне неприязненному отношению Аглаи Антоновны к Пушкину, высказанному ею Липранди в марте 1822 г.<sup>7</sup> В этих условиях, разумеется, и речи не могло быть о какой-то вторичной поездке поэта в Каменку в конце 1822 г.

Ключ к раскрытию подлинного адресата стихотворения «Адели» дают материалы Погодинского архива и архива Всеволожских.

<sup>4</sup> Цит. по ст.: Модзалевский Б. Л. Из архива К. Ф. Рылева. — Былое, 1925, № 5, с. 35—36.

<sup>5</sup> См.: Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861, с. 150.

<sup>6</sup> См.: Новиков И. Пушкин в изгнании. М., 1962, ч. 1, гл. 16. Утаенный рейс, с. 285—300.

<sup>7</sup> См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, т. I, с. 333.

М. П. Погодин в двадцатых годах прошлого века был частым гостем в московском доме Александра Всеволодовича Всеволожского и домашним учителем в доме его тестя Ивана Дмитриевича Трубецкого. Там он встречался с сестрами Трубецкими и чаще всего — с Аграфеной Ивановой, в замужестве Мансуровой. Сохранилось несколько дневниковых записей Погодина о салонных беседах на литературные темы, особенно о творчестве Жуковского и Пушкина. Так, на листке с датой «2 июня 1826 года» им записано: «Читал стихи Пушкина Аграфене» Иваковне, когда сплывали с нее портрет, между прочим к Адели. Это наша Сашенька, сказала она».<sup>8</sup> Рассказ о Сашеньке, который, надо полагать, состоялся после чтения стихов и содержал больше подробностей, нежели нам известно, заинтриговал Погодина. «Гуляя в саду, — продолжает запись Погодин, — вздумал написать Адель (биографию)». И на другой день Погодина не оставляет мысль о необычности биографии Сашеньки. 3 июня 1826 г. он пишет в дневнике о своем замысле: «Биография Адели кончится с семнадцатым годом, бойтесь юноши она является и в заключении любви Адель мою свирель».<sup>9</sup>

Кто же эта Сашенька, в чем необычность ее интригующей биографии?

В 1810 г., вскоре после смерти жены Елизаветы Никитичны, урожденной Бекетовой, камергер Всеволод Андреевич Всеволожский вошел в интимную связь с московской матроной, княгиней Екатериной Матвеевной Хованской. При приближении наполеоновских войск они покинули Москву, выехав в Казань, а оттуда — в заводской поселок Пожву (Пермская губерния), где находилось главное управление уральскими вотчинами Всеволожских. В 1812 г. у них родилась дочь, получившая имя княжны Александры Петровны Хованской по официальному мужу матери.

Скандальная связь Всеволожского с княгиней Хованской, длившаяся более четверти века, служила предметом пересудов в столичных салонах. Слабовольный разорившийся супруг княгини Петр Алексеевич Хованский повсюду, где только можно, жаловался на «обиды», причиненные ему Всеволожским, обращался с просьбами вернуть жену и к императору Александру I. Но все было тщетно. Кончилось тем, что он примирился с незавидной ролью нахлебника и умер в доме своего «обидчика».

Все перипетии взаимоотношений Хованской и семейства Всеволожских, полные драматизма, Пушкину были хорошо известны и впоследствии должны были послужить сюжетной канвой для «Русского Пелама».<sup>10</sup>

Сашенька же, у колыбели которой по образному выражению поэта стояли божественные Хариты, олицетворявшие радость и веселье, языческий бог Лель, покровитель чувственного брака и любви, росла всеобщей

---

<sup>8</sup> См.: Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива. — В кн.: Пушкин и его современники. Пг., 1914, вып. XIX—XX, с. 72. — Предположение, что в погодинской записи слова Аграфены Трубецкой «Это наша Сашенька» следует отнести к ее младшей сестре Александре Ивановне (1809—1873), неправомерно. В этой серьезной, ищущей знакомств в мире ученых семнадцатилетней девице, которой адресуются письма философского характера, ничего нет от пушкинской Адели.

<sup>9</sup> См.: Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива, с. 72.

<sup>10</sup> См.: Казанцев П. М. К изучению «Русского Пелама» А. С. Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967, с. 21—33.



но и в тридцать лет «Адель» оставалась небезопасной для юношеских сердец. Умерла она в возрасте 77 лет 14 марта 1889 г.

Предположение о том, что прообраз «Адели» связан с домом Всеволожских, уже высказывалось ранее. Один из первых биографов Пушкина П. И. Бартенев еще в 1862 г., т. е. тогда, когда Плетнев высказал свою гипотезу, сделал такое примечание к стихотворению «Адели»: «По общему преданию, написано к дочери А. Л. Давыдова; но в Крыму живет семейство, приписывающее эти строки одному из своих членов».<sup>14</sup>

Нам представляется, что здесь имелись в виду дети Никиты Всеволодовича Всеволожского — Всеволод (1831—1889) и Андрей (1840—1893). Первый был секретарем генерал-фельдмаршала А. И. Барятинского еще во время Крымской кампании. Второй начал службу при Барятинском на Кавказе, а впоследствии стал таврическим губернатором.

Лишь рамки светских условностей не позволили, вероятно, биографу открыто назвать фамилию семейства, члены которого из первых рук получили известие о том, кому в действительности посвящено стихотворение великого поэта.

Пушкин через много лет вновь возвращается к прообразу «Адели» в планах «Русского Пелама».

*П. М. Казанцев*

---

## ПУШКИН И ГРИБОЕДОВ

(Два эпизода творческих взаимоотношений)

### I. Пушкинский отзыв о «Горе от ума»

Критическая оценка Пушкиным «Горя от ума» неоднократно привлекала внимание исследователей и являлась предметом полемики.<sup>1</sup> Не вдаваясь в детальное рассмотрение различных точек зрения, подчеркнем, что вопрос о том, почему развернутая пушкинская критика прозвучала именно в письме к А. А. Бестужеву, заслуживает дополнительного рассмотрения. На наш взгляд, этот отзыв становится понятным в контексте полемики Пушкина с декабристами о первой главе «Евгения Онегина».

Письмо Бестужева от начала января 1825 г. с критикой «Евгения Онегина» до нас не дошло, но мнение Пушкина о ней известно из его письма к Рылеву от 25 января: «Бест.ужев» пишет мне много об Онегине — скажи ему, что он неправ: ужели хочет он изгнать все легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? <...> Кар-

---

<sup>14</sup> Бартенев П. И. Пушкин в Южной России. 2-е изд. М., 1914, с. 161.

<sup>1</sup> Ср.: Гукасова А. Г. Пушкин и Грибоедов. (К вопросу об оценке Пушкиным комедии «Горе от ума»). — В кн.: Пушкин в школе. М., 1951, с. 112—141; Городецкий Б. П. К оценке Пушкиным комедии Грибоедова «Горе от ума». — Русская литература, 1970, № 3, с. 21—36.

тины светской жизни также входят в область поэзии...» (XIII, 134). Показательно, что в этом рассуждении Пушкин сближает первую главу романа со светской комедией. Это и неудивительно, ибо в начале XIX в. только светская комедия непосредственно изображала жизнь и быт светского общества.<sup>2</sup>

Однако в письме самому Бестужеву от конца января 1825 г. (XIII, 137—139) Пушкин даже не упоминает об «Евгении Онегине». Вместо этого он разбирает «Горе от ума». Подобная установка вела к противоречивости пушкинского суждения. Совершенно справедливо Б. В. Томашевский пишет: «Пушкин в этом письме несколько нарушил провозглашенное им правило: „Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собой признанным“».<sup>3</sup>

Исходя из поэтики светской комедии, Пушкин упрекает героев «Горя от ума» в их непохожести на... традиционных персонажей: «Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина, но штатской трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен». Поведение Чацкого оценивается в сравнении с поведением Онегина: «Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловым и тому подоб.».

Бестужев прекрасно понял Пушкина. В ответном письме от 9 марта<sup>4</sup> он, ни словом не упоминая о пушкинском разборе комедии Грибоедова, сосредоточивается на анализе первой главы романа. Однако анализ этот производится с учетом высказываний Пушкина о грибоедовской комедии. Правильно заметил Б. В. Томашевский: «В оценке Онегина явно сказало впечатление, произведенное на Бестужева комедией Грибоедова».<sup>5</sup> Действительно, Бестужев так разбирает образ Онегина: «Поставил ли ты его в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты? — Я вижу франта, который душой и телом предан моде — вижу человека, которых тысячи встречаю наяву, ибо самая холодность и мизантропия и странность теперь в числе туалетных приборов» (XIII, 149).

Если Пушкин, оценивая образ Чацкого, считал его недостатком отличие от героев светских комедий, то Бестужев осуждает Онегина именно за это родство со светскими щеголями. Более того, перефразируя высказывание Пушкина из отзыва о «Горе от ума» («По крайней мере говорю прямо, без обиняков, как истинному таланту»), Бестужев пишет: «Извини мою искренность, я солдат и говорю прямо, в ком вижу прямое дарование» (XIII, 149). Однако в целом Бестужев стремится быть сдержан-

---

<sup>2</sup> О связи первой главы романа Пушкина с традицией легкой комедии см.: Фомичев С. А. У истоков замысла романа «Евгений Онегин». — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1982.

<sup>3</sup> Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956, кн. 1, с. 612.

<sup>4</sup> Отсутствие переписки между Пушкиным и Бестужевым с конца января до 9 марта подтверждается началом бестужевского письма («Долго не отвечал я тебе, любезный Пушкин, не вини...»), в котором изложен ответ на замечания Пушкина в его процитированном выше письме к Рылеву от 25 января: «Что свет можно описывать в поэтических формах — это несомненно, но дал ли ты Онегину поэтические формы кроме стихов?» (XIII, 149).

<sup>5</sup> Томашевский Б. В. Пушкин, кн. 1, с. 611.



ным в своей критике, как и Рылеев в письмах к Пушкину от 12 февраля и от 10 марта (XIII, 141, 150). Нельзя не подчеркнуть, что положительные моменты пушкинского отзыва (в частности, высокая оценка языка комедии) развернуты в публикациях околोगрибоедовского круга о «Горе от ума» в 1825 г.<sup>6</sup>

Тем не менее полемика была продолжена на страницах «Полярной звезды» на 1825 г. (ценз. разр. от 20 марта). Альманах открывался статьей Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов». В двух самых общих предложениях охарактеризовав первую главу, он писал: «Особенно разговор с книгопродавцем вместо предисловия (это счастливое подражание Гете) кипит благодарными порывами человека, чувствующего себя человеком».<sup>7</sup> Значение похвалы Бестужева «Разговору книгопродавца с поэтом» нельзя преувеличивать, как это нередко делается. С точки зрения критика, восторгаться в первой главе особенно нечем, поэтому он и говорит о предисловии. Не случайно из «Разговора» цитируются строки, в наибольшей степени противопоставленные заключительной прозаической реплике:

Блажен, кто про себя таил  
Души высокие созданья  
И от людей, как от могил,  
Не ждал за чувства воздаянья.

Указание на зависимость «Разговора» от Гете ориентировало читателя на сравнение пушкинского произведения с «Отрывком из Гете» Грибоедова, опубликованным в этом же номере альманаха.

Но прежде чем воспользоваться приглашением Бестужева и сравнить «Разговор» с «Отрывком», обратим более пристальное внимание на некоторые особенности его статьи. Косвенно, путем умолчания, осуждая первую главу, Бестужев хвалит «Цыган» Пушкина, фрагмент из которых помещен сразу же после бестужевского «Взгляда». Однако эти похвалы не могут идти ни в какое сравнение с оценкой «Горя от ума»: «...будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных» (496).

Статья Бестужева делится на два раздела: первый содержит в себе рассмотрение причин нынешнего состояния словесности, второй — конкретные разборы. До сих пор мы говорили о втором разделе. Однако противопоставление Грибоедова и Пушкина начинается уже в первой части.<sup>8</sup>

Так, например, рассуждение о воспитании перекликается с описанием воспитания Онегина: «Мы учимся припеваючи и оттого навсегда теряем способность и охоту к дельным, к долгим занятиям... у нас юноша с учеб-

---

<sup>6</sup> См. об этом: Городецкий Б. П. К оценке Пушкиным комедии Грибоедова «Горе от ума», с. 23.

<sup>7</sup> «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.; Л., 1960, с. 494. — В дальнейшем при цитировании ссылки на это издание даются в тексте; арабская цифра в скобках указывает номер страницы.

<sup>8</sup> Исследователи уже давно заметили, что в центре бестужевского «Взгляда» стоят имена Пушкина и Грибоедова (см., например: Базанов В. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. М., 1953, с. 286).

ного гулянья спешит на бал» (491).<sup>9</sup> Одновременно в характеристику воспитания (в том месте, где мы поставили многоточие) явно вклинивается перефразированная цитата из грибоедовского «Отрывка»: «При самых счастливых дарованиях мы едва имеем время на лету схватить отдельные мысли; но связывать, располагать, обдумывать расположенное не было у нас ни в случае, ни в привычке». Ср. у Грибоедова:

Слияние частей измучит нас смертельно;  
Давайте нам подробности отдельно.  
Что целое? какая прибыль вам?  
И ваше целое вниманье в ком пробудит?  
Его расхитят по долям,  
И публика по мелочи осудит.<sup>10</sup>

Поэтому следующее рассуждение Бестужева звучит явным предостережением Пушкину: «Сколько людей, которые бы могли прославить делом или словом свое отечество, гибнут, дремля душой в вихре модного ничтожества <...> Да и что в прозаическом нашем быту на безлюдье сильных характеров может разбудить душу? (ср. со словами в письме Бестужева к Пушкину от 9 марта: «Поставил ли ты его в контраст со светом и т. д.», — *Ю. Ф.*)... наш свет — гроб поваленный! (ср. процитированную во второй части «Взгляда» строку из «Разговора»: «И от людей, как от могил», — *Ю. Ф.*)» (491). Кстати, перекликается, но уже с грибоедовским «Отрывком», и бестужевское сравнение поэта с создателем новых миров.

В статье Бестужева можно также ощутить переключку с фельетоном Булгарина «Литературные призраки»,<sup>11</sup> появившимся в журнале «Литературные листки» (1824, № 16, ценз. разр. от 27 августа). Странного здесь ничего нет. С одной стороны, Булгарин в то время коротко сошелся с Бестужевым и Рылевым, с другой — Бестужев сам очень высоко оценивал способности Грибоедова,<sup>12</sup> с третьей — Булгарин устами героя фельетона Талантина выразил во многом действительные взгляды Грибоедова.

Не вдаваясь в текстуальные сопоставления, отметим, что мысли об отсутствии самобытности, преклонении перед не лучшими иностранными

---

<sup>9</sup> Любопытно, что Пушкин, критикуя статью Бестужева в письме к нему же от конца мая—начала июня 1825 г., похвалил изображение воспитания (см.: XIII, 179). Однако в пылу полемики Пушкин строит свою критику без учета декабристского содержания «Взгляда» (см.: Базанов в В. Очерки декабристской литературы, с. 279—289).

<sup>10</sup> Грибоедов А. С. Сочинения. М.; Л., 1959, с. 336. — В дальнейшем при цитировании ссылки на это издание даются в тексте; арабская цифра в скобках указывает номер страницы.

<sup>11</sup> В фельетоне Булгарина Грибоедов, выведенный под именем Талантина, противопоставлен в качестве образца для подражания целой группе литераторов: Дельвигу, Баратынскому, Федорову. Эта булгаринская тенденциозность вызвала гневный протест Грибоедова. На фельетон откликнулись эпиграммами Воейков и Вяземский. См. об этом: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1930, с. 396—397.

<sup>12</sup> См.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 97—103. Кстати, в своих воспоминаниях, явно намекая на Булгарина, Бестужев пишет на с. 97: «„Это необыкновенное существо, это гений!“ — говорили мне некоторые из его приятелей», — и чуть далее (см. с. 100) прямо указывает на то, что именно Булгарин ознакомил его с «Горем от ума».

образцами; рассуждения о «просветителях народов», о необходимости постоянной литературной учебы; сравнение, уже во второй части бестужевской статьи, «Горя от ума» с «Недорослем» напоминают многие суждения из «Литературных призраков».

Проделанные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что «Взгляд Бестужева был важной репликой в споре между Пушкиным и декабристами о первой главе «Евгения Онегина».

Говоря о неспособности современных авторов обдумывать целое, Бестужев в сущности подтверждает свою оценку первой главы как ряда «прелестных картин» (XIII, 149). Нельзя не учитывать и того, что «Отрывок из Гете» выражал горечь драматурга, неприятие им той «мелочной» критики, которая раздавалась в адрес его комедии. Действительно, целое «Горя от ума» ускользнуло не только от Пушкина, но и от Крылова, и от Катенина.<sup>13</sup> И хотя процитированные выше стихи о «слиянии частей» являются довольно-таки точным переводом из Гете, внимание акцентируется не только на механизме «массового искусства», как у Гете, но и на голосе «массовой критики». Показательно, что известное письмо Грибоедова Катенину с ответом на его разбор «Горя от ума» датировано январем—14 февраля 1825 г., то есть временем работы над «Отрывком».<sup>14</sup>

«Разговор» Пушкина и «Отрывок» Грибоедова восходят к одному источнику: «Прологу в театре» из «Фауста» Гете.<sup>15</sup> Во многом переосмысляя Гете, в частности убирая образ Комика, Пушкин заставляет своего Поэта перейти в конце стихотворения на прозу и согласиться с доводами книгопродавца: «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся». Иным предстает Поэт у Грибоедова. Он заявляет:

Нет! Нет! — негодование.  
Поди, ищи услужников других.

Нетрудно заметить полемическое соотношение произведений Грибоедова и Пушкина. Подчеркнем, что Грибоедов, по всей вероятности, был уже знаком с пушкинским «Разговором книгопродавца с поэтом», когда писал свой «Отрывок из Гете».<sup>16</sup>

И «Отрывок», и «Разговор» были эстетическими кредо поэтов. При ближайшем рассмотрении можно обнаружить нечто общее в обеих деклара-

<sup>13</sup> См.: Грибоедов А. С. Сочинения, с. 548, 556—558.

<sup>14</sup> 20 февраля 1825 г. Рылеев пишет Вяземскому: «Он (Грибоедов, — Ю. Ф.) дал в «Звезду» прекрасный отрывок из Гетева «Фауста» (Литературное наследство. М., 1954, т. 59, с. 146). Ср. слова Н. М. Языкова в письме к брату от 24 февраля 1825 г. из Дерпта: «Очень радуюсь, что Грибоедов переводит „Фауста“» (Письма Н. М. Языкова к родным. СПб., 1913, с. 156). Таким образом, «Отрывок из Гете» пишется Грибоедовым после того, как он ознакомился с пушкинским отзывом о комедии в письме к Бестужеву.

<sup>15</sup> На связь пушкинского «Разговора» с «Фаустом» указывал В. М. Жирмунский (см.: Ж и р м у н с к и й В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981, с. 112).

<sup>16</sup> Первая глава «Онегина», которой был предпослан «Разговор», вышла в свет 18 февраля 1825 г. (см.: Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 96). Но благодаря Л. С. Пушкину произведения поэта были известны в декабристском кругу до их публикации.

циях. То, что пушкинский Поэт идет на компромисс, говорит о тактике его поведения, но не об измене высоким идеалам служения искусству. Но именно эти высокие идеалы и составляют суть грибоедовского Поэта.

Вместе с тем, усиливая сатирическое звучание «Пролога в театре»,<sup>17</sup> утверждая право художника на свободу творческого поиска, Грибоедов в сущности изображал поэта таким, каким он предстал в произведениях декабристов. С другой стороны, «Отрывок» Грибоедова продолжал диалог, предложенный Пушкиным: в письме к Бестужеву Пушкин просил показать свой отзыв о комедии Грибоедову и допускал, что, возможно, в чем-то его оценка ошибочна.

Однако вернемся к статье Бестужева. Сам Пушкин обратил внимание на сдержанность бестужевской критики первой главы романа: «Об Онегине ты не сказал всего, что имел на сердце, чувствую почему и благодарю...» (XIII, 180). Бережное отношение к Пушкину было вызвано тем, что декабристы по-прежнему считали его своим единомышленником, лишь «оступившимся» на время. И действительно, скептицизм («Демон», «Свободы сеятель пустынный...»<sup>18</sup> и отчасти — «Разговор») преодолевается им в «Андрее Шенье». Не случайно современные исследователи сравнивают это стихотворение с юношеской лирикой поэта.<sup>19</sup> Разумеется, «Андрей Шенье» возник в результате целого комплекса причин, но полемика с декабристами была едва ли не самой главной из них. А это еще раз подтверждает кровную связь мировоззрения Пушкина с декабристским движением.<sup>20</sup>

Очевидно, Пушкин не мог не учесть замечаний декабристской, самой передовой в то время критики. Без сомнения, во многом благодаря ей, мы знаем пушкинский роман таким, каков он есть.

Вероятно, не без влияния этой критики в дальнейшем Пушкин снял «Разговор» в качестве предисловия к роману. Не случайно также в последних главах усиливается декабристское звучание романа, что, в частности, проявилось в обилии реминисценций из «Горя от ума» — произведения, наиболее полно выразившего идеологию декабризма.<sup>21</sup>

## II. Грибоедовская тема в «Путешествии в Арзрум»

Обращение Пушкина к грибоедовской теме в «Путешествии в Арзрум» тем более знаменательно, что речь идет об одном из самых значительных его произведений 30-х годов. В нем мы найдем размышление о войне и

<sup>17</sup> См.: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе, с. 119—120.

<sup>18</sup> Аналогичную душевную драму переживал и П. И. Пестель, глава Южного общества декабристов. См. об этом: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1956, с. 305.

<sup>19</sup> См. там же, с. 382; Вольперт Л. И. А. С. Пушкин и госпожа де Сталь. — В кн.: Французский ежегодник. 1972. М., 1974, с. 302—303.

<sup>20</sup> См. об этом: Пугачев В. В. Из истории политической мысли декабристов (тайное общество и политическая лирика А. С. Пушкина в 1818—1820 гг.). — В кн.: Вопросы истории государства и права. Саратов, 1977, вып. 1, с. 216.

<sup>21</sup> См. об этом: Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952, т. 1, с. 443; Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1960, т. XX, с. 341—342.

мире, о проблеме взаимоотношения различных национальностей, о трагизме положения прогрессивно мыслящего человека в современном обществе. Впервые в русской литературе здесь были выведены образы осужденных декабристов.

Важно понять, что грибоедовская тема становится постоянной в творчестве Пушкина после его поездки на Кавказ в 1829 г. Так, в № 8 «Литературной газеты» за 1830 г. была опубликована пушкинская рецензия на альманах «Денница», замечательнейшей статьёй которого он назвал «Обозрение русской словесности 1829 года» И. В. Киреевского (XI, 103—109). Однако многие конкретные положения «Обозрения» вызвали у Пушкина уточнения и возражения. К словам: «...от Фон-Визина до Грибоедова мы не имели ни одного истинного комического таланта...» Пушкин делает многозначительную посылку: «Кажется, автор выразился ошибочно. Не хотел ли он сказать: *кроме Фон-Визина и Грибоедова?*». Несколькочислен из Фонвизина и Грибоедова Пушкин упоминает и в конце своей рецензии в числе произведений, которыми Россия может гордиться перед Европой.

Номер 8 «Литературной газеты» вышел 5 февраля, т. е. через год после гибели Грибоедова. Очевидно, Пушкин помнил об этом. Цитируя сообщение И. В. Киреевского о смерти Новикова, Пушкин вносит в свою рецензию мысль о необходимости уважения к памяти великих русских писателей. Тут же эта мысль и реализуется, ибо грибоедовская тема постоянно возникает во многих материалах данного газетного номера.

Нельзя забывать, что тема эта была в то время запретной.<sup>22</sup> Поэтому не случайно Пушкин, приступая к непосредственному анализу «Обозрения», пишет, что Киреевский «признает издание нового Ценсурного Устава „важнейшим событием для блага России <...> важнее взятия Арзерума“». Газетный номер открывался очерком, вошедшим в состав «Путешествия в Арзрум» — «Военной Грузинской дорогой», — и его ответ падал на последующий разбор «Обозрения».<sup>23</sup>

Так, в очерке речь идет о Фазил-Хане из свиты персидского принца. И хотя здесь не говорится о причинах визита персов в Россию, читатель помнил, что это была «искупительная» миссия в связи с гибелью Грибоедова.

С темой уважения к памяти погибших связано описание в очерке похорон осетина. В отличие от воюющих с ними русских горды отдадут дань уважения своим усопшим героям. Здесь же Пушкин приводит в оригинале две строки из ставшего хрестоматийным стихотворения Чарльза Вульфа о гибели генерала Мура.<sup>24</sup> Оно было хорошо известно широкой публике

---

<sup>22</sup> См. об этом: Фомичев С. А. Личность Грибоедова. — В кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 6—8.

<sup>23</sup> Возможно, сопоставление разбора «Обозрения» и «Военной Грузинской дороги» в пушкинистской литературе не было произведено потому, что, начиная с большого 16-томного собрания сочинений Пушкина, все издания неточно указывали номер «Литературной газеты» с публикацией «Военной Грузинской дороги»: № 6 вместо № 8.

<sup>24</sup> См. об этом: Левин Ю. Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма. — В кн.: Ранние романтические веяния. Л., 1972, с. 248.

в переводе И. И. Козлова, опубликованном в «Северных цветах» на 1826 г., и стало популярной песней.<sup>25</sup>

По-своему откликнулся на годовщину гибели Грибоедова Булгарин. В «Сыне отечества» (1830, № 1, ценз. разр. от 30 декабря 1829 г.) были опубликованы его небезынтересные по фактическому материалу «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове», где автор изображает себя чуть ли не единственным близким другом Грибоедова. Пушкин в статье «О записках Видока» (Литературная газета, 1830, № 20) издевался по поводу этой спекуляции: «Он (Видок, т. е. Булгарин, — Ю. Ф.) нагло хвастается дружбаю умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой)» (XI, 129).

Во многом благодаря Пушкину Грибоедов как бы продолжал активно участвовать в литературной жизни 30-х годов. В частности, Пушкин высоко отзывается о Грибоедове-критике в статье 1833 г. «Сочинения и переводы Павла Катенина» (XI, 221), неоднократно цитирует «Горе от ума» в своих произведениях и письмах.

Особое место среди грибоедовских реминисценций у Пушкина занимает глава «Москва» в «Путешествии из Москвы в Петербург». Если в первой части главы о грибоедовской Москве говорится в прошедшем времени, то во второй — в настоящем. Смысл такого построения становится понятным при учете статьи И. В. Киреевского о «Горе от ума» («Европеец», 1832, № 1), где, в частности, говорилось, что «оригиналы тех портретов, которые начертал Грибоедов, уже давно не составляют большинства московского общества, и хотя они созданы и воспитаны Москвою, но уже сама Москва смотрит на них как на редкость, как на любопытные развалины старого мира».<sup>26</sup>

У Пушкина: «Горе от ума» есть уже картина обветшавшая, печальный апахронизм» (XI, 247). И далее Пушкин выступает в качестве одного из первых интерпретаторов судеб грибоедовских персонажей за пределами финального акта.<sup>27</sup>

На фоне такого устойчивого интереса к Грибоедову вполне естественно желание Пушкина воплотить его образ в художественном произведении. И если в переализованном плане к роману «Русский Пелам» фамилия Грибоедова только упоминается, то в «Путешествии в Арзрум» («Современник», 1836, № 1) Грибоедов является одним из центральных героев.

Действительно, никого в «Путешествии» Пушкин не удостаивает такой подробной характеристики и такой высокой оценки, как Грибоедова. Однако воссоздавая индивидуальные черты Грибоедова, Пушкин в сущности рисует обобщенный образ прогрессивно настроенного современника: «Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан...» (VIII, 461). Сходно писал Пушкин и о себе:

---

<sup>25</sup> См. об этом в кн.: История романтизма в русской литературе. 1825—1840. М., 1979, с. 39—40. — Следует подчеркнуть, что само стихотворение плохо соотносится со смертью осетина, который умирает на родине: герой Вульфа—Козлова, как и Грибоедов, гибнет на чужбине.

<sup>26</sup> Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979, с. 117.

<sup>27</sup> Об интерпретациях и переделках «Горя от ума» см.: Лурье М. Финалы комедии «Горе от ума». — Театр, 1940, № 9, с. 115—120.

«...Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!» (XVI, 117—118). Переключался он и с Грибоедовым, писавшим: «Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов?» (585).

Вместе с тем описание встречи с телом Грибоедова (в дальнейшем — «грибоедовский эпизод») имеет и дополнительный смысл. В начале 1835 г. Булгарин выпустил первую часть «Памятных записок титулярного советника Чухина», которые вызвали язвительную реплику Пушкина:

«Г. Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого таланта (...)

С нашей стороны, мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина нимало не уступает его прежним» (XII, 10).

В шестой главе булгаринских «Записок» выводится образ Александра Сергеевича Световидова. Нетрудно усмотреть в нем грибоедовские черты.

Пушкин явно полемизировал с Булгариным.<sup>28</sup> Именно этим, на наш взгляд, объясняются некоторые переключки в обоих текстах. Например, Булгарин заканчивает свое рассуждение о необыкновенных способностях Световидова афоризмом: «Он был рожден быть Бонапартом или Магометом».<sup>29</sup> У Пушкина: «Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в Московском Телеграфе» (VIII, 461).

Однако если Булгарин рисует неожиданное превращение бравого гусара в философа-олимпийца, то Пушкин акцентирует внимание на ином: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна» (VIII, 461—462).

Пушкин заключает «грибоедовский эпизод» фразой, которая не оставляет сомнения в полемической направленности против Булгарина: «Написать его биографию было бы делом его друзей...» (VIII, 462). Ведь биография Грибоедова была уже написана Булгариным («Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове»), но Пушкин отказывает ему в праве пазываться другом Грибоедова.

Грибоедовская тема в «Путешествии» не ограничивается «грибоедовским эпизодом». Она развивается при помощи разнообразных намеков, параллелей и включается в систему сложных смысловых связей на всех уровнях произведения.

Пушкин сохраняет связь между эпизодом похорон осетина (а также цитируемых при этом строк из Чарльза Вульфа) с грибоедовской темой в соответствии с публикацией «Военной Грузинской дороги» в «Литературной газете», о чем говорилось выше.

---

<sup>28</sup> См.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 406.

<sup>29</sup> Булгарин Ф. В. Памятные записки титулярного советника Чухина. СПб., 1835, с. 119.

Семантика «грибоедовского эпизода» увеличивается за счет обрамления его лирическими размышлениями о жизни и смерти. Речь идет о переводе грузинской песни и описании Арарата.

В бумагах Пушкина имеется сделанный кем-то прозаический перевод грузинской песни (слова Д. Туманишвили). Исследователи уже обратили внимание на отличие перевода, приведенного в «Путешествии», от перевода, хранящегося в пушкинском архиве, и от самого грузинского текста.<sup>30</sup> Пушкин убрает прямое обращение «красавица» (хотя и оставляет рефрен: «От тебя ожидаю жизни»), определение «бессмертная» и орнамент восточной символики. Перевод в «Путешествии» больше говорит о «душе». Собственно, перед нами стихотворение не только о жизни, но и о смерти.

Вместе с тем, перевод грузинской песни подготавливает «грибоедовский эпизод» и по другой линии. Как известно, на мелодию этой песни, сообщенную Грибоедовым и переработанную Глинкой, Пушкин написал слова романса «Не пой, красавица, при мне...».<sup>31</sup>

«Грибоедовский эпизод» является составной частью целой цепи изображаемых Пушкиным событий. Так, в первой главе путешественник встречает Фазил-Хана, представителя свиты Хозрев-Мирзы, а через некоторое время — и самого персидского принца Хозрев-Мирзу, который подарил Николаю I драгоценный камень, как бы символизировавший «цену крови» Грибоедова.

Пушкин ничего не говорит о причинах появления персидской миссии в России. Он как бы имитирует позицию официальной прессы, чрезвычайно подробно описывавшей торжественные приемы, которые оказывались персиянам по мере продвижения миссии по России.<sup>32</sup> О гибели русского посольства было упомянуто только при первом сообщении о появлении Хозрев-Мирзы в России и по поводу его аудиенции у Николая I.<sup>33</sup>

Как уже отмечалось исследователями, «грибоедовский эпизод» несомненно рассчитан на сопоставление с изображением персидской миссии.<sup>34</sup> Хозрев-Мирза передвигается в сопровождении кортежа, а тело Грибоедова сопровождает несколько грузин. Хозрев-Мирза в коляске, а тело Грибоедова — в арбе.<sup>35</sup>

Официальной версии, превращающей Грибоедова чуть ли не в винов-

---

<sup>30</sup> См.: Модзалевский Л. Б., Дондуа В. Д. Запись грузинской песни в архиве Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936, т. 2, с. 297—301.

<sup>31</sup> См. об этом: Гинзбург С. Л. Пушкин и грузинская песня (к истории создания стихотворения «Не пой, красавица, при мне»). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды третьей всесоюзной пушкинской конференции. М.; Л., 1953, с. 314—334.

<sup>32</sup> См., например: Северная пчела, 1829, 6 июня, 11 июня, 18 июня, 4 июля, 27 июля, 1 августа, 6 августа, 8 августа, 13 августа.

<sup>33</sup> См.: Северная пчела, 1829, 23 мая, 17 августа.

<sup>34</sup> См.: Михельсон В. А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов, 1974, с. 28.

<sup>35</sup> Вопрос о том, как доставлялось тело Грибоедова в Тифлис, нуждается в дополнительном изучении. Ср.: Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1876, т. VII, с. 697—698; А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929, с. 201—203.



ника собственной гибелю,<sup>36</sup> Пушкин противопоставляет другой образ: выдающегося мыслителя и общественного деятеля.

Пушкину было известно сочувственное отношение Грибоедова к кавказским народностям. Попытки прогрессивного преобразования кавказских территорий имели устойчивую традицию в истории русской общественной мысли. Можно вспомнить «Мнение адмирала Мордвинова о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей».<sup>37</sup> Здесь Н. С. Мордвинов говорил о необходимости взаимовыгодного сотрудничества с народами Кавказа. Необходимо упомянуть и «Записку» В. Ф. Тимковского о «Киргизской орде». И хотя «Записка» не была опубликована, а возможность личного знакомства Пушкина с Тимковским находится под вопросом, современный исследователь проводит небезосновательные параллели между текстами «Путешествия» и «Записки».<sup>38</sup>

Думается, что Пушкин мог ознакомиться с идеями Тимковского через Грибоедова, знакомство которого с Тимковским сомнению не подлежит.<sup>39</sup> Но гораздо важнее другое. Идеи, близкие идеям Тимковского, воплотились в проекте учреждения Российской Закавказской компании, вдохновителем которого был Грибоедов. Содержание проекта могло быть известно Пушкину не только по публикации «Вступления к проекту устава» в «Тифлиских губернских ведомостях» в 1831 г.,<sup>40</sup> но и из бесед с Грибоедовым в 1828 г., а также из встреч с передовыми людьми Кавказа.<sup>41</sup>

В «Путешествии» говорится: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению...» (VIII, 449).

В грибоедовской «Записке об учреждении Российской Закавказской компании» читаем: «Порт Батумский, если войдет в новую черту наших границ, представляет в сем случае для компании, местным своим положением, наиболее удобств» (476). Во «Вступлении к проекту устава» написано: «Никогда войско, временно укрощающее неприятеля или готовое только истребить его, не может так прочно обуздать и усмирить вражду, как народонаселение образованное и богатое...» (490).

---

<sup>36</sup> См.: Медведев М. М. Грибоедов под следствием и надзором. — Литературное наследство. М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 481—492.

<sup>37</sup> См. приложения в кн.: Романовский Д. И. Кавказ и кавказская война. СПб., 1860, с. XXVIII—XXXV.

<sup>38</sup> См.: Шейман Л. А. Василий Тимковский, декабристы, Пушкин... (Вокруг записок о «Киргизской орде»). — В кн.: Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Фрунзе, 1969, вып. 2, с. 168—192.

<sup>39</sup> См.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 158—159.

<sup>40</sup> Известно письмо Пушкина к П. С. Санковскому от 3 января 1833 г., где поэт благодарит последнего «за присылку „Тифлиских ведомостей“ — единственной из русских газет, которая имеет свое лицо» (XV, 316). Кстати, «основной костяк авторского коллектива „Тифлиских ведомостей“ составляли рекомендованные Грибоедовым для службы на Кавказе чиновники» (Ватейшвилл Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе первой трети XIX века. М., 1973, с. 280).

<sup>41</sup> Отметим, что почти все лица, упомянутые в «Путешествии», были знакомыми Грибоедова.

Пушкин замечает: «Военные, повинясь долгу, живут в Грузии, потому что им так велено. Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином ассессорским, толико вожделенным. Те и другие смотрят на Грузию как на изгнание» (VIII, 458—459). Сходная мысль есть и во «Вступлении к проекту устава»: «До сих пор русский заезжий чиновник мечтал только о повышении чина и не заботился о том, что было прежде его, что будет после в том краю, который он посетил на короткое время. Он почитал Тифлис, или какой-нибудь другой город за Кавказом, местом добровольной ссылки...» (493).

Разумеется, отмеченные параллели говорят не столько о зависимости «Путешествия» от идей проекта, сколько об общей оценке положения кавказских народностей.

Или вот якобы совершенно нейтральное сообщение: «В Тифлисе главную часть народонаселения составляют армяне: в 1825 г. было их здесь до 2500 семейств. Во время нынешних войн число их еще умножилось» (VIII, 458). Однако в этом замечании заключен совершенно ясный намек на ту статью Туркманчайского договора, по которой все пленные, изъявившие желание вернуться на родину, передавались России. В основном к ним принадлежали армяне, страдавшие в Персии не только от национального, но и от религиозного гнета. Неукоснительное соблюдение указанной статьи Туркманчайского трактата явилось заслугой Грибоедова, который постоянно заботился о переселении армян из-под ига иноверцев.

В конце черновой рукописи «Путешествия» было записано: Пушкин остановил меня, требуя, чтобы я читал с большим мимическим искусством,

не так, как пономарь,  
А с чувством, с толком, с расстановкой»  
(VIII, 1017).

И хотя эти строки были изъяты Пушкиным из окончательного текста, сам факт непрерывного обращения пушкинской мысли к личности и творчеству Грибоедова свидетельствует о важности грибоедовской темы в «Путешествии в Арзрум».

Думается, что тема эта в представлении Пушкина органически сочеталась с его постоянным призывом «милости к падшим». В 1836 г. исполнилось десять лет со времени приговора по делу декабристов. Казалось, что это было удобным поводом для правительственной амнистии осужденных. Недаром пушкинский журнал «Современник» открывался стихотворением «Пир Петра Первого», где данный призыв вполне очевиден. В том же ключе «Путешествие в Арзрум», напечатанное в первом номере журнала, было напоминанием правительству, что арзрумская кампания была успешной для России во многом потому, что в Кавказском корпусе и в ближайшем окружении И. Ф. Паскевича очутились лица из числа «прикосновенных по делу 14 декабря», блестящая одаренность которых, примененная на практике, принесла славу России.<sup>42</sup> В этом свете «гри-

---

<sup>42</sup> См. об этом в кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982, с. 300—323.

боедовский эпизод» может быть осмыслен как обобщенный портрет деятеля декабристской эпохи, но такого деятеля, чьи «способности человека государственного» не оказались-таки, в силу особых обстоятельств, «без употребления».

Ю. П. Фесенко

---

## ТРУД И. И. ГОЛИКОВА «ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО <...> В КРУГУ ИСТОЧНИКОВ ТРАГЕДИИ «БОРИС ГОДУНОВ»

Исторические сочинения, которыми пользовался Пушкин при работе над «Борисом Годуновым» и темой Петра I, давно выявлены и, по-видимому, подробно изучены. Несомненно: карамзинская «История государства Российского» стала фактической основой пушкинской трагедии, а конспект книги И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (1788—1789) Пушкин составил в последние годы жизни для труда, который ему не суждено было завершить.

Однако в этих утверждениях, в целом бесспорных, подразумевается одно обстоятельство, несколько сужающее наши представления: жесткая прикрепленность интересов Пушкина-читателя к интересам Пушкина-литератора. Между тем — и мы покажем это в нашей работе — Пушкин читал не узко прагматически: в его текстах можно найти следы знакомства с историческими сочинениями, на первый взгляд далекими от избранной им темы.

Один из лучших комментаторов «Бориса Годунова» Г. О. Винокур, перечисляя источники, использованные Пушкиным при написании трагедии, называет, конечно же, многотомную «Историю» Карамзина и еще несколько памятников и работ о «Смутном времени». Обзор литературы Винокур завершает категорическим суждением: «Этим ограничивается круг исторических источников, которыми мог пользоваться Пушкин».<sup>1</sup>

Но дело обстоит не так просто. Название книги, обозначенное на титульном листе, далеко не всегда полностью раскрывает содержание труда. Пушкинисты, изучившие многотомную работу Голикова, тщательно рассматривали ее «по ведомству» истории Петра и его времени. Но вот что пишет историк, с пушкиноведением не связанный и изучавший голиковский труд просто как факт русской историографии XVIII столетия:

«Известно, что кроме 12 томов „Деяний Петра Великого“ Голиков написал еще 18 томов „Дополнений к деяниям Петра Великого“ (М., 1790—1797) <...>

Материал <...> здесь расположен по годам. Первые три тома „Дополнений...“ составляют „Введение“, под названием „Изображение предшествующих времен Петру Великому“. Изложение материала идет по царствованиям, начиная от Бориса Годунова».<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Пушкин в Полн. собр. соч., т. VII. Изд. АН СССР (1935) (первоначальный комментированный вариант тома), с. 467.

<sup>2</sup> Николаева А. Т. Вопросы источниковедения в трудах И. И. Голикова, посвященных Петру I. — В кн.: Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1966, т. 24, вып. 2, с. 105.

Таким образом, читая голиковский труд, Пушкин мог черпать из него материал не только о Петре, но и о «Смутном времени», о годах правления Бориса Годунова. В этой связи необходимо знать, когда Пушкин впервые познакомился с голиковскими «Деяниями». Вопрос этот уже ставился и решался. К сожалению, можно только гадать о том, было ли основное сочинение по истории Петра в библиотеке Царскосельского лицея, и о том, мог ли Пушкин прочесть его во времена южной ссылки. Но то, что Пушкин был знаком с многотомным Голиковым уже к 1825 г., доказано И. Л. Фейнбергом. Исследователь незавершенных работ Пушкина аргументирует это двумя соображениями. Во-первых, не особенно лестное в контексте выражение «голиковская проза» встречается в письме Пушкина к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 г. Во-вторых, историк М. Семевский, описывая библиотеку в усадьбе Тригорское, называет экземпляр «Деяний» Голикова в числе книг, которыми Пушкин пользовался в 1824—1825 г.<sup>3</sup>

Фейнберг подробно Голикова штудировал, но, занятый петровской темой у Пушкина, не соотнес «Изображение предшествующих времен Петру Великому» с «Борисом Годуновым». И наоборот: Винокур, изучая «Бориса Годунова», не заинтересовался Голиковым, — ведь эта книга, казалось ему, посвящена исключительно Петру.

Между тем Голиков более 300 страниц посвящает правлению Бориса и «Смутному времени».<sup>4</sup> А если учесть, что обращение Пушкина к библиотеке в Тригорском и его письмо к Бестужеву дают хронологический промежуток 1824—1825 гг. — как раз время работы над трагедией! — то станет ясной необходимость понять место «голиковской прозы» в кругу литературных источников «Бориса Годунова».

Действительно, сопоставление «Бориса Годунова» со II томом «Дополнений к деяниям» убеждает, что голиковский текст не безразличен к трани пушкинской трагедии. Такое сопоставление выявляет множество смысловых совпадений между текстом трагедии и историческим сочинением. Количество и характер таких соответствий убеждают в том, что они — не случайность.

Разумеется, это утверждение, как и всякое другое, имеет свои границы. И Голиков, и Карамзин, и Пушкин многое могли равноправно почерпнуть в изданных к тому времени документах и летописных сводах; Карамзин, несомненно, был знаком с «Деяниями»; наконец, многие сведения были традиционно общеизвестны. И все-таки привлечение голиковского «Изображения предшествующих времен Петру Великому» к изучению «Бориса Годунова» кажется плодотворным.

С этой точки зрения важным примером становится у Пушкина народная сцена «Девичье поле. Новодевичий монастырь», в конце которой идет диалог двух простолюдинов из толпы. Пытаясь изобразить свое бесцарственное сиротство, они силятся притворно заплакать, и один мажет глаза слюною. Протограф этого места у Пушкина Г. О. Винокур шлет в Карам-

<sup>3</sup> См.: Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 7-е изд. М., 1979, с. 86.

<sup>4</sup> См.: Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1790, т. I. — В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в основном тексте; арабская цифра в скобках указывает номер страницы.

зине и в 397-м примечании к основному тексту X тома находит невятную строку о людях, мазавших себе глаза слюною.<sup>5</sup> Между тем у Голикова этот факт включен в русло основного повествования и дан в контексте, несомненно сходном с пушкинским. Рассказывая о призвании Годунова на царство, Голиков пишет:

«Народ <...> подступал к монашествующей Царице, которая и сама весьма желала ему (Годунову, — В. Л., Н. Т.) царства, прося с воплем, чтобы она его к тому уговорила. Они казались все проливающими слезы, а многие в недостатке оных мочили глаза себе слюнами, дабы казаться плачущими» (58).

Здесь факт, использованный Пушкиным, находится не на периферии авторского сознания, как у Карамзина, но акцентирован, приведен в ряду основных соображений. Даже если Пушкин запомнил 397-е примечание к X тому Карамзина, ничто не мешает предположить, что в тексте трагедии отражены оба источника.

Подобным же образом усложняется происхождение текста сцены «Лес» в трагедии. Она, как известно, начинается указанием на присутствие Самозванца и боярина Пушкина и ремаркой: «В отдалении лежит конь издыхающий». Первая реплика Лжедмитрия:

Мой бедный конь! как бодро поскакал  
Сегодня он в последнее сраженье,  
И раненый как быстро нес меня.  
Мой бедный конь.

В свое время источник этого места трагедии вызвал полемический выпад Г. О. Винокура против И. Н. Жданова, который, не найдя соответствия цитированным строкам в томе Карамзина, пытался искать другие протографы. Винокур указал в XI томе «Истории государства Российского» место, где Лжедмитрий «на раненом коне ускакал в Севск».<sup>6</sup> Но сочинение Голикова равно выпало из поля зрения обоих исследователей. Между тем автор «Деяний» куда сильнее, чем Карамзин, подчеркивает эту деталь бегства. Самозванец, по Голикову, «едва сам мог спастись бегством, потому что лошадь под ним была сильно ранена» (163).

Здесь, как и в первом нашем примере, пушкинский текст может быть основан на слитном, равноправном восприятии источников.

Соответствия разных рангов и значимостей у Голикова и Пушкина весьма многочисленны. Вот лишь несколько пунктов из их длинного списка.

Голиков замечает, что женой Годунова «была дочь Малюты Скурадова» (61). Возможно, именно на это Пушкин откликается репликой Шуйского о Годунове: «татарин, зять Малюты, зять палача». Историк Петра обвиняет Бориса в том, что тот «повелевает тайно» доносить холопам на господ своих. Далее Голиков рассказывает о доносе слуг на родовитых бояр, доносе, который достигает царя через родственника его, Семена Годунова (67—68, 72). Точно такой же ход дела у Пушкина во второй сцене «Царские палаты», где диалог Бориса и Семена Годуновых начинается

<sup>5</sup> Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII (1935), с. 466.

<sup>6</sup> Там же, с. 461.

репликой боярина: «Ныпче Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья И Пушкина слуга пришли с доносом». В сцене «Москва. Дом Шуйского» боярин Пушкин, жалуясь на Годунова, спрашивает: «Знатнейшие меж нами роды — где? Где Сицкие князья, где Шестуновы, Романовы, отечества надежда?» — но эти же имена ссыльных Пушкин читал и у Голикова (74—75).

Не исключена и та вероятность, что знание «Дополнений» отразилось у Пушкина и в знаменитом монологе Бориса: «Достиг я высшей власти». Строкам из середины этого монолога —

Бог насылал на пашу землю глад,  
Народ завыл, в мученьях погибая;  
Я отворил им житницы. . . —

соответствует подробное, на нескольких страницах, голиковское описание голода 1603—1605 гг., в котором один из главных мотивов — раздача хлеба бедным из государевых житниц (81—83).

Пусть «голиковская проза» далеко не достигает художественной силы Карамзина, а тем более Пушкина, для нас важно только то, что здесь читатель встречает массу исторических реалий, знакомых ему прежде всего по пушкинской трагедии. Так, у Голикова Гришка Отрепьев в 1601 г. бежит в Польшу «сговорясь с двумя Чудова монастыря монахами Мисаилом Попадным и Варлаамом» (с. 123). Пушкин и Голиков фактически сходно рассказывают о сражении под Севском; в обоих текстах упоминаются одни и те же персонажи. Упомянув о почти полной победе Самозванца, Голиков продолжает: «Но некоторый Лифляндец, по имени Волмер Розен, находившийся в Царской Службе, и Яков Маржерет . . . с несколькими шквадронами Немецких рейтар, состоявших также в Царской Службе, все дело поправили. Они с такой храбростью напали, что отбили назад всю артиллерию. . .» (с. 162—163). Как видим, и сами персонажи, и их действия вполне соответствуют сцене трагедии «Равнина близ Новгорода-Северского», куда Пушкин переносит ход этих событий.

«Сей обманщик, — пишет Голиков о Самозванце, — продолжал учиться Латинскому языку» (134—135). Не здесь ли один из возможных источников реплики пушкинского Самозванца: «. . . мне знаком латинской Музы голос»? Или еще: в «Деяниях» Годунов, узнав о появлении Самозванца, выступает «с повелением, как из Москвы в Польшу, так из-за границы Польской, в Россию никого не пропускать» (138), и в тех же обстоятельствах пушкинский Борис велит: «Чтоб от Литвы Россия оградилась Заставами; чтоб ни одна душа Не перешла за эту грань; чтоб заяц Не прибежал из Польши к нам. . .»

Накопец, «Борис Годунов» завершается ремаркой «Народ безмолвствует», которой предшествует обращение к толпе боярина Мосальского: «Народ! Мария Годунова и сын ее Феофор отравили себя ядом. . .». Точно той же формулой пользуется и Голиков. В своей книге он обсуждает ложный, по его мнению, слух, будто Борис Годунов «из отчаяния отравил себя ядом» (175).

Но достаточно. Нашей подборкой примеров мы далеко не исчерпали «переключек» между историческим сочинением и пушкинской трагедией, —

в этом, пожалуй, и нет надобности. Ясно, что Пушкин черпал материал не только у Карамзина, но и у Голикова, или, по меньшей мере, несомненно имел такую возможность.

Вместе с тем отмеченные места, как правило, параллельны не только у Пушкина и Голикова, но также и у Пушкина и Карамзина. Тем интереснее случай смыслового и текстуального совпадения Пушкина и Голикова там, где Карамзин молчит. Как известно, сцена «Ночь. Сад. Фонтан» есть та часть трагедии, где автор далеко отступает от карамзинского первоисточника: вся она плод вольного творческого воображения Пушкина. В «Истории государства Российского» нет ничего, что напомнило бы гордую речь Самозванца:

Тень Грозного меня усыновила,  
Димитрием из гроба нарекла,  
Вокруг меня народы возмутила  
И в жертву мне Бориса обрекла...

В этих знаменитых строках мы находим важный акцент на возмущении народов вокруг Самозванца, — недаром же глагол «возмутила» стоит на конце строки и рифмуется. Тот же акцент и в том же словесном выражении — «смutil», «самозванцом возмущенное спокойствие» — присутствует в голиковском пересказе грамоты Василия Шуйского, написанной после убийства Лжедмитрия.

Вот точный текст Голикова:

«В грамоте своей Царь *Василей Иванович* изъявил сожаление свое, что злодей Гришка Отрепьев, похитивший на себя ложно имя Царевича *Дмитрия Ивановича*, обольстил Польшу и смutil оба государства, давал в то же время почувствовать Королю его неправды, что сему злодею он поверил, за крестным целованием помогал ему войском, что однакоже сего злодея всем государством в Москве убили, и он *Василей* возведен на престол Российским Царем, что он, желая со своей стороны восстановить между государствами самозванцом возмущенное спокойствие, посылает посольство для подтверждения <...> мира» (305—306).

Полезно заметить, что мотив возмущения государств и народов в обоих случаях возникает при разоблачении Самозванца; только у Пушкина это саморазоблачение, а у историка — акция московского правительства.

Трагедия «Борис Годунов» была завершена Пушкиным на рубеже 20—30-х годов и вышла из печати в январе 1831 г. Но это не означает, что с той поры Пушкин перестает размышлять над темой «Смутного времени» и — шире — над теми путями, которыми шла история России. В его раздумьях 30-х годов роль голиковских «Деяний» несомненно повышается — ведь Пушкин приступает к работе над темой Петра Великого. Вполне понятно, что масса конкретных деталей о «Смутном времени» на страницах «Дополнений к деяниям», уже не важных, отступает на второй план. Но знакомство именно с этими страницами отзывается теперь у Пушкина иначе, как бы переходит в иное качество.

Выше мы отметили, что Голиков не случайно открывает свое сочинение о Петре повествованием о царствовании Бориса Годунова и «Смут-

ном времени». В этих событиях автор видел предысторию Петра, отмечал ими начало нового этапа развития России.

Точно так же намеревался поступить и Пушкин.

Набрасывая план введения к своей «Истории Петра», Пушкин проводит отчетливую историческую границу именно по годам гоудуновского правления. План не оставляет в этом сомнения:

«Законы, более обычаи, нежели законы — неопределенны, судьбы безграмотные. Дьяки плуты. (Нравы дикие, свирепые etc.).<sup>7</sup> Просвещение развивается со времен Бориса...» (X, 291).

Мы видели, сколь разнообразны слагаемые многих мест пушкинского текста. Слагаемые исторической концепции Пушкина неизмеримо сложнее. Поэтому мы не возьмем на себя смелость утверждать, что Пушкин, относя начало просвещения ко времени царствования Бориса Годунова, просто повторяет голиковскую периодизацию. Но то, что Пушкин здесь с Голиковым согласен, явно повышает значение «Деяний» в мире пушкинского творчества.

Таким образом, работа Пушкина над исторической темой в 20—30-е годы может быть осмыслена и как великое разнообразие, и как некое высокое единство. Одним из признаков этого единства служит опора на Голикова на протяжении целого десятилетия, отделяющего «Бориса Годунова» от «Истории Петра».

*В. С. Листов, Н. А. Тархова*

---

### К ДАТИРОВКЕ ПЕРЕВОДА ПУШКИНА ИЗ «КОНРАДА ВАЛЛЕНРОДА» МИЦКЕВИЧА

Поэма Мицкевича «Конрад Валленрод» появилась в Петербурге отдельным изданием в феврале 1828 г. 21 февраля в № 22 «Северной пчелы» была напечатана заметка Булгарина о выходе поэмы. В апреле в «Московском вестнике» (№ 7—10) начал печататься прозаический перевод ее, сделанный С. П. Шевыревым. Некоторые исследователи относили пушкинский перевод из произведения Мицкевича ко времени после выхода в свет всей поэмы. «... надо думать, что перевод был сделан Пушкиным в начале 1828 г., едва поэма Мицкевича вышла из печати», — писал Н. О. Лернер.<sup>1</sup>

В течение долгого времени основанием для датировки служили два документа. Во-первых, письмо Н. М. Языкова к брату Александру от 18 января 1828 г., в котором он выразил неодобрение попытке Пушкина переводить из Мицкевича, не зная польского языка: «Илличевский, кажется, не знает по-польски, Пушкин — тоже; как же они пускаются в переводы с польского? Чудны дела твои, господи».<sup>2</sup> Во-вторых, письмо Мицкевича к Одынцу от 22 марта 1828 г., в котором он писал: «Пушкин перевел на-

---

<sup>7</sup> Выражение в скобках вынесено Пушкиным на поля рукописи.

<sup>1</sup> Пушкин/ Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1910, т. IV, с. XLIX.

<sup>2</sup> Исторический вестник, 1883, декабрь, с. 526



чало Валленрода, несколько десятков стихов».<sup>3</sup> На основании этих источников М. И. Аронсон датирует перевод мартом 1828 г.,<sup>4</sup> академическое издание — январем—мартом 1828 г. (III, 1156), десятитомник под ред. Б. В. Томашевского — мартом 1828 г.,<sup>5</sup> польский исследователь Тыц — январем—февралем 1828 г. (он же относит издание «Конрада Валленрода» к январю 1828 г.).<sup>6</sup> В. Г. Чернобаев высказал предположение, что перевод мог быть начат в 1827 г.; при этом он не только не обосновал достаточно это предположение, но и связал его с ошибочными датами. Так, например, появление сонетов Мицкевича в переводе Вяземского он относит к 1826 г. вместо 1827-го, а выполненный Мицкевичем перевод пушкинского «Воспоминания» датирует 1827 г., тогда как стихотворение написано Пушкиным в мае 1828 г., а перевод Мицкевича печатается во всех изданиях с датой «1828».<sup>7</sup>

Вопрос о передатировке встал в связи с новой публикацией воспоминаний А. А. Скальковского, одного из польских друзей Мицкевича, бывшего студента Виленского университета, жившего одно время в Москве, по его собственным словам «почти в одной квартире» с Мицкевичем.<sup>8</sup> Приводим из этих воспоминаний текст, относящийся к нашей теме (с сохранением пунктуации и стиля подлинника). Скальковский рассказывает о визите Пушкина к Мицкевичу, при котором он присутствовал: «... Мицкевич импровизировал одну главу из своего Валленрода, которого хотел печатать в Москве, но ждал своего брата. Пушкин сказал: как бы я желал иметь подстрочный перевод этой главы — а Мицкевич перевел ее ему по-французски. — А вот кстати юноша, который так знает и русский, как и польский. И просил меня [Пушкин]: так как ты во время его импровизации списывал его стихи — переведи это место. Я согласился сейчас же, но извинился перед Пушкиным, если моя работа не будет хороша. — Уж верно будет не хуже литературных ворохов Полевого, — сказал Пушкин. Я сейчас же перевел, хотя плохо писать «наспех» такие серьезные вещи. Пушкин прочитал, положил в карман и кивнул мне слегка головой. Это поддало мысль Погодину и его сотруднику Шевыреву упросить Мицкевича о переводе постепенном Валленрода прозой и напечатать в Московском вестнике. Я работал целый месяц. Шевырев, разумеется, исправлял мою грубую литературу — но все-таки Пушкин был доволен и сам после из этой работы сделал прекрасный перевод отдельной части Валленрода.

<sup>3</sup> Mickiewicz A. Dzieła, «Czytelnik», Warszawa, 1955, t. XIV, s. 375.

<sup>4</sup> См.: Аронсон М. И. «Конрад Валленрод» и «Полтава». (К вопросу о Пушкине и московских любомудрах 20—30-х годов). — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936, т. II, с. 53.

<sup>5</sup> См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949, т. III, с. 487.

<sup>6</sup> См.: Tyc J. Puszkiniowskie przekłady z Mickiewicza. — В кн.: Puszkini, 1837—1937. Kraków, 1939, t. II, s. 17.

<sup>7</sup> См.: Чернобаев В. Г. К вопросу о литературных связях Пушкина и Мицкевича. Пушкин и поэма Мицкевича «Конрад Валленрод». — Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, 1938, т. XIX, с. 87—109.

<sup>8</sup> См.: Ланда С. С. Пушкин и Мицкевич в воспоминаниях А. А. Скальковского. — В кн.: Пушкин и его время. М.; Л., 1962, вып. 1, с. 274—280. — По словам публикатора, достоверность данных воспоминаний «достаточно велика, так как Скальковский пользовался своими дневниковыми записками».

Мне в знак благодарности па вечере у кн. Вяземского — а что, любезный, ты не наврал там в своей тетрадке? — Князь сказал, что перевод очень верен. — Ну и слава богу».

С. С. Ланда, основываясь на фразе: «Мицкевич ждал своего брата», относит эпизод, рассказанный Скальковским, к весне 1827 г., т. е. ко времени, когда «Мицкевич интенсивно работал над завершением поэмы», и исходя из этого предлагает датировать перевод Пушкина весной 1827 г.<sup>9</sup> Александр Мицкевич приехал в Москву в августе 1827 г., а за три месяца до того, в ночь с 19 на 20 мая, уехал из Москвы в Петербург Пушкин. Если проследить итинерарий Пушкина и Мицкевича, то выяснится, что после знакомства в сентябре—октябре 1826 г. они оба одновременно были в Москве до 3 ноября 1826 г., когда Пушкин уехал в Михайловское, и с 20 декабря 1826 г. до 20 мая 1827 г. Следующая встреча состоялась уже в Петербурге, где Мицкевич был с 4 декабря 1827 г. по 27 января 1828 г.<sup>10</sup> по делам, связанным с изданием «Конрада Валленрода».

В письмах к Одынцу 1827—1828 гг. Мицкевич только дважды упоминает о Пушкине. Первый раз — в марте 1827 г., второй раз — в упомянутом уже письме от 22 марта 1828 г. в следующем контексте: «Жуковский, с которым я познакомился и который мне очень понравился, писал, что если возьмется еще за перо, посвятит его переводу моих стихов. Пушкин перевел начало Валленрода, несколько десятков стихов».<sup>11</sup> Это письмо написано после большого перерыва; предыдущее, где поэт рассказывает о литературной жизни Москвы и сообщает о завершении работы над поэмой, относится к ноябрю 1827 г. После этого Мицкевич послал другу только две коротенькие деловые записочки (в декабре и январе), одна из которых является припиской к письму А. Ходзько.<sup>12</sup> Поэтому в письме от 22 марта Мицкевич вспоминает события почти четырехмесячной давности. Встреча с Жуковским относится к первой половине декабря 1827 г., а письмо Жуковского, о котором упоминает Мицкевич, адресовано А. П. Елагинной и написано 17 декабря. «Ваш Мицкевич был у меня, — писал Жуковский. — Мне он очень по сердцу. Он должен быть великий поэт. Я ничего из его творений не знаю; но то, что он прочитал мне в плохой французской прозе из своего вступления поэмы, им конченной, превосходно. Если бы я теперь писал или имел время писать, я бы тотчас кинулся переводить эту поэму. Дышит жизнью Валтер Скотта».<sup>13</sup>

Известно, что «взыскательный художник» Мицкевич не был вполне доволен своей поэмой. Об этом мы знаем из ноябрьского письма к Одынцу. Мицкевич пишет, что «Валленрод» «уже давно закончен» и дальше: «„Валленродом“ я не очень доволен: есть красивые места, но не все мне по вкусу».<sup>14</sup> Очевидно, вступление, предюженное на суд Жуковскому, сам Мицкевич считал наиболее удачным отрывком, относил к «рієкпет» местам поэмы, и можно думать, что оно уже было апробировано в Москве,

<sup>9</sup> См.: Ланда С. С. Пушкин и Мицкевич по воспоминаниям А. А. Скальковского, с. 279.

<sup>10</sup> См.: Mickiewicz A. Dzieła, t. XIV, s. 366—367.

<sup>11</sup> Там же, s. 375.

<sup>12</sup> См.: Там же, s. 353.

<sup>13</sup> Русский архив, 1898, № 1, с. 83.

<sup>14</sup> Mickiewicz A. Dzieła, t. XIV, s. 354.

т. е., что в отрывок, который Мицкевич «импровизировал» при Пушкине и Скальковском, было включено и вступление к поэме. Вспомним, что Пушкин просил Скальковского перевести конкретный, заинтересовавший его кусок поэмы («переведи мне это место»). Таким образом, очевидно, что весной 1827 г. Пушкин имел наспех сделанный Скальковским подстрочник вступления. Его «вальтерскоттовский» колорит, отмеченный Жуковским, должен был увлечь и Пушкина. Поэт, вероятно, сразу же приступил к работе над ним, не дожидаясь полного подстрочника, заказанного Скальковскому Погодиным, ибо только недоверием к наспех сделанному переводу можно объяснить слова Пушкина на вечере у Вяземского: «А что, любезный, ты не наврал там в своей тетрадке?».

Начало работы над переводом действительно может относиться к московскому периоду жизни Пушкина, т. е. ко времени, когда «Валленрод» не был закончен Мицкевичем. Однако в апреле 1827 г. о намерении Пушкина сделать перевод из Мицкевича не знали еще его ближайшие друзья. Около 30 апреля вышел номер «Московского телеграфа» с сонетами Мицкевича в прозаическом переводе Вяземского и с предисловием, в котором переводчик призывал Пушкина и Баратынского «освятить своими именами желаемую дружбу между русскими и польскими музами».<sup>15</sup>

Письмо Мицкевича к Одынку свидетельствует, что автор «Валленрода» был знаком с переводом Пушкина. Он не просто отождествляет отрывок Пушкина с «началом» поэмы, а пишет точнее: «несколько десятков стихов» (Пушкин перевел 38 из 51 строки «Вступления»). С переводом Мицкевич мог познакомиться или до 19 мая 1827 г., т. е. во время пребывания Пушкина в Москве, или в декабре-январе 1827—1828 гг., когда сам Мицкевич был в Петербурге. Первое предположение опровергается ноябрьским письмом Мицкевича к Одынку. Сообщая о литературной жизни Москвы и о своем участии в ней, он не преминул бы упомянуть и такой значительный факт, как интерес к своей поэме, проявленный первым поэтом России. Это позволяет предположить, что в ноябре о переводе Пушкина польский поэт не знал и познакомился с ним только в Петербурге. В таком случае одновременное сообщение в письме к Одынку о встрече с Жуковским и о переводе Пушкина вполне объясняется общностью петербургских впечатлений поэта. Напомним, что 17 декабря о переводе Пушкина, по-видимому, не знал еще Жуковский — иначе трудно объяснить почему, похвалив в письме к Елагиной вступление к поэме, он жалеет, что не имеет досуга, чтобы перевести ее. В контексте письма упоминание о переводе Пушкина было не только уместно, но и неизбежно. В то же время в первой половине января о переводе Пушкина уже знал живший в Дерпте Н. М. Языков. Сам Языков в это время с Пушкиным не переписывался и сведения, им получаемые, шли из вторых рук. Наиболее аккуратным корреспондентом Языкова был Е. Аладьин, от которого и могли дойти до Языкова известия о переводе Пушкина.<sup>16</sup> Следовательно, не позже чем в самом начале января круг

<sup>15</sup> Московский телеграф, 1827, № 7, с. 222.

<sup>16</sup> См. в письме Языкова к братьям от 4 августа 1828 г.: «Аладьин меня не спускает с глаз. Присылает мне книги немецкие и русские, кланяется мне от Пушкина, непрестанно просит стихов» (Языковский архив, СПб., 1913, с. 367).

лиц, знакомых с переводом Пушкина, был достаточно широк. Это свидетельствует, что перевод был закончен не позже декабря 1827 г. Скорее всего встреча Мицкевича с Жуковским и похвалы Жуковского могли послужить стимулом для завершения перевода, начатого Пушкиным еще весной 1827 г.

Все вышеизложенное позволяет следующим образом датировать работу Пушкина над переводом из «Конрада Валленрода» Мицкевича: май—декабрь 1827 г.

*Я. Л. Левкович*

---

## ИЗ РЕАЛЬНОГО КОММЕНТАРИЯ К ПОЭМЕ «ДОМИК В КОЛОМНЕ»

Болдинская поэма «Домик в Коломне» наполнена большим количеством реалий российского быта конца 1820-х годов, часть которых до сих пор остается нераскрытой. Ниже предлагается реальный комментарий к некоторым строкам поэмы, как вошедшим в окончательный текст, так и оставшимся в черновых вариантах.

### 1

Что в желтый дом могу на повоселье  
Как раз попасть...

(V, 371)

Эти строки содержатся в первоначальной наброске двух неполных октав, который считают первым подступом Пушкина к «Домику в Коломне». Записаны эти октавы на отдельном листке, на обороте которого мы находим автопортрет Пушкина, словно всматривающегося в лицо другого человека.

Упоминание о новом доме умалишенных вызвано распространившимися в Петербурге слухами, отразившимися, в частности, в письме Вяземского А. И. Тургеневу (октябрь 1828 г.):

«Несчастный Батюшков здесь, и все в том же положении. Я хотел его видеть и, с согласия его доктора, написал ему предварительную записку, но он кинул ее на пол и сказал, что никакого Вяземского не знает, потому что он сто лет уже умер <...> Говорят, что в Петербурге заводится на Петергофской дороге дом для сумасшедших под ведомством вдовствующей государыни. Должно надеяться, что это заведение получит хорошее образование, и тогда думают поместить Батюшкова туда <...> Из числа несчастных сибиряков (т. е. декабристов, — С. Ф.) помещался князь Федор Шаховской, поселенный».<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Остафьевский архив, т. 2, с. 179.

Более подробные сведения о доме для умалишенных мы находим в очерке о Больнице всех скорбящих, напечатанном в «Северной пчеле»:

«Первая градская больница (Обуховская) основана в С.-Петербурге (1784) <...> и при ней учреждено особое отделение для пользования умалишенных <...> Богоугодные заведения 1828 года 6 января С.-Петербургского приказа общественного призрения, а в числе их и дом умалишенных поступили в управление попечительного совета, под гласным начальством государыни императрицы Марии Федоровны. По совету лучших, опытных врачей избрана для сего и куплена дача, принадлежавшая князю Щербакovu, по Петергофской дороге в семи верстах от столицы».<sup>2</sup>

Строка о желтом доме Пушкина, впрочем, была исправлена (Что хмель хорош, но каково [похмелье]? — V, 371). Нетрудно понять, почему. Дело в том, что избранная строфа (октава) могла вызвать у читателей нежелательное сближение Пушкина с автором «Освобожденного Иерусалима».<sup>3</sup> Согласно легенде, Торквато Тассо в свое время был заключен в дом для умалишенных из-за любви к графине Д'Эсте; Пушкин же с 1829 г. был занят трудно для него складывающимся сватовством к Наталье Гончаровой.

О том, что мысль о Торквато Тассо тревожила в это время воображение Пушкина, неопровержимо свидетельствует рисунок на обороте автографа: рядом с собственным — поэт изобразил там профиль великого итальянца.

Попутно остановимся на вопросе о времени создания полутора октав «Пока меня без милости бранят...» (V, 371).

Они явились прямым откликом Пушкина на статью Никодима Надоумко (Н. Надеждина) о поэме «Полтава», напечатанную в «Вестнике Европы».<sup>4</sup> Статью эту Пушкин прочитал во Владикавказе, о чем впоследствии вспоминал в «Путешествии в Арзрум»: «У Пуцина на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески брали меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пуцин остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование Пуцина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца.

Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве» (VIII, 483).

Возможно, тогда и были написаны пушкинские октавы (во Владикавказ поэт приехал 10 августа 1829 г.). Во всяком случае Пушкин сочинил

<sup>2</sup> Северная пчела, 1834, 3 февраля, № 28, с. 112.

<sup>3</sup> См.: Ф о м и ч е в С. А. Пародийный план поэмы «Домик в Коломне». — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1980.

<sup>4</sup> Ср.: Вестник Европы, 1829, № 9. — Цензурное разрешение этого номера помечено 3-м мая 1829 г., Пушкин же выехал из Москвы на Кавказ двумя днями раньше.

их не позже 20-х чисел сентября, когда стало известно о заключении Адрианопольского мира (ср.: «А русские Камиллы, Анибалы вперед идут...»)<sup>5</sup>

## 2

Мне доктором запрещена унылость...

(V, 86)

Известно, что осенью 1830 г. вокруг Болдина бушевала эпидемия холеры. В это время по всем российским губерниям, подверженным эпидемии, был распространен циркуляр министра внутренних дел, генерал-адъютанта графа Закревского. Здесь в числе обстоятельств, способствующих распространению холеры («сырой и холодный воздух», «пища и питье неудобоваримые» и т. п.), указывалась и такая: «уныние и беспокойство духа, гнев, страх». Любопытно, что в «способах предохранения от холеры» ей соответствовал следующий: «душевное успокоение, находимое в вере, в надежде на промысел божий и попечение его помазанника».<sup>6</sup>

На этот циркуляр и намекал Пушкин в приведенной выше строке. Его же он имел в виду, когда писал А. Н. Верстовскому (ноябрь 1830 г.): «Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив <...> Итак, пускай он купается в хлоровой воде, пьет мяту — и, по приказанию графа Закревского, не предастся унынию...» (XIV, 128).

*С. А. Фомичев*

## 3

... Поплетусь-ка дале,  
Со станции на станцию шагком,  
Как говорят о том оригинале,  
Который, не кормя, на рысаке  
Приехал из Москвы к Неве-реке.

(V, 85)

В последнее время было обращено внимание на возможный полемический аспект этих строк, завершающих VII октаву «Домика в Коломне». В конце марта 1830 г. появилась печально знаменитая рецензия Ф. Булгарина на седьмую главу «Евгения Онегина». Соотвоя с этой рецензией ряд пассажей «Домика в Коломне», новейший исследователь пушкинской поэмы пишет:

«Булгарин предваряет свою рецензию эпиграфом из „Онегина“:

Как стих без мысли в песне модной,  
Дорога зимняя гладка,

---

<sup>5</sup> Пушкин возвратился в Москву 20 сентября. 23 сентября был подписан высочайший манифест о заключении Адрианопольского мира (см.: Северная пчела, 1829, 24 сентября, № 115).

<sup>6</sup> Прибавление к № 117 «Северной пчелы» (1830, 30 сентября).

негодует на сниженное описание Москвы в романе и подытоживает: „Больно и жалко, но должно сказать правду. Мы видели с радостью под-облачный полет певца „Руслана и Людмилы“ и теперь с сожалением ви-дим печальный *поход его Онегина, тихим шагом, по большой дороге на-шей словесности*“. Пушкин откликается на это:

... Поплетусь-ка дале... и т. д.<sup>7</sup>

При всем историко-литературном интересе, который представляет дан-ное наблюдение, ключа к пониманию образа «оригинала» и его своеобраз-ной характеристики («...») оно не дает. Между тем существует любопытное эпистолярное свидетельство, которое, как представляется, заключает в себе реальный комментарий к этой октаве.

Ф. В. Ростопчин писал из Петербурга своему близкому другу Д. И. Киселеву: «Московских здесь я вижу Архаровых, соседа моего Ци-цианова, у которого лошадь скачет 500 верст не кормя».<sup>8</sup> В этом письме сделан намек на один из цыциановских анекдотов, который, как мы полагаем, и лег в основу VII октавы «Домика в Коломне».

Хотя письмо Ростопчина содержит не рассказ, а лишь намек на него, мы можем попытаться восстановить его сюжетную основу по аналогии с другими рассказами Цицианова. В устном творчестве этого знаменитого остролова, о котором Пушкин писал, что ему приписывают «всякие остроумные вымыслы» (XI, 23), выделяется тип рассказа, где пуантирую-щим моментом является «псевдообъяснение», претендующее на правдопо-добие, но на деле лишь усиливающее фантастичность всего эпизода. Таков, например, анекдот о пчелх, пересказанный А. Я. Булгаковым (иногда он приписывался и П. И. Румянцеву-Задунайскому):

«Случилось, что в одном обществе какой-то помещик, слывший боль-шим хозяином, рассказывал об огромном доходе, получаемом им от пчело-водства, так что доход этот превышал оброк, платимый ему всеми кре-стьянами, коих было слишком сто в той деревне.

— Очень вам верю, — возразил Цицианов, — но смею вас уверить, что такого пчеловодства, как у нас в Грузии, нет нигде в мире.

— Почему так, ваше сиятельство?

— А вот почему, — отвечал Цицианов, — да и быть не может иначе; у нас цветы, заключающие в себе медовые соки, растут, как здесь кра-пива, да к тому же пчелы у нас величиною почти с воробья; замеча-тельно, что когда они летают по воздуху, то не жужжат, а поют, как птицы.

— Какие же у вас ульи, ваше сиятельство? — спросил удивленный пчеловод.

— Ульи? Да ульи, — отвечал Цицианов, — такие же, как везде.

— Как же могут столь огромные пчелы влетать в обыкновенные ульи?

---

<sup>7</sup> Фомичев С. А. К творческой истории поэмы «Домик в Коломне». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980, с. 57. — Курсив ав-тора статьи.

<sup>8</sup> Русский архив, 1863, № 12, с. 892.

Тут Цицианов догадался, что, басенку свою пересоля, он приготовил себе сам ловушку, из которой выпутаться ему трудно; однако же он немало не задумался:

— Здесь об нашем крае, — продолжал Цицианов, — не имеют никакого понятия... Вы думаете, что везде так, как в России? Нет, батюшка! У нас в Грузии отговорок нет: *хоть гресни, да полезай!*

Того же типа — ответ Цицианова некоему приятелю, к которому он явился сухим во время проливного дождя. «Ты в карете?» — спрашивают его. «Нет, я пришел пешком». — «Да как же ты не промок?» — «О (отвечает он), я умею очень ловко пробираться между каплями дождя».<sup>9</sup>

Если письмо Ростопчина и VII октава пушкинской поэмы имеют в виду один и тот же анекдот, его можно реконструировать приблизительно следующим образом: «У меня такая лошадь, что скачет 500 верст не кормя». Собеседник требует ответа, каким образом это может быть совершенно. «А так — со станции на станцию шажком». Фраза, включенная Пушкиным в «Домик в Коломне», по-видимому, была тем самым пуантирующим псевдообъяснением, примеры которого мы приводили выше.

Нам уже приходилось указывать, что другой «дорожный» рассказ Д. Е. Цицианова нашел отражение в тексте XXXV строфы седьмой главы «Евгения Онегина» и в примечании к ней.<sup>10</sup> Вообще до настоящего времени были известны четыре случая, когда Пушкин упоминает Д. Е. Цицианова; теперь их число увеличивается до пяти. Они свидетельствуют об устойчивом интересе поэта к личности известного в свое время рассказчика и остролова и к его своеобразному устному творчеству. Но каковы непосредственные источники сведений о Д. Е. Цицианове у Пушкина? В «Воображаемом разговоре с Александром I» он писал: «...всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы к «нязю» Цицианову» (XI, 23). В качестве источника здесь можно предположить паличие семейных преданий, московских контактов Сергея и Василия Львовичей Пушкиных, но достоверно о них ничего не известно. Совсем по-другому обстоит дело с позднейшими упоминаниями имени Цицианова. В 1828 г. Пушкин знакомится с А. О. Смирновой-Россет, которой Д. Е. Цицианов приходился двоюродным дедом и в семействе которой существовал целый культ цициановского устного рассказа.<sup>11</sup> Именно через нее, по всей вероятности, и пришел к Пушкину рассказ, который нашел отражение в VII октаве «Домика в Коломне» (напомним, что работа над поэмой шла в течение октября 1830 г., а первые наброски были сделаны еще в 1829 г., т. е. в скором времени после того, как состоялось знакомство со Смирновой-Россет).

Какое же место занимает цициановский рассказ в поэтической си-

---

<sup>9</sup> Вяземский П. А. Старая записная книжка. — В кн.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883, т. VIII, с. 146; ср. вариант этого рассказа: Русский архив, 1889, кн. 2, с. 86.

<sup>10</sup> См.: Курганов Е. Я. К истории одного авторского примечания к «Евгению Онегину». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981, с. 114—116.

<sup>11</sup> См.: Смирнова-Россет А. О. Записки. М., 1895, с. 95; Смирнова-Россет А. О. Автобиография. М., 1931, с. 27, 121 и др.; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. 2, с. 543, 548—549.



семе «Домика в Коломне»? Л. П. Гроссман в работе «Искусство анекдота у Пушкина» указывал на «первостепенное значение» анекдота в построении «тех произведений Пушкина, которые он охотно называл „шутливыми повестями“ или „легкими веселыми рассказами“. Этот вид обнимает и поэмы, и прозаические произведения: „Граф Нулин“, „Домик в Коломне“, „Барышня-крестьянка“ одинаково относятся к нему».<sup>12</sup> Отметим, что эти произведения не просто ориентированы на анекдот как на определенный забавный и вместе с тем комический эпизод, — они насковзь анекдотичны, пародийно-шутливая стихия буквально пронизывает их. И цидановский рассказ, нашедший отражение в «Домике в Коломне», является пусть всего лишь эпизодом, но эпизодом достаточно симптоматичным, точно вписывающимся в поэтическую систему поэмы.

*Е. Я. Курганов*

---

## ИЗ БОЛДИНСКОЙ БИОГРАФИИ ПУШКИНА

### І. «Знаете ли вы эту княгиню Голицыну?»

В дни знаменитой болдинской осени, 30 сентября 1830 г., Пушкин совершил поездку в имение княгини Голицыной.

Мы узнаем об этом из его письма, адресованного Н. Н. Гончаровой 26 ноября. «Немного резкое», по собственному признанию поэта, оно являлось ответом невесте:

«Из вашего письма от 19 ноября вижу, что мне надо объясниться. Я должен был выехать из Болдина 1-го октября. Накануне я отправился верст за 30 отсюда к кн. Голицыной, чтобы точнее узнать количество карантинов, кратчайшую дорогу и пр. Так как имение княгини расположено на большой дороге, она взялась разузнать все доподлинно». Перечислив далее все обстоятельства, помешавшие его выезду, Пушкин добавлял: «Итак, вы видите (если только вы сообразовали мне поверить), что мое пребывание здесь вынужденное, что я не живу у княгини Голицыной, хотя и посетил ее однажды <...> и что вы несправедливо смеетесь надо мной» (XIV, 126, 420, подлинник по-французски).

Через неделю, уже по дороге в Москву, посылая Наталье Николаевне записку из Платавского карантина, он снова вспоминал ее письмо: «Как у вас хватило духу написать мне его? Как могли вы подумать, что я застрял в Нижнем из-за этой проклятой княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Голицыну? Она одна толста так, как все ваше семейство вместе взятое, включая и меня. Право же, я готов снова наговорить резкостей» (XIV, 129, 421).

Писем самой Натальи Николаевны к Пушкину, как известно, не сохранилось, но из приведенных строк можно легко догадаться, о чем она писала жениху 19-го ноября.

---

<sup>12</sup> Гроссман Л. Этюды о Пушкине. М.; Л., 1923, с. 58—59.

Прежние увлечения поэта, как и вся его жизнь, были предметом многочисленных слухов и разговоров. Еще из Москвы, уезжая в Болдино, Пушкин невесело сообщал другу: «...московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отседа размовки, колкие обиняки, ненадежные примирения...» (XIV, 110). Несомненно, что весть о посещении Пушкиным княгини Голицыной дошла до невесты через общих знакомых, и в письме были высказаны «колкие обиняки» и намеки на то, что княгиня является истинной причиной длительной задержки поэта в деревне.

Но кто же была эта княгиня Голицына? Где, на какой «большой дороге» находилось ее имение, «верст за 30» от Болдина? Ни в одном издании писем Пушкина мы не найдем примечаний с ответами на эти вопросы, и личность «княгини Голицыной» остается пока не установленной.

Правда, сравнительно недавно в печати появились две гипотезы по этому поводу, по обе они не имеют достаточно серьезных оснований.

В книге И. Д. Воронина в этой связи называется имя Евдокии Ивановны Голицыной, известной хозяйки светского салона в Петербурге.<sup>1</sup> В Сергачском уезде Нижегородской губернии ей принадлежало село Пожарки, расположенное неподалеку от большой дороги, ведущей в город Сергач, куда Пушкину дважды приходилось выезжать по хозяйственным делам. Это обстоятельство и послужило основным аргументом для предположения о встрече Пушкина именно с нею в ее нижегородском имении. Но о пребывании Е. И. Голицыной в Пожарках осенью 1830 г. не имеется никаких сведений. Все, что известно об этой светской, тогда уже пятидесятилетней женщине, привыкшей к определенному образу жизни, заставляет усомниться в реальности ее приезда в деревню. Да и расположение самого имения в стороне, противоположной пути на Москву, не сообразуется с целью поездки, указанной поэтом в письме к невесте.

Другая версия основана на кратком упоминании в газетной заметке юбилейного 1899 г.<sup>2</sup> Ссылаясь на нее, Л. А. Черейский считает, что этой таинственной княгиней была Анна Сергеевна Голицына, урожденная Всеволожская.<sup>3</sup> Но ни Анна Сергеевна, ни ее родные не числились среди дворян-землевладельцев Нижегородской губернии;<sup>4</sup> какие-либо доказательства посещения ею тех мест также отсутствуют. В 1830 г. ей было уже 56 лет, — возраст, по тем временам для женщины настолько почтенный, что она не могла быть объектом игривых предположений, высказанных даже в шутку воспитанной 18-летней девицей...

Несомненно, что упоминавшаяся Голицына была женщиной нестарой, достаточно привлекательной (ведь Пушкин сослался лишь на ее необыкновенную полноту) и известной в кругу общих знакомых Гончаровых и Пушкина.

---

<sup>1</sup> См.: Воронин И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976, с. 166—167.

<sup>2</sup> См.: Овсянников Н. Болдино и воспоминание о Пушкине. — Московские ведомости, 1899, № 96, с. 3 («...Пушкин, живя в Болдине, ездил к княгине Голицыной, урожденной Всеволожской»).

<sup>3</sup> См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 103—104.

<sup>4</sup> Предположение Л. А. Черейского о принадлежности ей села Цаново-Оганово — ошибочно.

Занимаясь болдинской биографией поэта, попыталась и я уточнить эпизод, связанный с поездкой Пушкина 30 сентября.

По различным архивным документам о землевладельцах Нижегородской губернии мне удалось установить, что в том же Лукояновском уезде, где числилось село Болдино, располагалось и наследственное имение князей Голицыных (одной из ветвей этого старинного и многочисленного рода).<sup>5</sup> На старых губернских (и поуездных) картах «большим столбовым дорогам» 1830-х годов<sup>6</sup> можно увидеть, что по Лукояновскому уезду проходил большой почтовый тракт, соединявший Москву с Саранском и Пензой (через Арзамас и Лукоянов). Именно этот прямой путь на Москву и мог заинтересовать Пушкина в первую очередь, когда он пытался выяснить кратчайшую дорогу, расположение карантин и возможность выезда из губернии. Непосредственно на этом тракте, недалеко от «заштатного» города Починки (расположенного в 205 верстах от Нижнего) и находилось село «Рождественское, Пеля Хованская тож», принадлежавшее Голицыным. По сведениям экономических поуездных описаний в конце XVIII в. там уже стоял господский деревянный дом с фруктовым садом, обсаженным «преспектом», насчитывалось 200 крестьянских дворов, имелись церковь «деревянная, рождества христова» и «казенной питейной дом».<sup>7</sup>

В 1830-е гг. владельцем села был Владимир Сергеевич Голицын, фигура очень известная в обществе того времени. Участник Отечественной войны 1812 года, бывший флигель-адъютант Александра I, в 1820-е гг. он воевал на Кавказе, а впоследствии дослужился до генерал-майора, затем тайного советника и сенатора. Человек образованный и одаренный, Голицын был большим знатоком и любителем музыки, не чуждался и литературы; в доме его устраивались музыкальные вечера, собирались артисты и литераторы. Ему принадлежали переводы на русский язык нескольких оперных либретто и музыка на слова татарской песни из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

Напомним, что В. С. Голицын был хорошо знаком с поэтом.<sup>8</sup> Летом 1830 г. они встречались и беседовали о «Дон Жуане» Моцарта. Знал поэт и жену Голицына Прасковью Николаевну, урожденную Матюнину. «Завтра в восемь часов вечера, — сообщал ему Голицын в письме от 25 февраля 1831 г., — жена моя и я <...> ожидаем Вашего посещения с нетерпением...» (XIV, 155).

Прасковье Николаевне в 1830 г. было 32 года. Может быть, Прасковья Николаевна и является той «княгиней Голицыной», которая вызвала несколько ревнивые предположения Натальи Николаевны.

Еще до приезда Пушкина к ней в имение, Голицына, как сказано в его письме, уже «взялась разузнать все доподлинно»; такой предварительный разговор мог состояться, быть может, при встрече у каких-либо общих

---

<sup>5</sup> См.: ГАГО (Государственный архив Горьковской области), ф. 639, оп. 125, д. 7476; ф. 177, оп. 766, д. 1258; ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 829, 842.

<sup>6</sup> См.: ГАГО, ф. 829, оп. 676а, д. 15а.

<sup>7</sup> См.: ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 829, л. 68 об.

<sup>8</sup> О взаимоотношениях Голицына и Пушкина см.: Незданные письма к Пушкину. Материалы и предисловие П. Е. Щеголева. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 568—570, 610—611; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 101—102.

знакомых, болдинских соседей поэта, хотя бы у Новосильцевых или Кротковых. По соседству с деревней Голицыных находилось владение С. С. Кроткова (село Кемля), а с его женой, урожденной Новосильцевой, Пушкин был хорошо знаком.<sup>9</sup>

Приезд поэта в имение Голицыных является одним из эпизодов общения со знакомым ему семейством. Уже позднее, в апреле 1831 г., В. С. Голицын писал Пушкину (вероятно, отвечая на его письмо): «Жена благодарит Вас за воспоминание» (XIV, 162).

Все это пока лишь предположения, потому что фактических данных о жизни П. Н. Голицыной в своей усадьбе осенью 1830 г. нет.

Но лет восемь назад в Болдине мне довелось беседовать с одним из жителей Починковского района, куда входит сейчас Пеля Хованская. «А знаете ли вы, — сказал он мне, — что Пушкин бывал в наших местах, он приезжал к княгине Голицыной». Ссылаясь лишь на народную молву, мой собеседник не мог, к сожалению, сказать ничего более конкретного. Попытки выяснить что-либо в самом этом районе остались тогда безуспешными... Но теперь найденные материалы подсказывают, где именно следует искать эти местные предания о поэте. И, может быть, среди былей, сохраненных народной памятью, мы найдем подтверждение высказанным догадкам.

## II. «У соседки его по селу Болдину» (Пушкин и Кротковы)

Известно, что Пушкин, всю жизнь интересовавшийся фольклором, особенно много песен записал в 1833 г., во время поездки по местам движения Пугачева, а затем в Болдине, куда он заехал на обратном пути.

Именно этим временем — осенью 1833 г. — датируется предположительно и его запись народной песни «Как у нас было на улице, у нас на широкой...».

Автограф Пушкина сохранился.<sup>10</sup> Еще в 1880 г. рукопись поступила в Румянцевский музей в Москве от Павла Дмитриевича Голохвастова — сына известного в 1840-е гг. попечителя Московского учебного округа Дмитрия Павловича Голохвастова, автора книги о законах русского стихосложения.

Текст написан карандашом набело и аккуратно расположен на одной странице листа почтовой бумаги. На обороте сделан рисунок: оголенное дерево среди холмистой долины, на горизонте — мельница.

К рукописи была приложена и записка, составленная последним владельцем: «Автограф Александра Сергеевича Пушкина. Написано (сочинено или записано?) у соседки его по селу Болдину Прасковьи Петровны Кротковой, рожденной Новосильцевой». Д. П. Голохвастов был женат на Надежде Владимировне Новосильцевой; следовательно, автограф был получен от семьи, родственной Новосильцевым и, разумеется, самой Кротковой.

<sup>9</sup> См. следующий раздел данной статьи.

<sup>10</sup> ПД, 1564.

Все эти сведения вместе с описанием рукописи и ее воспроизведением были опубликованы впервые еще в 1914 г. М. А. Цявловским в брошюре «Два автографа Пушкина», а затем повторены и несколько расширены в сборнике «Рукою Пушкина».<sup>11</sup>

В последующие годы в работах о болдинской жизни поэта и статьях, посвященных его занятиям народным творчеством, неоднократно приводились эти материалы о записи, сделанной у П. П. Кротковой. Специалисты давно установили, что песня действительно является народной, и подтвердили ее нижегородское происхождение. Местом же, где была сделана запись, обычно считали соседнее с Болдиным село Апраксино, принадлежавшее семейству Новосильцевых. В конце 1960-х и в начале 1970-х гг. в Апраксино было направлено несколько фольклорных экспедиций, но аналогов песни «Как у нас было на улице...» там так и не обнаружили.<sup>12</sup>

О дружеских отношениях Пушкина с владельцами Апраксина известно в литературе давно, еще с 1877 г.;<sup>13</sup> Прасковья Петровна, «рожденная Новосильцева», входила в эту семью и до своего замужества жила, вероятно, в Апраксине. Предполагалось, что именно на этом основании Кроткова и была названа болдинской соседкой поэта.<sup>14</sup>

Но внимательное чтение упомянутой записки убеждает, что подобное толкование произвольно и что указание Голохвастова «у соседки его по селу Болдину» может означать иное.

Для уточнения смысла этого сообщения необходимо было произвести некоторые архивные разыскания и более подробно изучить биографии Новосильцевых и Кротковых.<sup>15</sup>

Из ряда документов вытекает, что в 1830-е гг. основными владельцами Апраксина были два брата Новосильцевых — Александр и Николай Петровичи, жившие там постоянно (Александр — с 1820 г., Николай — с 1830 г.). Оба они были холосты, и после смерти отца (Петра Александровича, в 1806 г.) хозяйкой дома считалась их мать, Наталья Алексеевна. Ее дочери, молодые девицы, проживали с нею там же. Старшая — Александра ко времени приезда Пушкина в Болдино была давно замужем за соседом, сергачским уездным предводителем дворянства И. И. Приклонским, и жила с мужем в селе Старинском этого же уезда.<sup>16</sup>

Прасковья Петровна (1806—1860), второй по старшинству из пяти дочерей Новосильцевых, в 1830 г. было 24 года, и скорее всего она уже также

---

<sup>11</sup> Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 462.

<sup>12</sup> Экспедиции проводились болдинским Музеем-заповедником А. С. Пушкина, Горьковским государственным университетом им. Н. И. Лобачевского, сектором народного творчества ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР.

<sup>13</sup> См.: Толычева Т. Исторические анекдоты и мелочи. — Русский архив, 1877, т. II, кн. 5, с. 99.

<sup>14</sup> До последнего времени такой точки зрения придерживался и автор данной статьи. См.: Левина Ю. И. Пушкинское Болдино. 3-е изд. Горький, 1979, с. 74.

<sup>15</sup> В сжатом виде итоги изысканий, изложенных в данной статье, были опубликованы в газете «Горьковская правда» (1981, 3 июля, с. 4).

<sup>16</sup> См.: ГАГО, ф. 639, оп. 124, д. 3100, 3101, 3308. — Приводим о Новосильцевых лишь самые необходимые здесь данные.

была замужем. Она не являлась хозяйкой Апраксина, и слова «у соседки... Кротковой» вряд ли могли быть применимы к ней в связи с этим селом, хотя знакомство и встречи с поэтом вполне могли там состояться. В 1832 г., как выясняется из найденных документов, она уже именуется «гвардии поручика Степана Степанова Кроткова жена Параскева Петрова Кроткая» и находится в Москве.<sup>17</sup>

Ее муж Степан Степанович Кротков (1806—1849) принадлежал к дворянскому роду, имевшему наследственные земли в Симбирской, Казанской и Нижегородской губерниях; он родился в Москве и был записан в родословную книгу дворян Московской губернии. Отец его, также Степан Степанович (1786—не позднее 1835), выйдя в отставку в чине поручика (в 1801 г.), жительствовавший в Москве, где имел наследственный большой каменный дом «в Басманной части, в приходе Петра и Павла». Кроме других земель, в его владении находилось и богатое имение в Лукояновском уезде Нижегородской губернии — село Кемля, которое перешло затем к его старшему сыну, мужу Прасковьи Петровны.<sup>18</sup>

В этом большом селе, расположенном «реки Алатыря по правую, а речки Кемли по левую сторону» и населенном мордвой, еще в конце XVIII в., по данным экономических поуездных описаний, числилось 250 крестьянских дворов и 1377 крестьян. Там был господский деревянный дом с большим фруктовым садом — «с яблонями и грушами, дульными сливами, вишнями, смородинником и малинником», имелись две церкви: каменная «холодная, Рождества богородицы, с двумя приделами» и деревянная «теплая, Владимирской божией матери». Ежегодно, по воскресным дням, там проходил «торг» — базары, на которые съезжались «из города Починки крестьяне, из Араамасу купцы и мещане с мелочными, шелковыми и прочими товарами, более свойственными крестьянам из естными припасами».<sup>19</sup>

Где же в 1830-е годы обосновались Прасковья Петровна и ее муж? Установлено, что осенью 1830 г. Степан Степанович находился в Лукояновском уезде, а затем уехал в Москву.<sup>20</sup> В Москве родилась в 1836 г. и дочь Кротковых Елизавета, а в 1838 г. в Кемле — сын Александр.<sup>21</sup> Итак, основным местопребыванием супругов Кротковых были Москва и Кемля, расположенная совсем недалеко от Болдина, примерно в 15—17 верстах.

Вернее всего, именно там, в Кемле, в усадьбе Кротковых, и была сделана Пушкиным запись, о которой идет речь.

Село это с его многолюдным базаром и разноплеменным населением могло привлечь поэта, всегда любившего посещать ярмарки и базары, где он слушал и записывал крестьянские прибаутки, поговорки и песни.

Любопытно, что примерно в тех местах (современная территория Мордовской АССР) бытовали предания о приезде туда Пушкина.<sup>22</sup> Возможно,

<sup>17</sup> См.: ЦГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 2547, л. 18.

<sup>18</sup> См. там же, оп. 23, д. 9304, 9305.

<sup>19</sup> См.: ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 829/2, л. 66.

<sup>20</sup> См.: ГАГО, ф. 639, оп. 124, д. 3124, л. 35.

<sup>21</sup> См.: ЦГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 9310, л. 174—175.

<sup>22</sup> См.: В о р о н и н И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976, с. 151.

будущие экспедиции в Кемлю и записи местных преданий уточнят наши сведения...

Этим эпизодом, вероятно, не ограничиваются отношения Пушкина с семейством Кротковых. Они могли встречаться также в Москве или в Петербурге, — их сближал общий круг знакомых, московские, симбирские и петербургские родственники Кротковых. Так, в Петербурге, в кавалергардском полку в 1830-х гг. служил родной брат Степана Степановича — Александр Степанович (в 1833 г. он был поручиком, в 1836 г. имел звание штабсротмистра).<sup>23</sup> Дядя С. С. Кроткова, симбирский помещик Дмитрий Степанович Кротков, и его жена Мария Федоровна упомянуты Л. А. Черейским как предположительные знакомые поэта, с которыми он мог встречаться в Симбирске или Москве;<sup>24</sup> Дмитрий Степанович обычно жил в своем богатом имении Ставропольского уезда или в собственном доме в Симбирске.<sup>25</sup> Там же, в Симбирской губернии жили и другие родственники Степана Степановича.<sup>26</sup> Близкие отношения поддерживались у Кротковых и с Новосильцевыми, многие из которых проживали в Москве и Петербурге. Но фактические данные о встречах там Пушкина со своими болдинскими соседями пока еще отсутствуют.

В пору работы поэта над «Историей Пугачева» его могли заинтересовать и семейные предания Кротковых, связанные с именем деда, симбирского помещика Степана Егоровича Кроткова (до 1739—после 1802), владевшего Кемлей в конце XVIII в.<sup>27</sup>

Любопытнейшие сведения о нем приводятся в воспоминаниях Е. П. Яньковой, лично знавшей многих членов этого семейства. Она рассказывала, что во время восстания Пугачев захватил и симбирскую деревеньку, в которой проживал Степан Егорович, тогда еще совсем небогатый помещик. Пугачев, поверив в его бедность, пощадил помещика и устроил в его имении склад собранного имущества; он и сам «живал там наездами. Кротков не участвовал ни в каких пугачевских нападениях, а только страха ради сторожил все, что к нему привозили». Отступая, Пугачев увез с собою и помещика. «Кротков видит, что дело плохо, что вот-вот, не нынче-завтра схватят злодея и что тогда, пожалуй, и его сочтут за укрывателя и припугают к делу, — передавала Янькова, — он улучил удобное время и дал тягу...». После расправы с восставшими все оставшееся в имении стало собственностью помещика (в соответствии с издан-

---

<sup>23</sup> См.: ЦГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 9310, л. 174; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц. СПб., 1833, ч. I, с. 292.

<sup>24</sup> См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 204. — Д. С. и М. Ф. Кротковы ошибочно названы здесь соседями братьев Языковых: соседями Языковых по Симбирскому уезду была семья И. С. Кроткова — также родного дяди Степана Степановича.

<sup>25</sup> Они были соседями Соллогубов. См.: Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л., 1931, с. 237—238. — Об их владениях см.: ЦГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 9310, л. 133, 151.

<sup>26</sup> См.: ЦГИА, д. 9304, 9310, 9311; Мартынов П. Селения Симбирского уезда. Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде. Симбирск, 1904, с. 171.

<sup>27</sup> ЦГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 9304, л. 11 об.; д. 9311, л. 28 об.; ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 829/2.

ным законом). Степан Егорович раздал церковное имущество, остальное оставил себе и с этого времени необычайно разбогател, стал покупать земли и оставил своим многочисленным сыновьям крупное наследство.<sup>28</sup>

Этот интереснейший рассказ о дворянине, пощаженном Пугачевым и вынужденном находиться с ним в каких-то взаимоотношениях, был, вероятно, известен не только Яньковой и имел распространение независимо от его достоверности.<sup>29</sup> И если Пушкин мог его услышать, то для автора «Капитанской дочки» он, вероятно, не прошел бесследно.

Ю. И. Левина

---

### «...ЗАВТРА ЕДУ К ЯИЦКИМ КАЗАКАМ...»

Намерение посетить Уральск возникло у Пушкина лишь в Оренбурге. Еще в письме к жене из села Языково от 12 сентября 1833 г. поэт писал: «Сегодня еду в Симбирск <...> и к вечеру отправлюсь в Оренбург, *последняя цель моего путешествия* (курсив наш, — А. Б.)» (XV, 80). Но через неделю план меняется: в письме от 19 сентября читаем: «Я здесь (в Оренбурге, — А. Б.) со вчерашнего дня <...> завтра еду к Яицким казакам,<sup>1</sup> пробуду у них дни три — и отправляюсь в деревню (Болдино, — А. Б.) через Саратов и Пензу» (XV, 81). Конечно, поэт отправлялся в Уральск (бывший Яицкий городок) — центр Уральского войска, место, где началось восстание Пугачева. Наконец, из Уральского, как думал путешественник, ближайший путь поведет на Саратов.

Оренбургский краевед С. А. Попов пишет, что Пушкин ехал «почтовым трактом, который в то время шел по правому берегу Урала через нынешние села Оренбургской и Уральской областей — бывшие крепости, форпосты, редуты времен Крестьянской войны».<sup>2</sup>

Документы 30-х годов прошлого столетия сообщают: в 1830 г. дорога из Оренбурга в Уральск называлась «большой Уральской дорогой».<sup>3</sup> Такое значение она сохраняла и в 1833 г.: «большие дороги» шли из города Оренбурга в ряд городов губернии, в том числе в Уральск; здесь дорога пролегла «по линии», т. е. по правобережью реки Урал.<sup>4</sup>

---

<sup>28</sup> См.: Благово Д. Рассказы бабушки, записанные и собранные ее внуком. СПб., 1885, с. 327—328.

<sup>29</sup> Достоверность приведенного рассказа нами не проверялась, но упомянутые там же биографические сведения о членах семьи С. Е. Кроткова и о его покупках земель в конце XVIII в. документально подтверждаются в названных выше источниках.

<sup>1</sup> Пушкин называет уральских казаков яицкими, как назывались они при Пугачеве.

<sup>2</sup> Попов С. Дороги сентября. — В кн.: Рифей. Уральский литературно-краеведческий сборник. Челябинск, 1981, с. 50.

<sup>3</sup> Из сообщения начальника штаба Оренбургского казачьего войска в Оренбургское губернское правление от 30 июня 1830 г. См.: ЦГА БАССР (Центральный государственный архив Башкирской АССР), ф. 1, оп. 1, д. 1027, л. 5.

<sup>4</sup> См.: Краткий статистический взгляд на Оренбургскую губернию сенатора Дебу 1833 года. — ЦГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5898, ч. II, л. 127 об.



Тракт от Оренбурга до Уральска содержался до 1824 г. «казаками и окрестными обывателями», а с указанного года — только казаками станиц, расположенных по дороге, «без пособия окрестных обывателей».<sup>5</sup> В отчете за 1834 г. оренбургский губернатор признает, что «по бедности, малочисленности и удалению жителей от дорог состояние их (дорог, — А. Б.) не доведено до надлежащего совершенства», и отмечает, что это особенно относится к Оренбургскому уезду.<sup>6</sup> Далее мы читаем: «...при нынешнем состоянии почтовых дорог проезжающие лишены на пути своем и крова, и всякого убежища». И тут же говорится: «По всей губернии станционные смотрители помещаются на квартирах с большими неудобствами».<sup>7</sup> Управление же Уральского войска сообщает, что в его распоряжении «по всей линии имеются опрятные комнатки для проезжих».<sup>8</sup> Это — от станции Мухрановской в 127 верстах от Оренбурга и до Уральска.

Л. Б. Модзалевский пишет: «Уральск — в 250 верстах от Оренбурга».<sup>9</sup> Краеведы Уральского называют другое число: около 300,<sup>10</sup> а оренбуржцы сообщают, что «расстояние от Оренбурга до Уральска по карте 1831 г. составляло 281 версту».<sup>11</sup> Обратившись к почтовому путеводителю за 1831 г., который указывает расстояния от поселка до поселка, получим число 307.<sup>12</sup> Оренбургский губернатор в своем отчете за 1833 г. сообщил, что «Уральск находится расстоянием от <...> Оренбурга в 269 <...> верстах».<sup>13</sup> Сопоставляя эти разноречивые цифры расстояния между Оренбургом и Уральском в 30-х годах прошлого века, устанавливаем, что расхождение между ними невелико, примерно в 30 верст. Это расхождение объясняется, видимо, тем, что почтовые работники считали версты с заездами в поселки (станции), а отчеты официальных губернских лиц принимали во внимание лишь прямой путь Оренбург—Уральск.

В Уральск Пушкин прибыл 21 сентября.<sup>14</sup> «...тамшний атаман и казаки приняли меня славно...», — напишет Пушкин жене уже по прибытии своем в Болдино (XV, 83).<sup>15</sup>

<sup>5</sup> ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1027, л. 1, 1 об., 2.

<sup>6</sup> ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 991, л. 114.

<sup>7</sup> Там же, л. 155.

<sup>8</sup> Там же, л. 184, 184 об.

<sup>9</sup> Пушкин. Письма/ Под ред. и с примечаниями Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935, т. III. 1831—1833, с. 640.

<sup>10</sup> См.: Данилевский К. В. и Рудницкий Е. В. Урало-Каспийский край. Краеведческий справочник. Уральск, 1927, с. 141.

<sup>11</sup> Попов С. Дороги сентября, с. 51.

<sup>12</sup> См.: Карманный почтовый путеводитель. СПб., 1831, с. 686.

<sup>13</sup> ЦГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5898, ч. II, л. 180 об.

<sup>14</sup> Спустя четыре года В. И. Даль проедет здесь же с В. А. Жуковским, сопровождавшим наследника престола, и вспомнит: «При проезде <...> из Оренбурга в Уральск я тоже находился в поезде. Мы выехали в 4 часа утра из Оренбурга и не переводя духу прискакали в 4 часа пополудни в Мухрановскую станицу» (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950, с. 459). Поезд наследника имел, конечно, лучших лошадей, несомненно казачьих. Они проскакали расстояние в 127 верст (Оренбург-Мухрановская) за 12 часов, делая в час по 10 с половиною верст пути.

<sup>15</sup> Поездка А. С. Пушкина из Уральского в Болдино тоже неясна пушкинистам. О ней, конечно, надо говорить особо. Однако заметим, что маршрут поездки через Саратов и Пензу, о котором свидетельствует приведенное выше высказывание поэта, был составлен на основании слов не очень

Имя «тамошнего атамана», принимавшего в Уральске Пушкина, известно: это полковник В. О. Покатилов.<sup>16</sup> Стали известны имена и некоторых «казаков», участвовавших во встречах с поэтом.<sup>17</sup>

Документы, найденные автором статьи в архивах страны, позволяют уточнить ранее публиковавшиеся материалы о собеседниках Пушкина в Уральске. Полковник С. Д. Мизинов, считавшийся одним из собеседников поэта, не мог быть таковым, ибо накануне приезда Пушкина в Уральск он был уволен с должности советника войсковой канцелярии. Его место занял подполковник П. П. Назаров,<sup>18</sup> исполнявший должность советника с декабря 1833 г. (он также ошибочно считался собеседником поэта в Уральске).

«Уральская войсковая канцелярия, — говорится в отчете оренбургского военного губернатора за 1835 г., — состоит под председательством наказного атамана, из двух постоянных советников и двух сменяемых трехгодично ассессоров».<sup>19</sup> Известно, что в сентябре 1833 г. одним советником был полковник Ф. Г. Бизянов.

Ассессорами в канцелярии числились в сентябре 1833 г. войсковой старшина И. С. Баблонов и есаул Г. Я. Осипов.

Формулярный список 1834 г. сообщает, что Иван Степанович Баблонов происходил «из казачьих детей». В 1834 г. ему исполнилось 52 года; следовательно, родился он в 1782 г. Баблонов был женат на казачьей дочери Наталье Тимофеевой, имел сына Алексея, урядника, 20 лет. Владел каменным домом в Уральске. Знал грамоту.<sup>20</sup> В службу записан в марте 1800 г. рядовым казаком, с 1803 г. он — урядник, в мае 1812 г. — хорунжий (первый казачий офицерский чин). С марта 1817 г. Баблонов — сотник, с 1820 г. — есаул, с 1832 г. — войсковой старшина.<sup>21</sup> Более интересны сведения о его военной службе. Сначала Баблонов служил на «линии» в поисках кочевников, затем с 1807 г. в лейб-сотне в Петербурге, с 1814 г. — в Волынской губернии, в кордонной страже и в 1815 г. — во Франции. С 1817 г. Баблонов дома, служил экзекутором и почтмейстером войсковой канцелярии, затем до мая 1831 г. «на пограничной линии» на Урале, Ахтубе. С мая 1831 г.

---

сведущих людей. Как следует из обнаруженных автором этих строк документов, «почтовый тракт между Вольском Саратовской губернии и Уральском был открыт в 1842 году». Таким образом, возможность почтового сообщения Уральского с Саратовом появилась лишь спустя девять лет после поездки Пушкина (см.: ГАОО (Государственный архив Оренбургской области), ф. 6, оп. 7, д. 654). По приезде в Уральск Пушкин узнал, что пути на Саратов нет, и 23 сентября выехал из Уральского по Самаро-Сызранской дороге в Болдино.

<sup>16</sup> В. О. Покатилов в сентябре 1833 г. был лишь «управляющим войском», наказным атаманом он стал в декабре того же года (см.: ГАОО, ф. 6, оп. 11, л. 248, л. 13).

<sup>17</sup> См.: Белый А. И. 1) Собеседник Пушкина в Уральске. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980, с. 135—136; 2) «Три дни» в Уральске. — В кн.: Рыфей, с. 70—77; Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980, с. 65—68; Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981, с. 98—130.

<sup>18</sup> См.: ГАОО, ф. 6, оп. 11, л. 248, л. 13 и 13 об.

<sup>19</sup> ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, л. 1054, л. 427 об.

<sup>20</sup> См.: ЦГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 99, л. 94 и 94 об., 97 об.

<sup>21</sup> См. там же, л. 94 об.

по октябрь (30) 1833 г. Баблонов был ассессором и младшим советником Уральской войсковой канцелярии. С марта 1834 г. он стал дистанчным командиром на Нижнеуральской линии.<sup>22</sup>

Формулярный список Осипова за 1832 г. сообщает, что Гавриилу Яковлевичу Осипову было 37 лет; следовательно, родился он в 1795 г. (в казачьей семье). Осипов был женат на Василисе Ивановой, имел сына 11 лет. «Наследственностью» не владел, лишь — каменным домом в Уральске.<sup>23</sup> Хорошо знал грамоту и начинал службу писарем в 1807 г. Гавриил Осипов — участник войны 1812 г. Сражался под Дрезденом, Лейпцигом, Эрфуртом, Гамбургом. За боевые успехи в 1814 г. произведен в офицеры (хорунжий) и награжден серебряной медалью за взятие Парижа. В 1818 г. он получил чин сотника, а с 1819 по 1824 г. служил в лейб-сотне в Петербурге. С 1824 г. переведен на Нижнеуральскую линию, участвовал в 1825 г. в экспедиции на Аральском море. С 1826 по 1829 г. Осипов находился в Петербурге, в свите императора. Затем был снова переведен на «линию» дистанчным командиром, а с 1830 по 1832 г. командовал сотней в Казани. С августа 1832 по ноябрь 1835 г. Осипов был ассессором войсковой канцелярии в Уральске.<sup>24</sup> Был награжден орденом Анны 4-й степени. По состоянию здоровья он был уволен с должности ассессора в ноябре 1835 г.<sup>25</sup>

В одном из отчетов оренбургского военного губернатора сказано, что «при наказном атамане Уральского войска полагается только секретарь и адъютант».<sup>26</sup> Сотник Никита Акимович Донсков начинал «чиновником по особым поручениям» при атамане В. О. Покатилове. Донсков был ровесником Пушкина. Служил секретарем, писарем войсковой канцелярии. С апреля 1833 г. стал адъютантом атамана Уральского войска. В январе 1834 г. получил чин есаула, а в октябре того же года был представлен к ордену Станислава 4-й степени.<sup>27</sup> Сведения о Донскове пока скуповаты, но ясно одно: что он, как адъютант атамана, встречался в Уральске с Пушкиным, а может быть, и выполнял его поручения.

Недавно в архиве было обнаружено дело с формулярным списком войскового архитектора г. Уральска А. А. Гошуса за 1835 г.<sup>28</sup>

Формулярный список рассказал, что Андрей (Генрих) Андреевич Гошус происходил из чиновничьих детей (сын комиссара) и был православного вероисповедания. В 1835 г. ему было 39 лет; следовательно, родился Гошус в 1796 г. Он был женат на дворянке Елизавете Львовой и имел сына Николая. Недвижимого имущества не имел.<sup>29</sup> В декабре 1818 г. Гошус окончил Академию художеств в Петербурге художником-архитектором 14-го класса. С 10 марта 1823 по 7 сентября 1831 г. молодой архитектор служил в придворной конюшне «по чертежной части при архитекторе

<sup>22</sup> См.; ЦГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 99, л. 95—98.

<sup>23</sup> См.; ГАОО, ф. 6, оп. 15, д. 468, л. 5.

<sup>24</sup> См. там же, л. 5—9 и 9 об., 10.

<sup>25</sup> См.; ГАОО, ф. 6, оп. 15, д. 468, л. 13 и 13 об., 26.

<sup>26</sup> ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1054, л. 428.

<sup>27</sup> См.; ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11100/1, л. 47 об.—50; ф. 6, оп. 11, д. 326, л. 7—8 и 8 об.

<sup>28</sup> «Об определении в г. Уральске архитектора Гошуса, о производстве его в чин по присвоении той должности X класса. Начато 23 марта 1831 г. Решено 9 июля 1837 г.» (ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 10190).

<sup>29</sup> См.; ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 10190, л. 17 и 17 об., 18, 20 об., 21.

Шустове». С 3 декабря 1831 г. А. А. Гопиус стал архитектором Уральского казачьего войска в г. Уральске.<sup>30</sup>

В войске он заведовал «строительною частью». В январе 1835 г. был награжден орденом Станислава 4-й степени. В 1837 г. Гопиуса произвели в 12-й класс, а по должности архитектора Уральского войска — «в 10-й класс с присвоением мундира».<sup>31</sup>

Атаман Уральского войска в октябре 1832 г. писал оренбургскому губернатору: «Гопиус <...> проектировал и содействовал устройению по линии укреплений и казарм», участвовал в составлении «планов и смет <...> многих зданий в войске Уральском», «построил в Уральске церковь».<sup>32</sup>

Этого способного архитектора рекомендовал войску известный ученый, художник, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки и крупный государственный деятель Алексей Николаевич Оленин. В письме к оренбургскому губернатору П. П. Сухтелину Оленин писал (в мае 1831 г.): «Я поручал приискать желающих <...> правящему должность ректора Императорской Академии художеств профессору <...> Мельникову, который донес, что <...> архитектор 14-го класса Гопиус изъявил желание служить при Уральской войсковой канцелярии архитектором».<sup>33</sup>

Таковы должностные лица Уральского, с которыми, по всей вероятности, встречался и беседовал Пушкин во время своего пребывания у «Яицких казаков».

А. И. Белый

---

## ОБ АДРЕСАТЕ ОДНОЙ ЗАПИСКИ ПУШКИНА

Летом 1898 г. И. А. Шляпкин обнаружил в библиотеке Лейпцигского университета записку Пушкина: «Je vous prie, chère Anna Petrovna, d'envoyer chez moi Arnt, mais n'en dites rien aux grands parents» (*перевод*: «Прошу вас, милая Анна Петровна, прислать ко мне Арнта, но только не говорите об этом дедушке и бабушке»)<sup>1</sup>.

Записка, без адресата и даты, написана на клочке простой сероватой бумаги (без водяных знаков). Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно — в Пушкинском Доме сохранилась лишь фотокопия.

Первый публикатор предположительно относил эту записку к 1825 г. и адресатом называл Анну Петровну Керн; что же касается упомянутого в записке «Арнта», то Шляпкин полагал, что речь здесь могла идти о книге известного немецкого демократа-патриота Э. М. Арндта «Kriegs- und Wehrlieder», впервые изданной в 1813—1815 гг.

---

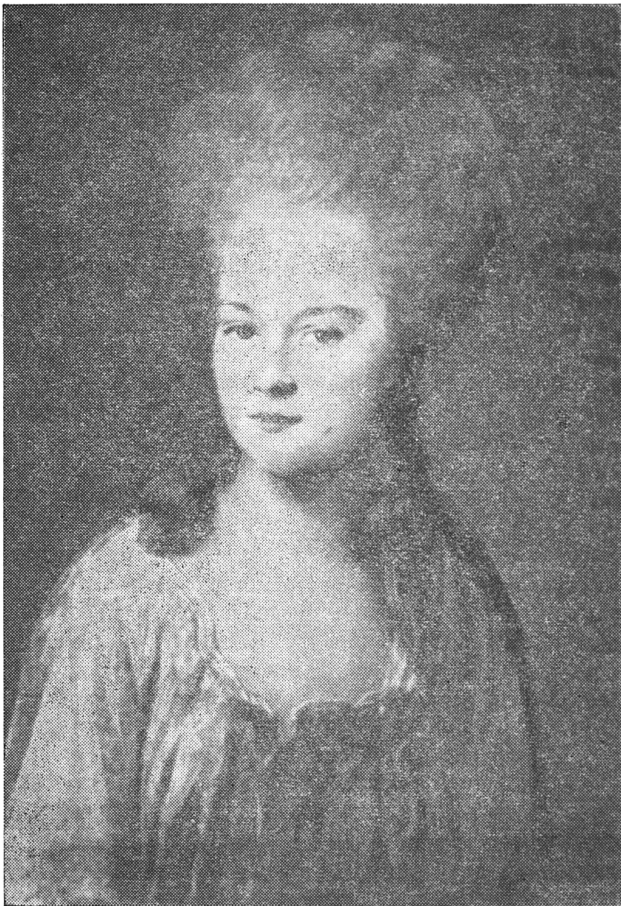
<sup>30</sup> См. там же, л. 17 и 17 об., 18, 20 об., 21.

<sup>31</sup> ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 10190, л. 21, 28, 30.

<sup>32</sup> Там же, л. 12 и 12 об.

<sup>33</sup> Там же, л. 2.

<sup>1</sup> См.: Шляпкин И. А. Записочка Пушкина. — В кн.: Шляпкин И. А. К биографии А. С. Пушкина. (Малоизвестные и неизвестные документальные данные). СПб., 1899, с. 30.



Портрет А. П. Кутайсовой в молодости.

Вновь напечатанный по автографу эту записку В. Вырин датировал ее временем «между маем 1833 и мартом 1836 гг.», адресатом ее считал Анну Петровну Малиновскую, под «Аригом» же подразумевал лейб-медика Н. Ф. Арендта.<sup>2</sup> Так эта записка определяется и в большом академическом издании Пушкина (см.: XV, 114, 277).

Мы также относим эту записку к последним годам жизни поэта и согласны с тем, что «Ариг» и Н. Ф. Арендт — одно и то же лицо (именно таким образом Пушкин иногда транскрибировал фамилию этого врача; в других случаях он писал «Аригт»). Что же касается А. П. Керн, то в 1830-е гг. она с Пушкиным встречалась редко, по ее собственному признанию «не более пяти раз»; к тому же в эти годы Керн жила на 14-й линии Васильевского острова,<sup>3</sup> далеко и от Н. Ф. Арендта, и от родителей поэта, которых, очевидно, он имел в виду, упоминая «дедушку и бабушку».

<sup>2</sup> См. газ. «Россия и Славянство», 1930, 14 июня, № 81, с. 6.

<sup>3</sup> См.; Нистрем К. Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год, с. 90.

А. П. Малиновская, жена начальника Московского архива иностранных дел,<sup>4</sup> лишь изредка приезжала в столицу, и было бы странно светскому человеку просить почтенную даму обратиться к незнакомому (или мало-знакомому) ей врачу.

На наш взгляд, адресатом записки могла быть Анна Петровна Кутайсова (1767—1848), жена И. П. Кутайсова (1759—1834), камердинера, фаворита Павла I, который произвел его в графы.

Пушкин близко знал семью Кутайсовых;<sup>5</sup> он встречался с сыном Анны Петровны, Павлом Ивановичем (1780—1840), председателем Общества поощрения художников, обер-гофмейстером двора, который, в частности, вместе с ним участвовал в подписке на памятник Карамзину в Симбирске во время обеда петербургских литераторов 14 июля 1833 г. Из дневниковой записи А. А. Оленной от 19 сентября 1828 г. известно о знакомстве Пушкина с женой П. И. Кутайсова, Прасковьей Петровной (1784—1870). Об Анне Петровне Кутайсовой («Кутайсовой-матери») писал П. А. Вяземский жене в совместном с Пушкиным письме от апреля 1828 г. из Петербурга (XIV, 13). Пушкин также мог встречаться с А. П. Кутайсовой у ее внука графа А. В. Васильева (мать Васильева Мария Ивановна (1785—1870) была ее дочерью).<sup>6</sup>

Кутайсовы проживали в 1830-х гг. в Петербурге на Миллионной ул. (ныне ул. Халтурипа, д. 25), а на другой стороне улицы (в д. 26) жил Николай Федорович Арендт.<sup>7</sup> Можно предположить следующее. Пушкин первоначально послал записку к Арендту. Посыльному сказали, что лейб-медик находится у Кутайсовых. Тогда и была написана другая записка, обращенная к Анне Петровне. Возможно, Пушкин просил прислать к нему Арендта для лечения старшей дочери Марии (род. 19 мая 1832 г.), но ничего не сообщать его родителям о болезни внучки.<sup>8</sup>

Полагаем, что записку Пушкина можно датировать маем 1833—мартом 1836 г.<sup>9</sup>

*Л. А. Черейский*

<sup>4</sup> См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 235.

<sup>5</sup> См.: там же, с. 210.

<sup>6</sup> См.: там же, с. 57; Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, I. СПб., 1886, с. 165. — Доказательством знакомства Пушкина с Кутайсовыми может также служить письмо Александры Павловны Голицыной, урожд. Кутайсовой (дочери Павла Ивановича; 1804—1881), от 26 ноября 1828 г. из Петербурга к П. А. Вяземскому: «Я уверена, что вы часто получаете известия о г-не Пушкине. Чем занимается он в своем одиночестве? (Пушкин в это время был в Тверской губернии, — Л. Ч.). Говорят, что он уехал туда, чтобы запереться и посвятить себя целиком поэзии» (Литературное наследство. М., 1952, т. 58, с. 84).

<sup>7</sup> См.: Нистрем К. Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год, с. 19, 99.

<sup>8</sup> Письма Пушкина к жене в 1832—1834 гг. полны тревог о здоровье Марии, а в одном из них (конец июля 1834 г.) читаем: «Цалую Машу и заочно смеюсь ее затеям. Она умная девчонка, но я от нее покамест ума не требую, а требую здоровья» (XV, 183). 13 февраля 1834 г. Н. О. Пушкина пишет дочери: «Дети (А. С. Пушкина, — Л. Ч.) очаровательны, Мари не меняется, но она слабенькая, едва ходит (...). Не думаю, чтобы она долго прожила. Сашка большой любитель папы и всех, но мама, дедушка и я — мы за Машу» (ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, л. 577).

<sup>9</sup> 6 мая 1833 г. родители Пушкина приехали в Петербург, 29 марта 1836 г. Н. О. Пушкина скончалась (см.: Пушкин П. Письма последних лет, 1834—1837. Л., 1969, с. 300).

## ОБ ИСТОЧНИКЕ ЭПИГРАММЫ ПУШКИНА «ЮНОША! СКРОМНО ПИРУЙ...»

Эпиграмма Пушкина «Юноша! Скромно пируй...» (III, 297) входит в цикл, часть которого сам поэт впервые напечатал под названием «Подражания древним». Все стихи цикла создавались на рубеже 1832—1833 гг. (интересующая нас эпиграмма — 2 января) и восходят к источнику, указанному в заголовке стихотворения «Славная флейта, Феон...», — огромному компилятивному труду писателя II—III вв. н. э. Афиней (в транскрипции Пушкина — Афеней) «Пир знатоков» (или «Пирующие софисты»), в котором говорится обо всем, что было связано у древних с пирами, и приводится большое количество цитат из греческих авторов. «Пир знатоков» имелся в библиотеке Пушкина, во французском переводе Лефевра (*Vanquet des Savans, par Athénés. Traduit... par M. Lefebvre de Villebrune. Paris, MDCCLXXXIX.*)<sup>1</sup>

У Афинея были найдены источники всех «Подражаний древним»,<sup>2</sup> за исключением одного: «Юноша! скромно пируй...», — его предположительно считали оригинальным произведением Пушкина.<sup>3</sup>

Между тем и эта эпиграмма — переложение греческого оригинала, источник которого тот же труд Афинея. Автор использованного Пушкиным двустишия — поэт VI в. до н. э. Фокилид, чья гнома сохранилась в X книге «Пира знатоков» (по современному членению — 428, по Лефевру — т. IV, с. 64). В оригинале строки Фокилида звучат так:

Χρή δ'έν συμποσίῳ κολίχων περινοσημένῳ  
ἦδεα κωτίλλοντα καθήμενον οἰνοποτάζειν.

(«Нужно на пиру, когда чаши идут по кругу, приятно болтая, чинно пить вино»).

На первый взгляд эта гнома имеет мало общего с пушкинской эпиграммой. Однако в переводе Лефевра стихи выглядели так: «Lorsque les coupes commencent à faire la ronde dans un repas, il faut demeurer assis et mêler les charmes de la conversation au vin» («Когда чаши начинают ходить по кругу на пиру, нужно оставаться сидеть и смешивать услады беседы с вином»).

Как видим, у Лефевра берется то, что составит основу поэтической идеи пушкинского двустишия. Но рядом во французском тексте находятся и

<sup>1</sup> См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. — Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX—X, с. 144 (№ 559).

<sup>2</sup> См.: Алексеев М. П. К источникам «Подражаний древним» Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963; Левкович Я. Л. К творческой истории перевода «Из Ксенофана Колофонского». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972.

<sup>3</sup> Ср.: «Вероятно, оригинальное стихотворение Пушкина в стиле автологической поэзии» (Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1974, т. 2, с. 601. Комментарий Т. Г. Цявловской). Американский исследователь Р. Берджи (см.: Bergi R. Puškin and Deipnosophists. — Harvard Slavic Studies. Cambridge, 1954, v. 2, p. 268—269) считает источником этой эпиграммы цитату из Мнезифея (I, 130). Однако пушкинский дистих, по собственному утверждению исследователя, воспроизводит лишь общую идею довольно пространного рассуждения Мнезифея.

весьма прозаическое «оставаться сидеть». Перевод этот, сделанный по первому словарному значению слова καθήμενος — сидящий, — просто неверен: у Фокилида явно наличествует второй его смысл: ведущий себя спокойно, чинно.<sup>4</sup> Пушкин, словно чувствуя это, отыскивает замену введенному переводчиком прозаизму — и находит ее у того же Афиней.

Дело в том, что гнома Фокилида в «Пире знатоков» следует вскоре после длинного (у Лефевра — с. 48—60) набора сведений об обычае смешивать вино с водой; и дальше греческий эрудит также возвращается к этому мотиву. Таким образом, Пушкин перелагает Фокилида с привлечением широкого контекста, в котором находится избранный им фрагмент.

Заполнение пентаметрической строки параллелизмом «С трезвой струе воды, с мудрой беседой мешай...» заставляет поэта перенести понятие «вино» в первую строчку. Отказ от «круговых чаш» вызван, по всей вероятности, желанием дать и вину эпитет — к тому же контрастный «мудрой беседе» второй строки (как «вакхова влага» контрастна «трезвой струе воды»). Таким эпитетом оказывается прилагательное «шумной». Но ведь «шумный» (βρόμιος) постоянное культовое имя Вакха-Диониса (Бромия). Это имя неоднократно встречается у Афиней, причем один раз — в непосредственной близости от переведенной Пушкиным элегии Ксенофана (III, 290; стихи Ксенофана — т. IV, с. 192—194; перечисление культовых имен Диониса — с. 200). Здесь же Афиней вновь возвращается к обычаю смешивать вино с водой. Вместе с тем у Лефевра смысл эпитета не переведен и в примечаниях не объяснен; поэтому невозможно однозначно ответить на вопрос, опирался ли Пушкин и тут на свой источник.

Перевод Лефевра выполнен прозой; отсюда у Пушкина — возможность вольного выбора стихотворной формы. Так, элегия Ксенофана переложена у него чистым гексаметром, а мелический фрагмент Иона Хиосского (III, 298) — элегическим дистихом. Этим же размером воспользовался Пушкин для переложения гномы Фокилида, в оригинале написанной гексаметром. Стихотворное изречение превращено русским поэтом в образцовую «антологическую эпиграмму», с которой к началу 30-х гг. размер подлинника — элегический дистих — связан уже неразрывно.

Таким образом, сличение эпиграммы Пушкина с первоисточником позволяет яснее увидеть метод работы поэта с оригиналом.

*С. А. Ошеров*

## КТО ПОМОГАЛ БОЧЧЕЛЛЕ ПЕРЕВОДИТЬ ПУШКИНА?

В статье об итальянском поэте и переводчике Пушкина Чезаре Боччелле<sup>1</sup> нами называлась и Елизавета Шереметева, урожденная Мартынова, которой в знак «дружеской признательности» он посвятил изданный им

<sup>4</sup> См.: Раге W. Handwörterbuch der griechischen Sprache. Braunschweig, 1914, Bd I, S. 1284.

<sup>1</sup> См.: Про ж о г и н Н. П. Переводчик Пушкина Чезаре Боччелла, — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981, с. 60—75.



в 1841 г. в Пизе сборник пушкинских поэм. С достаточной степенью достоверности, говорилось в статье, можно полагать, что это она сделала для Боччеллы подстрочные переводы. Там же, с оговоркой, что о Шереметевой мы знаем мало, приводились некоторые сведения о ней, в том числе обнаруженные в итальянских архивах.

Уже после опубликования этой статьи удалось установить личность Елизаветы Шереметевой. Выяснилось, что она была родной сестрой Николая Мартынова, чья дуэль с М. Ю. Лермонтовым в том же 1841 г. завершилась трагической гибелью поэта. В родословной Мартыновых о ней говорится следующее.

«Елизавета Соломоновна Шереметева (рожд. Мартынова).

Род. 7 июля 1812 г., вышла замуж 15 июля 1834 г. за полковника Петра Васильевича Шереметева (1799—1837 гг.), сына генерал-майора Василия Сергеевича Шереметева и Татьяны Ивановны Марченко. Через три года после замужества Е. С. овдовела. Скончалась в Риме 2 февраля 1891 г.»<sup>2</sup>

Добавим к этому, что Е. С. Шереметева родилась в Москве<sup>3</sup> и напомним, что на ее надгробии на римском некатолическом кладбище «Тестаццо» указана другая дата смерти — 1 февраля.

Приведенные выше данные позволили в свою очередь установить, что Пушкин был знаком с мужем Шереметевой. Действительно, М. И. Пущин писал в своих воспоминаниях о частых совместных с Пушкиным обедах у П. В. Шереметева — в то время поручика кавалергардского полка, жившего с ними в Кисловодске в доме А. Ф. Реброва (речь идет о периоде 21 августа—6 сентября 1829 г.)<sup>4</sup>

Таким образом, к числу возможных источников сведений о Пушкине, приводимых Боччеллой в предисловии к его сборнику, можно добавить и рассказы самой Е. С. Шереметевой со слов ее покойного мужа.

В нашей статье упоминалось также о сохранившемся в архиве Боччеллы листе почтовой бумаги с подстрочными переводами двух стихотворений Лермонтова: «Я, мать божия, ныне с молитвою...» и «В минуту жизни трудную...». Теперь можно полагать, что и они были сделаны Шереметевой. Лермонтов был хорошо знаком со всеми членами семьи Мартыновых. Сестре Елизаветы — Екатерине, или ей самой, он посвятил новгородный мадригал «Мартыновой»<sup>5</sup>. Считалось, хотя на этот раз, видимо, ошибочно, что другой их сестре — Наталье адресовано и первое из двух названных выше стихотворений.<sup>6</sup>

И еще одно небольшое дополнение к статье. В ней говорилось об имеющемся в библиотеке Пушкина итальянском издании поэмы И. И. Козлова «Чернец» в переводе Боччеллы с надписью на обложке «à M-g Pouschkin» —

---

<sup>2</sup> Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Материалы для истории тамбовского, пензенского и саратовского дворянства/ Сост. Н. А. Нарцов. Тамбов, 1904, вып. XLVII, т. I, ч. 1, с. 67.

<sup>3</sup> См. там же, ч. II, с. 9.

<sup>4</sup> См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 472.

<sup>5</sup> См.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 272.

<sup>6</sup> См.: Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. XLVII, т. I, ч. 1, с. 76. Ср.: Лермонтовская энциклопедия, с. 284.

«Г-ну Пушкину». То же издание с аналогичной дарственной надписью В. А. Жуковскому хранится среди принадлежавших ему книг в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.<sup>7</sup>

*Н. П. Прожогин*

---

## ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПУШКИНСКОГО ОКРУЖЕНИЯ

Около десяти лет ведутся мною разыскания сведений о захоронении тех, кто составлял окружение Пушкина. В настоящее время в моей коллекции свыше 300 фотографий таких захоронений, отчасти выполненных лично, отчасти присланных по моей просьбе различными учреждениями и лицами, которым я выражаю глубокую признательность за помощь в разысканиях.

В результате были уточнены места захоронений многих современников Пушкина, таких как министр народного просвещения А. К. Разумовский, историк Войска Донского В. Д. Сухоруков, Ю. П. Строганова, А. А. Андро де Ланжерон (урожд. Оленина), Е. И. Голицына и др. Зачастую новые данные такого рода оттеняют сложность судеб людей пушкинского времени. Так, оказались разметанными по всей земле члены большого и дружного семейства генерала Н. Н. Раевского. Сам Николай Николаевич Раевский-старший похоронен в селе Разумиевка, в 30 км от Каменки, его жена Софья Алексеевна — на кладбище «Тестаццо» в Риме, их сын Александр — на кладбище «Кокад» в г. Ницца, другой сын Николай — в селе Красненьком Воронежской обл., дочь Екатерина с мужем, М. Ф. Орловым, — на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве, дочь Елена — в г. Фаскати в кафедральном соборе; дочь Мария с мужем, С. Г. Волконским, — в селе Вороньки у города Бобровицы.

Итальянские захоронения членов этой семьи обнаружены Н. П. Прожогиным, бывшим собственным корреспондентом газеты «Правда» в Италии. Он же разыскал в Ливорно могилу лицейских товарищей Пушкина: С. Г. Ломоносова и Н. А. Корсакова (захоронение последнего, как известно, считалось затерянным на одном из кладбищ Флоренции).

Представляют интерес тексты эпитафий на некоторых могильных памятниках.

До сих пор не удалось узнать, каким образом надгробная плита с могилы деда матери Пушкина по материнской линии оказалась в Липецке, в то время как он был похоронен в селе Покровском. Из липецкого музея мне прислали фотографию плиты и полный текст эпитафии: «1777 года ноября 5 дня преставился раб божий капитан Алексей Федорович Пушкин по полудни в 4 часу. Родился в 1717 году марта 3 дня. По левую сторону тут же дети его Александр осьми лет и Маркел полутора году».

Генерал И. Н. Инзов скончался в Одессе, но позже прах его был перевезен в небольшое поселение Болград. О том, как и почему это было сде-

---

<sup>7</sup> См.: Библиотека В. А. Жуковского (описание) / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981, с. 368—369.

лапо, мы узнаем из эпитафии, сохранившейся на стене мавзолея Инзова: «Здесь покоится раб божий Иоанн Никитич Инзов. Генерал от инфантерии, главный попечитель и председатель попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края России. Генерал Инзов родился 23 декабря 1768 года. Скончался в Одессе 27 мая 1845 года. Он дал поселенцам новую жизнь в новом их отечестве. Благодарные болгарские колонисты пожелали перенести в недра своего поселения прах виновника их благоденствия для сохранения имени его в памяти народной. По высочайшему соизволению усердием болгарских колонистов бранные останки генерала И. Н. Инзова перевезены из Одессы и преданы земле в церкви во имя святителя Митрофана в колонии Болград в ноябре месяце 1846 года». Текст эпитафии и фотографию мавзолея мне прислала секретарь Болградского горсовета тов. Балая.

Из текста эпитафий удалось установить и точные даты рождения и смерти некоторых знакомых Пушкина, неизвестные ранее в пушкиноведческой литературе.

Графиня Эвелина-Констанция Ржевуская, в первом замужестве Ганская, познакомилась с Пушкиным летом 1820 г., в Киеве. Выйдя замуж за О. Бальзака, она уехала в Париж. Она скончалась спустя тридцать два года после смерти Бальзака и была похоронена с ним. Эпитафия на памятнике, установленном на кладбище «Пер-Лашез», дала возможность выяснить, что она родилась 6 апреля 1805 г. и умерла 9 апреля 1882 г.

На другом парижском кладбище — «Монмартр» — мною была разыскана могила еще одной знакомой Пушкина — Софьи Александровны Урусовой, в замужестве Радзивилл. Эпитафия позволила уточнить даты ее жизни: родилась 6 мая 1804 г., скончалась 17 июля 1889 г.

В справочнике Г. Геннади указано, что Ф. В. Булгарин был похоронен «на своей даче, близ Дерпта».<sup>1</sup> Сейчас это захоронение находится на кладбище «Раади», расположенном в черте города Тарту (бывший Дерпт). На памятнике — три эпитафии. Первая посвящена Фаддею Венедиктовичу, вторая — его сыну Станиславу, третья — Елене Ивановне, жене Булгарина, с которой Пушкин был также знаком. Из текста последней эпитафии стали известны даты ее жизни: родилась 9 ноября 1808 г., скончалась 16 апреля 1889 г.

Разыскания в области некрополя пушкинского окружения продолжаются.

*С. Г. Гуткевич*

---

<sup>1</sup> См.: Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825. Москва; Берлин, 1876, т. I, с. 114.

## МОСКОВСКАЯ ПУШКИНСКАЯ ВЫСТАВКА 1880 г.

(По материалам архива Л. И. Поливанова)

«От комиссии Общества любителей российской словесности. Открытие Пушкинской выставки будет опубликовано в свое время. Прием портретов, бюстов поэта и его близких, автографов, картин и полиטיפажей, имеющих отношение к личности поэта и его произведениям, продолжается у председателя комиссии Общества Л. И. Поливанова (Пречистенка, дом Степанова).

Комиссия вторично обращается с просьбой доставить портрет матери поэта Надежды Осиповны, если он у кого-либо имеется».

Таков текст объявления, которое было помещено в «Московских ведомостях» 27 мая 1880 г.

3 июня 1880 г. члены комиссии осмотрели выставку, уже подготовленную к открытию, и записали в протоколе: «Утвердить ее в том виде, в каком она устроена».

4 июня 1880 г. выставка была открыта в двух боковых залах Благородного собрания (ныне Дом союзов). Посетители могли осмотреть ее с 1 часа до 3-х часов пополудни. 7, 8 и 9 июня выставку можно было посетить от 10 до 5 часов. Билет стоил 25 копеек. За 4 дня работы выставки (после этого она закрылась) было продано 1236 билетов.

Пушкинская выставка, приуроченная к торжествам по случаю открытия памятника Пушкину в Москве, была первой в истории русской культуры публичной выставкой пушкинских реликвий, находившихся в семейных собраниях, в частных картинных галереях и библиотеках, в домашних музеях, в музеях закрытых учебных заведений, а также в малодоступных государственных учреждениях.

До сих пор выставка не освещалась в научной литературе. Между тем она представляет, на наш взгляд, несомненный интерес не только в плане изучения пушкинской традиции в России, но и в отношении поисков экспонировавшихся на ней пушкинских материалов, которые в настоящее время утрачены.

Задачи данной работы — на основании изучения хранящегося в ЦГАЛИ архива Л. И. Поливанова<sup>1</sup> дать общую характеристику представленных на выставке материалов и особо отметить те документы и реликвии, которые должны явиться предметом поисков. Но прежде чем обратиться непосредственно к поставленным задачам, — несколько слов об истории возникновения выставки и о ее участниках.

Первое заседание созданной Обществом любителей российской словесности при Московском императорском университете комиссии под председательством известного в Москве литератора и педагога Л. И. Поливанова состоялось 15 апреля 1880 г. В состав комиссии вошли Н. П. Аксаков, П. И. Бартенев, П. Е. Басистов, М. М. Ковалевский, Ф. Б. и В. Ф. Миллеры, Н. А. Чаев и председатель Общества — С. А. Юрьев. Помимо членов комиссии, в создании выставки приняли участие такие видные деятели русской

---

<sup>1</sup> Ф. 2191. Далее в тексте в скобках даются отсылки к номерам описи, единицы хранения и листа.

культуры, как А. Ф. Кони, Я. К. Грот, ректор университета Н. С. Тихо-  
нрахов.

В конце апреля и в мае в московских и петербургских газетах комиссия публиковала объявления о сборе материалов для пушкинской выставки. Были направлены письма детям и племянникам Пушкина, родственникам Натальи Николаевны — Гончаровым, друзьям и знакомым поэта: А. М. Горчакову, А. Н. Вульфу, С. Д. Комовскому, В. Т. Кеку, В. А. Нащокиной, П. П. Вяземскому, А. И. Малиновскому, сыну лицеиста, А. И. Дельвигу, двоюродному брату поэта, семьям В. И. Даля, М. П. Погодина и многим другим.<sup>2</sup> Материалы на выставку поступали из Москвы, Петербурга, Киева, Ярославля, Калужской, Нижегородской, Тамбовской губерний и других мест.

Выставка не имела каталога. «Альбом Московской пушкинской выставки 1880 г.», вышедший двумя изданиями в 1883 и 1887 гг., не отражает полностью ее состава, который восстанавливается во многом только благодаря архиву Л. И. Поливанова. Здесь, помимо протоколов комиссии, рабочих заметок, квитанций и расписок владельцев вещей, а также копий писем к ним, хранится «Книга для записи предметов выставки в память Пушкина». В ней более 250 записей, и несмотря на то, что они неравноценны (подробные записи о вещи, ее владельце, посреднике, через которого она поступила, соседствуют с лаконичными, «слепыми» для нас пометами типа «гравюра в рамке»), все-таки записи эти позволяют значительно дополнить наше представление о том, что же экспонировалось на выставке.

Прежде всего следует отметить, что на выставке впервые для обозрения публики были представлены подлинные автографы поэта. Значительная их часть поступила от старшего сына Пушкина — Александра Александровича. Уже на первом заседании комиссия постановила «просить у Александра Александровича Пушкина дневники и автографы покойного отца его» (оп. 1, ед. хр. 179, л. 2). А. А. Пушкин в это время командовал Нарвским гусарским полком и стоял в г. Козлове Тамбовской губернии. О намерениях комиссии он уже знал от давней знакомой семьи Пушкиных — Ольги Федоровны Кошелевой (жены Александра Ивановича Кошелева), деятельно помогавшей комиссии. Письмо А. А. Пушкина к ней было оглашено на заседании 26 апреля. В архиве Поливанова находится копия его

---

<sup>2</sup> Отметим, что не все обращения имели положительный результат. Так, А. Н. Вульф в письме к Поливанову от 22 мая из Тригорского благодарил за оказанную честь, радовался предстоящим торжествам, но ни о каких пушкинских материалах не обмолвился (см. оп. 1, ед. хр. 190, л. 11). А. И. Малиновский написал: «Не обладаю никакими предметами». И далее: «Может быть, в семейных бумагах находящихся за 1000 верст отсюда, и нашлось бы что-либо, подходящее к программе предполагаемой выставки, но при существующих способах сообщения я не берусь даже вступить с вдовой моего отца (Екатериной Федосеевной, урожд. Зинкевич, — Н. Н.) в переписку по этому поводу, т. к. не могу быть уверен, чтобы ответ ее мог быть получен к самому отдаленному из назначенных Вами сроков». А. И. Дельвиг сообщил Поливанову: «Оставшиеся после смерти моего двоюродного брата барона А. А. Дельвига письма были тогда же уничтожены. Если же что-либо и сохранилось, это у его вдовы Софьи Михайловны, вышедшей замуж за С. А. Баратынского и живущей теперь в своем имении Тамбовской губернии Кирсановского уезда» (там же, л. 91).

(оп. 1, ед. хр. 187), а подлинник сохранился в фонде П. И. Бартевева (ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 572 (2)).

Приводим текст письма полностью с сохранением особенностей стиля автора.

Многоуважаемая Ольга Федоровна!

Письмо Ваше по поводу открытия памятника покойного отца моего я получил и спешу ответить Вам на него.

Начну с того, что никакого письма от г. Юрьева я не получал и потому не мог ему ответить. Вероятно, перепутан был адрес. Что же касается до остального содержания письма Вашего, то я без всякого сомнения готов содействовать всем, чем имею, чтобы доставить материалы для биографии отца, и буду очень рад, если могу этим оказать пользу. Но насчет дневника я должен сказать, что у меня находится всего 2-я часть, всего 37 или 38 страниц. Где находится 1-я часть, мне неизвестно, хотя я предполагаю, что в 3-м отделении, так как Вам, вероятно, известно, что в день смерти отца все бумаги его были опечатаны и затем разбираемы начальником штаба шефа жандармов.

Вторая же, хотя и содержит много материалов, напечатана быть не может: кроме соображений чисто частных, цензурные правила этому будут препятствием. Отдать в чужие руки я не решаюсь. Если же кто-либо из членов пожелает его прочесть, то я его представлю в его распоряжение, но не иначе как у себя. Все манускрипты отца я выписал в Козлов, по всей вероятности они придут к 1-му мая. К тому времени я могу их представить тому, кому Общество Любителей поручит их рассмотреть.

Вместе с тем я могу сообщить Вам, что, признавая рукописи отца достоянием не одного (в копии: не единого, — *Н. Н.*) нашего семейства, но и России, я намерен пожертвовать их Московскому Музеуму в ознаменование дня открытия памятника и тем сохранить их от всяких случайностей.

Пользуюсь этим случаем, чтобы поздравить Вас с праздником, а также и Александра Ивановича. С искренним уважением и преданностью остаюсь искренне преданный Вам

*Александр Пушкин.*

В приведенном письме следует указать, во-первых, на твердое намерение пожертвовать рукописи отца «Московскому Музеуму», а во-вторых, на, видимо, бытовавшую в семье версию о судьбе так называемой первой части дневника. В позднейших исследованиях о дневнике она не учтена, но между тем несомненно заслуживает внимания.

А. А. Пушкин передал на выставку рукописи (это были рабочие тетради) и личные вещи отца, а также семейные портреты.<sup>3</sup> После закрытия выставки все было получено его доверенным лицом, «служителем» Алексеем Ивановым.

---

<sup>3</sup> С. А. Юрьев просил его составить опись и передать ее П. И. Бартевеву, отправившемуся по поручению комиссии в Козлов. К сожалению, обнаружить эту опись не удалось.

С большим сочувствием отнесся к организации выставки племянник Пушкина — Анатолий Львович. 6 мая он писал Поливанову из Болдина (оп. 1, ед. хр. 125):

С этой почтой посылаю рукопись: История Петра I. Я не утверждаю, что она писана рукою Александра Сергеевича, но по сходству почерка надо предполагать, что — произведение его пера. Рукопись эту в настоящее время Вы имеете возможность сличить с другими его письмами.

В числе оставшихся бумаг отца моего были письма дяди, которые взяты бывшим моим опекуном Сергеем Александровичем Соболевским и переданы П. И. Баргелену, издавшему часть их в брошюре «Пушкин в Южной России», где же другая — мне неизвестно.

Какая именно часть «Истории Петра» находилась у Анатолия Львовича? Ни в одном своде данных о рукописях «Истории Петра» рукопись, идущая из Болдина от сына Льва Сергеевича, не значится.<sup>4</sup>

Что касается «писем дяди», то, видимо, Анатолий Львович не знал публикаций писем к С. А. Соболевскому в «Библиографических записках» и отдельной брошюрой.

В фонде Л. И. Поливанова сохранилось письмо к нему Д. Д. Гончарова от 8 мая 1880 г. из Полотняного завода. Приводим его в той части, где он перечисляет рукописные материалы (оп. 1, ед. хр. 190):

Получив письмо Ваше за № 3 при сем посылаю в особой посылке имеющиеся у меня автографы Александра Сергеевича-Пушкина <...>

1. Письмо его на французском языке к матери невесты его, Наталье Ивановне Гончаровой (урожденной Загряжской).

2. 7 писем к деду его жещы, Афанасию Николаевичу Гончарову, от 1830 года: мая 3-го, июня 7 и 28, августа 14 и 24, сентября 9 и 1, 1831 — февраля 24.

В конце последнего приписка рукою жены Александра Сергеевича.

3. Одно письмо отца Александра Сергеевича, Сергея Пушкина, с припиской матери его, Надежды Пушкиной к Афанасию Николаевичу Гончарову от 20 июля 1830 года.

4. Альбом, принадлежавший бабке жены Александра Сергеевича, Надежде Платоновне Гончаровой (урожденной Мусиной-Пушкиной) с четверостишием Пушкина с подписью А П, написанным вслед за двоестиишем, писанным рукою его жены, на 17 сентября (именины Надежды Платоновны) на 8-м листке; с 8-ю стихами Пушкина (на 17-м листке) без подписи, его стихотворением под заглавием «Эпиталама» (на листах 21 и 22), другим стихотворением (на листе 23-м). Все эти стихи без подписи Пушкина, но мне кажется несомненно рукою его писаны.<sup>5</sup>

---

<sup>4</sup> См.: Х, 481—487; Попов П. С. Пушкин в работе над историей Петра I. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18; Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 7-е изд. М., 1979.

<sup>5</sup> В копии, сделанной Л. И. Поливановым с 21-го листа «Красного альбома», имеются стихи, подписанные инициалами А. П., явно не принадлежащие Пушкину.

5. Список книг, взятых Александром Сергеевичем Пушкиным, как я полагаю, из библиотеки в Полотняном заводе, потому что он найден мною в одном из шкапов ее. Конец па 2-й, 3-й и 4-й страницах писаны, может быть, рукой его.<sup>6</sup>

Далее в письме Д. Д. Гончарова перечислены девять портретов, которые он также отправляет на выставку.

Директор Московского главного архива Министерства иностранных дел барон Ф. А. Бюлер, в юности видевший Пушкина, а потом посетивший квартиру умершего поэта, автор одного из некрологов,<sup>7</sup> писал Л. И. Поливанову (оп. 1, ед. хр. 189):

Честь имею препроводить при сем для выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности, два принадлежащих к моему собранию автографа, собственноручные письма А. С. Пушкина: одно к кавалерист-девице Н. А. Дуровой, а другое — к графу М. А. Корфу — вместе с оттисками Русского Архива, в №№ 1 и 7-м которого они были напечатаны в 1872 г. с подробными объяснениями.

После закрытия выставки письма из собрания Бюлера получил библиотекарь архива П. Токматов.

Из Серпухова от одного из сыновей Е. Н. и С. Д. Киселевых, Петра Сергеевича, были получены (согласно записи в «Книге для записи предметов» и квитанции) «Альбом Ушаковых; миниатюрная записная книжка с автографами Пушкина карандашом; листок с изображением Шаликова и Шаховского; листок с приглашением к Американцу-Толстому; 2 письма С. Д. Киселеву».

Под № 5 в той же «Книге» записан «Автограф стихотворения „Промчались годы заточенья“ на 3 страницах», полученный от Ф. Б. Миллера.

Под № 116 значится автограф неизвестного нам письма, полученного от С. Н. Юрьева. От него же был и альбом А. П. Керн. Сохранилась расписка: «Альбом Полторацкой-Керн также получил обратно: С. Юрьев». Под № 144 значится «автограф стихотворения Пушкина „Орионъ“, от гр. Коновницына». К этому имеется запись следующего содержания: «Мая 21/1880. Общество любителей российской словесности получило от графа Петра Ивановича Коновницына для выставки во время празднования открытия памятника А. С. Пушкина стихотворение А. С. Пушкина, начинающееся словами „Нас было много на челне“ и писанное на полулисте с водяным знаком 1834 год с пояснениями Е. П. Нарышкиной и графа П. И. Коновницына. Стихотворение это имеет быть возвращено графу П. И. Коновницыну 30 мая сего года по месту жительства в Москве

---

<sup>6</sup> В статье Б. В. Шапошникова «Новый документ о книгах библиотеки Пушкина» (Временник Пушкинской комиссии, т. 3, М., Л., 1937) рассматривается копия с этого документа, снятая Л. И. Поливановым и хранившаяся у А. А. Венкстерна. Подлинный документ упомянут в ст.: Коган Г. В. Библиотека Полотняного завода. — Огонек, 1949, № 24. В настоящее время он находится в рукописном фонде Государственного музея А. С. Пушкина (Москва).

<sup>7</sup> См.: Временник Пушкинской комиссии, 1965, Л., 1968, с. 85—86,



в б. Знаменском пер. в доме Смирнова». Подписано Поливановым, Юрьевым, Аксаковым (оп. 1, ед. хр. 183, л. 16).

По каким-то обстоятельствам возврат листка со стихами Пушкина задержался.

31 марта 1881 г. эта рукопись была получена двоюродным братом П. И. Коновницына, Н. Н. Бахметевым.

Сохранилась копия в бумагах Поливанова. Сначала идет текст «Ариона», а под ним запись: «Александра Сергеевича Пушкина к изгнанникам в Сибирь — вручены эти стихи были Александре Григорьевне Муравьевой, рожденной графине Чернышевой, при отъезде ее в Сибирь, к мужу ее Никите Михайловичу Муравьеву». И далее: «Пояснительные к этим стихам строки писаны рукою Елисаветы Петровны Нарышкиной, рожденной графини Коновницыной, которая, как и А. Г. Муравьева, добровольно пребывала при своем муже на каторжных работах. Мне же эти стихи достались по наследству от тетки Е. П. Нарышкиной. *Гр. Петр Коновницын*».

Заметим, что понятие «автограф» в отдельных документах и рабочих записях комиссии употреблялось, по-видимому, не слишком точно. Иначе что за автограф стихотворения «Промчались годы заточенья...» был у Миллера? Что за автограф «Ариона» — на бумаге 1834 г.?

Под № 86 в «Книге для записи предметов» значится «Портрет барона Дельвига, писанный самим Пушкиным». И далее мы читаем: «От Сергея Дмитриевича Иванова (получен им от отца Дмитрия Петровича Иванова, бывшего преподавателя русской словесности в Дворянском институте и получившего этот набросок от одного родителя воспитанника Дворянского института)».<sup>8</sup> В квитанции сказано: «... принят портрет барона Дельвига, писанный рукою А. С. Пушкина, с четверостишием его же».

В «Книге для записи предметов» значится письмо к А. С. Пушкину от В. А. Нащокиной. Какое именно, — установить не удалось. В архиве Поливанова находятся копии писем Н. Н. Пушкиной к Нащокиным от 6 апреля 1837 г., 18 марта 1838 г., 28 июля 1838 г. и письмо Туманского к Пушкину из Одессы от 20 апреля 1827 г.

На выставке были представлены и документальные материалы. Назовем некоторые из них, имеющие непосредственное отношение к Пушкину.

Два контракта на наем квартиры, подписанные Пушкиным. По «Книге для записи предметов» это № 157. На выставку они переданы Жемчужниковым.<sup>9</sup>

Пригласительный билет на отпевание тела Пушкина, на оборотной стороне которого значится: «Его превосходительству Е. А. Энгельгардту». Поступил от Ф. Б. Миллера.

Копия письма Пушкина барону Геккерену в том его варианте, который находится в военно-судном деле. Она поступила от барона Феофила Егоровича Мейендорфа (1838—не ранее 1917), генерал-майора, председателя Общества ревнителей военных знаний. Доставил ее некий Шрейер.

Письмо (оп. 1, ед. хр. 184, л. 40) имеет сопроводительный текст:

<sup>8</sup> Находится в собрании Государственного Литературного музея.

<sup>9</sup> По-видимому, они описаны в кн.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 789—790.

«Документ этот принадлежит наследникам покойного генерал-адъютанта барона Мейендорфа,<sup>10</sup> бывшего в дружеских отношениях с секретарем голландского посольства Геверсом,<sup>11</sup> от которого, предполагается, и получено это письмо.

Свиты его величества генерал-майор бар. *Мейендорф*.

Именно этот вариант письма имел хождение в дипломатических кругах.

В статье А. Гласе «Дуэль и смерть Пушкина по материалам архива Бюртембергского посольства» рассматривается копия письма Пушкина Геккерену от 26 января 1837 г., принадлежавшая вюртембергскому посланнику князю Гогенлоэ.<sup>12</sup>

Е. Ф. Мейендорф, знакомый с Геверсом, вероятно, мог получить копию письма через него, но мог быть и другой источник: копия могла быть снята непосредственно с экземпляра, находившегося в военно-судном деле, так как Мейендорф имел отношение к разбирательству по поводу дуэли.<sup>13</sup>

На выставке были документы, имеющие отношение к Ганнибалам. Они описаны в очерке А. А. Венкстерна в «Альбоме московской пушкинской выставки 1880 г.».

Выставка была интересна также изобразительным материалом и мемориальными предметами. Здесь было выставлено почти все самое значительное в иконографии Пушкина.

Так, портрет работы Кипренского был представлен оригиналом, полученным от А. А. Пушкина; копией пастелью, принадлежавшей некогда Сергею Львовичу Пушкину, перешедшей потом к Льву Сергеевичу и к моменту выставки находившейся в Болдине у Анатолия Львовича; копией маслом работы Н. Н. Ге, полученной от П. М. Третьякова, и акварельной копией — от Е. Ф. Головачевой.

Тропининский портрет экспонировался в оригинале, принадлежавшем в ту пору кн. А. М. Хилковой, дочери М. А. Оболенского.<sup>14</sup> Эскиз к тропининскому портрету был дан на выставку П. М. Третьяковым. Копия с портрета была доставлена Мухановым.

От П. Е. Басистова поступил рисунок карандашом, приписываемый С. Г. Чирикову.

На выставке было большое количество гравированных и литографированных портретов Пушкина, как прижизненных, так и позднейших.

<sup>10</sup> Имеется в виду Мейендорф Егор Федорович (1792—1879), знакомый Пушкина. См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 244.

<sup>11</sup> Ср.: Эйдельман Н. Я. О гибели Пушкина. (По новым материалам). Новый мир, 1972, № 3, с. 201—226.

<sup>12</sup> См.: Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980, с. 31—35.

<sup>13</sup> Известно его мнение о возможности смягчить участь секунданта Пушкина Данзаса, принимая во внимание, что он «вовлечен был в сие сколько из уважения к Пушкину, с коим по собственному его чистосердечному перед судом объяснению, видно, имел товарищество и дружбу с детства, также то, что он прежде служил беспорочно, был в походах и получил рану» (Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военносудное дело. 1837. СПб., 1900, с. 7—8).

<sup>14</sup> Барон Бюлер, сменивший М. А. Оболенского на посту директора Московского главного архива МИД, передал на выставку редкую брошюру о портрете Пушкина работы Тропинина, написанную Оболенским.

Особо отметим переданный в дар московской литографией Пашкова портрет большого формата, исполненный в 1880 г. и безусловно наиболее удачный из всех портретов этого времени.

Посмертную маску поэта доставил на выставку П. И. Бартевев. Она принадлежала А. И. Свечину.

Мраморные бюсты поэта устроители выставки просили у гр. Д. А. Толстого — работы Витали и у К. Т. Солдатенкова — работы Рамазанова.

Среди упомянутых в списках и протоколах комиссии прижизненных портретов Пушкина обращают на себя внимание три, для нас загадочных.

Портрет, «писанный с натуры в 1828 г. худ. Васильевым, доставил Макаров». Никаких других сведений о нем нет.

Далее — портрет, принадлежавший И. С. Тургеневу. Впервые он упоминается в протоколе третьего заседания комиссии от 26 апреля. В пункте 3 записано: «И. С. Тургенев обещал для выставки доставить перстень Пушкина (сердоликовый с еврейской надписью) и портрет, рисованный карандашом г-м Вивьеном, полученный Тургеневым от отца» (оп. 1, ед. хр. 179, л. 5). Позднее в перечне намеченных материалов выставки (с пометами Поливанова «послано письмо», «обещал доставить», «обещал привезти» и т. д.) под № 7 значится «портрет карандашом работы Вивьена у Тургенева» и стоит помета: «Тургенев обещал привезти». Портрет Пушкина, исполненный Вивьеном в Москве в 1826 г., до сих пор известен в двух почти идентичных экземплярах. Один из них Пушкин подарил Баратынскому, позднее он принадлежал Н. И. Тютчеву и у него был приобретен Государственным литературным музеем. Второй — принадлежал Г. А. Пушкину, им был подарен Осиповым-Вульф, поступил от С. В. Вревской. Б. Л. Модзалевский получил его для музея Пушкинского Дома. Сейчас он принадлежит Всесоюзному музею Пушкина. Портрет приписывался Жюлю Верне. В 1921 г. В. Я. Адарюков установил авторство Вивьена.<sup>15</sup> До этого ни о каких портретах Пушкина работы Вивьена не было известно. Но вот, оказывается, был еще один рисунок, принадлежавший И. С. Тургеневу. Дальнейшая его судьба нам неизвестна. Неизвестно также и то, каким образом он попал к С. Н. Тургеневу, отцу писателя. Вместе с тем следует заметить, что родители И. С. Тургенева были прочно связаны с Москвой и что в какой-то мере у них был общий с Пушкиным круг знакомых (Кутузовы, Вибиковы, И. И. Дмитриев и др.), но связи эти еще недост? точно выявлены.

Третий портрет, судьба которого в настоящее время неизвестна, был, как сказано в квитанции, «рисован пером с натуры членом Академии Художеств Марией Трофимовной Дурновой (по мужу Лавиной) в 1836 г.»<sup>16</sup> В квитанции имеется приписка: «Согласен на продажу. Дмитрий Михайлович Лавин».

И по сей день в фонде Л. И. Поливанова находятся портреты Пушкина, не имеющие художественной ценности, но любопытные по своему происхождению. Это, как значится в «Книге для записи предметов вы-

<sup>15</sup> См.: Казанский музейный вестник, 1921, № 7—8.

<sup>16</sup> М. Т. Дурнова (1798—?) — представительница семьи русских художников. В Русском музее хранится выполненный ею портрет мальчика (из рода князей Волконских; см.: Государственный Русский музей. Живопись XVIII—нач. XX века. Каталог. Л., 1980, № 1738).

ставки» под № 207, четыре портрета Пушкина, рисованные «учениками-инородцами Учительской семинарии в Казани». Это перерисовки в карандаше гравированного портрета Пушкина работы Райта, выполненные «чувашином Сергеем Семеновым» из Ядринского уезда деревни Новых-Яхакасов, «алтайцем Стефаном Тодогошевым» из Бийского округа Томской губернии, «калмыком Василием Давыдовым» из Астраханской губернии и «черемисином Филимоном Токмурзинным» из деревни Нырғынды Сарапульского уезда Вятской губернии.

На выставке экспонировались также мемориальные предметы, принадлежавшие Пушкину и Ганнибалам. В их числе — печать Пушкина с его гербом (поступила от Льва Александровича Пушкина), сабля, подаренная Паскевичем (от старшего сына поэта), перстень «карналиновый» (от И. С. Тургенева) и перстень с изумрудом (от дочери Даля О. В. Демидовой).<sup>17</sup>

Н. Берг писал Поливанову из Варшавы о том, что в семье М. П. Погодина должен быть сюртук Пушкина, в котором он был на дуэли. «... сюртук принадлежал когда-то В. И. Далю, — говорится в этом письме, — им подарен М. П. Погодину и хранился в его доме на Девичьем поле, в небольшом шкапике красного дерева, в первой зале, где старые картины на стенах» (оп. 1, ед. хр. 190, л. 10). Но выяснилось, что сюртук был из дома Погодина украден. На выставку же попал трогательный и курьезный экспонат: пуговица от этого сюртука, сохраненная Далем и переданная им в Демидовский лицей, где правлением лицея было заведено «Дело о пуговице с сюртука Пушкина, тут же и сама пуговица. Начато 1855 года». При пуговице хранилась удостоверяющая записочка: «Пуговка от того сюртука А. С. Пушкина, в котором он был убит. В. Даль. Оренбург 22 июля» (оп. 1, ед. хр. 184, л. 48 и 50).

На выставке было много книг: первые издания произведений Пушкина, переводы на французский и немецкий языки, альманахи, пушкинский «Современник».

Ценнейшая часть книжной коллекции — книги с автографами, с дарственными надписями: «Цыганы» 1827 г., подаренные С. Д. Полторацкому, и «Борис Годунов» 1831 г. — П. Я. Чаадаеву (из Румянцевского музея), «История Пугачевского бунта» 1834 г., «подаренная автором С. Д. Комовскому» (во время московских торжеств Комовский, лицейский товарищ Пушкина, был еще жив, он умер через месяц после открытия выставки 82 лет отроду).

Были на выставке семейные портреты Пушкиных, Ганнибалов, Гончаровых, переданные сыновьями Пушкина, племянниками (Л. Н. Павлицевым и А. Л. Пушкиным), Д. Д. Гончаровым, архивом МИД.

Были виды мест, связанных с пребыванием Пушкина: специально сфотографированный пушкинский кипарис в Гурзуфе, четыре фотографических же вида Болдина, могила поэта (рисунок работы А. Н. Саврасова), кабинет П. В. Нащокина (масло, художник Подклюшников) и др.

---

<sup>17</sup> Мемории требовали особой заботы от устроителей выставки. На обороте визитной карточки А. А. Венкстерна сделана памятная запись: «На выставке *не отходя ни на минуту* находятся 5 артельщиков, шестой служит для замены уходящих обедать. Один из них прикомандирован специально к перстням».

От П. М. Третьякова, от детей М. П. Погодина, от сына П. А. Плетнева были получены портреты писателей, современников Пушкина, от С. Д. Ковмовского — литографированные портреты Дельвига и Баратынского, которые некогда находились в кабинете Пушкина. В составе выставки были иллюстрации к произведениям Пушкина: гравюры, отпечатанные при жизни поэта для альманахов, лубочные картинки на темы произведений Пушкина, политипажи из «Нивы» и других современных изданий, а также несколько оригинальных рисунков и живописных работ.

Как уже отмечалось, Московская Пушкинская выставка положила начало славной традиции — организации литературных выставок.

В сентябре 1880 г. в Петербурге была открыта вторая Пушкинская выставка, доходы от которой использовались для оказания помощи нуждающимся литераторам и ученым.

В 1899 г., когда велась подготовка к столетию со дня рождения Пушкина, устроители юбилейных выставок обращались к семье скончавшегося незадолго до этого Л. И. Поливанова, справедливо полагая, что в его архиве могут быть сведения о том, где следует искать пушкинские материалы.

*Н. С. Нечаева*

---

## НОВЫЙ ПЕРЕВОД «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В Федеративной Республике Германии появился новый перевод пушкинского романа в стихах. Он опубликован в качестве второго тома основной недавно серии «Труды Комитета по развитию славистических исследований в ФРГ» (издается под патронатом ЮНЕСКО). Перед читателями — плод двадцатилетней работы литературоведа-слависта и переводчика Рольфа-Дитриха Кайля.<sup>1</sup>

Редактор серии проф. Х. Роте отметил в своем предисловии к данному тому «Трудов», что знакомство с новым переводом «Евгения Онегина» поможет наконец немецкому читателю убедиться в гениальности романа. «Кажется, русский текст избежал потерь, но главное — слог немецкого перевода избежал насилия», — считает редактор (5). В работе переводчика, по мнению Х. Роте, удачно сочетается филологическая точность с тонким художественным чутьем и владением всеми выразительными средствами немецкого языка. Для славистов и других читателей, владеющих русским языком, параллельно немецкому тексту в томе помещен оригинал — по советскому изданию (VI).

С оценкой перевода, высказанной в редакторском предисловии, можно согласиться. Действительно, перевод Р.-Д. Кайля представляет собой при-

---

<sup>1</sup> Puschkin Alexander. Jewgenij Onegin. Roman in Versen. Deutsche Fassung und Kommentar von Rolf-Dietrich Keil (Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der slawischen Studien. Hrsg. von H. Rothe, 2). Giessen (1980), 470 S. — Ссылки на страницы данного издания даются в тексте настоящей статьи в скобках.

мечательное явление в длительной истории переводов произведений Пушкина на немецкий язык. Правомерно ли появление еще одного, двенадцатого по счету, немецкого перевода «Евгения Онегина»? Как справедливо считал М. П. Алексеев, «повторные усилия переводчиков приблизиться к пушкинскому тексту должны иметь в виду постоянное, методически возобновляемое намерение воспитать в иностранном читателе Пушкина возможность восприятия самого подлинника...»<sup>2</sup> Перевод, который мы здесь рассматриваем, несомненно, является заметной вехой на этом пути.

Отличительной чертой этого труда следует назвать стремление переводчика к наиболее точной передаче онегинской строфы, к сохранению не только смысла каждого стиха, но и по возможности его звукового облика. Переводчик старался также воссоздать самую модель современного читательского восприятия романа на иноязычной почве. Не случайно в основу был положен текст последней авторской редакции 1837 г. с ее грамматическими и лексическими особенностями. Известная архаизация немецкого текста достигалась как употреблением старых форм типа *ward (wurde)*, *güldne (goldne)* и т. п., так и использованием стилистических приемов классической немецкой поэзии. Например, Кайль широко применил своеобразную неточную певучую рифму *heut/Zeit, schwül/gleichviel, trüb/be-schrieb* и т. п., которая в слуховом восприятии современного немецкого читателя несет нагрузку легкого поэтического анахронизма. Подобное принципиальное отклонение от оригинала обращает на себя внимание (если помнить о полных, энергичных пушкинских рифмах), однако совершенно оправдано в эстетическом отношении, свидетельствуя о неформальной, творческой точности переводчика.

Он поставил перед собой задачу передать, насколько возможно, и ту неповторимую разговорную интонацию, которая сообщает произведению Пушкина особую изящную непринужденность. В комментариях Кайль подчеркивает свою ориентацию на «эстетическую информативность» перевода (419). Поэтому не только рифмы, но и ударения в словах (за исключением собственных имен и названий) подчиняются не строгой орфографии, а орфоэпии, разговорной стихии немецкого языка. Многие строки укладываются в стихотворный размер лишь при беглом, нерасчлененном прочтении, характерном для живой речи. Такое решение представляется достаточно удачным.

Кайль учитывает особенности восприятия романа в стихах иноязычным читателем и в том, что касается реального содержания глав. Как правило, передача содержания становится возможной при отказе от буквализма в переводе. Стремясь к точности, переводчик не только ищет эквиваленты русских речевых оборотов, но порой даже раскрывает их иными художественными средствами.

Показателен следующий пример. В характеристике Онегина (глава вторая, V строфа) Кайль столкнулся с необходимостью передать значение частицы «с» («Все *да да нет*; не скажет *да-с* Иль *нет-с*»), которая имеет довольно тонкий стилистический, оценочный смысл. Здесь и намек на определенную ступень в иерархической лестнице, и выражение подобострастия,

---

<sup>2</sup> Алексеев М. П. «Евгений Онегин» на языках мира. — В кн.: Мастерство перевода. Сборник. М., 1965, с. 286.

готовности к услугам, и свидетельство стереотипности мысли и языка. Кайль достаточно верно, хотя и немного прямолинейно, передал значение частицы словом *höflich*: «Kein höflich Wort, nur „ja“ nund „nein» («Ни одного вежливого «в первоначальном значении «придворного» слова — лишь „да“ и „нет“).

Сложнее обстоит дело с переводом понятий, обозначающих атрибуты русского быта или несущие в себе специфическое национальное содержание. В этом случае стремление к точности требует от переводчика то самого скрупулезного буквализма вплоть до сохранения в тексте русицизмов, то, напротив, свободной интерпретации оригинала, связанной с поисками немецких культурно-бытовых и соответствующих им языковых аналогов. Многие художественные решения оказываются при этом спорными, безусловными.

Так, в большинстве случаев Кайль транслитерировал русское слово «баня»; попытка (оговоренная в комментариях) заменить его словом *Sauna* оказалась малоудачной; то же можно было бы сказать и о другой возможной замене, стилистически индифферентной, — *Bad*.

Вместе с тем вряд ли оправдан сохранение в немецком тексте слова «няня», дающего, правда, возможность хорошей рифмы с именем Таня, чем охотно пользуется переводчик.

Несколько чуждо звучат в контексте повествования о русской жизни слова *Restaurant* (в значении «трактир», ср.: *Schenke, Kneipe*), *Keks* (пряник), *Mus* (варенье) и т. п., имеющие аналогичные формы в русском языке, но несущие совсем иной колорит, нежели те, которые подлежат переводу.

Вызывает сомнение целесообразность замены некоторых русских имен людей и кличек животных немецкими, тем более что это нарушает единообразие перевода; в подавляющем большинстве случаев такая замена не производится. В начале же главы пятой вместо собаки Жучки появляется *Waldi*, а в знаменитой сцене гадания прохожий на вопрос «Как ваше имя?» отвечает не «Агафон», но рекомендуется тезкой немецкого католического святого — *Korbinian*. Вероятно, в немецком восприятии имя *Agathon* действительно имеет только высокое звучание, мешающее передаче озорного намерения Пушкина «приземлить» слишком приподнятое настроение девичьего гадания звуком простонародного мужского имени. Но все это так или иначе требует пояснения в немецком издании. Не лучше ли было бы буквально последовать пушкинскому оригиналу, сделав необходимое примечание?

Вполне возможно, что большая близость к подлиннику сказалась бы благотворно и на трудной для перевода «Песне девушек» из главы третьей. Начало ее «Девицы, красавицы, Душеньки, подруженьки...» передано Кайлем как «*Mädchen, schön wie Milch und Blut, Freundinnen, Gefährtinnen...*», что представляется не очень удачным. «Молоко и кровь» (*Milch und Blut*), немецкое разговорное выражение, аналогичное нашему «кровь с молоком», бесспорно, близко народным понятиям о красоте, но в устах самих поющих девушек оно звучит комично. Вариант, который находим в переводе одного из предшественников Кайля — К. Боровски, будучи почти точным соответствием оригиналу, кажется более уместным; «*Ihr Mädchen, ihr schönen, Ihr Freundinnen und Gespielinnen*».<sup>3</sup> Примечателен и вариант, най-

<sup>3</sup> См.: Puschkin A. S. Eugen Onegin, Stuttgart (1972), S. 76.

денный другим переводчиком романа — И. Гюнтером, который с совершенно оправданным, на наш взгляд, буквализмом перевел русское «душеньки» (одно из тех «трудных» слов, которые вообще опускались переводчиками) как *Seelchen*.<sup>4</sup> Это приблизило немецкий текст к русскому и придало ему больше народного колорита.

Иногда маленькая семантическая неточность переводчика может привести к потере авторской интонации или изменению самой оценки изображаемого. Так, в главе первой, где воспеваются «ножки милых дам», слова «взлеяны в восточной неге» переведены как *im milden Osten großgeworden* (дословно — «выросли на нежном Востоке»). Этот упрощенный, хотя и возможный в определенном контексте, перевод слова «взлеяны» Кайль выбрал вслед за И. Гюнтером.

Однако отмеченные нами промахи (из них приведены лишь наиболее характерные) почти неизбежны в таком колоссальном и сложном труде, как перевод «Евгения Онегина». Они не мешают высоко оценить заслуги переводчика. Многие места немецкого текста можно признать безупречными. Отраднo, что в их числе оказались основополагающие с социально-исторической точки зрения строфы: мысли поэта-патриота, гордого своей непокорившейся вольнолюбивой Родиной («Напрасно ждал Наполеон...»), его «горестные заметы» о различных явлениях русской жизни 1820-х годов, широкое полотно которой Пушкин воссоздал в своем произведении.

Нашли достойное воплощение в немецком стихе пушкинские лирические шедевры: тончайшая живопись пейзажей («Гонимы вешними лучами...») или «Но наше северное лето...»), виртуозная по легкости и изяществу зарисовка танца Истоминой, вдохновенный рассказ о дружбе Ленского и Онегина («Они сошлись. Волна и камень...»), о молодой любви Ленского. Приведем для сравнения оригинал и перевод XX строфы главы второй:

Ах, он любил, как в наши лета  
Уже не любят; как одна  
Безумная душа поэта  
Еще любить осуждена:  
Всегда, везде одно мечтанье,  
Одно привычное желанье,  
Одна привычная печаль.  
Ни охлаждающая даль,  
Ни долгие лета разлуки,  
Ни музам данные часы,  
Ни чужеземные красы,  
Ни шум веселий, ни Науки  
Души не изменили в нем,  
Согретой девственным огнем.

Er liebte, wie in unsern Tagen  
Man nicht mehr liebt; wie ganz allein  
Des Dichters Seele, wahngeschlagen,  
Zu lieben kann verurteilt sein:  
Allzeits, allorts das gleiche Wähnen,  
Des gleichen Wunschs gewohntes

Sehnen,  
Des gleichen Leids gewohnte Qual.  
Nicht der Entfernung kühles Tal,  
Nicht langer Trennungsjahre Haften,  
Nicht Musendienst geweihte Zeit,  
Nicht fremder Länder Herrlichkeit,  
Nicht Festlärm und nicht

Wissenschaften  
Veränderten die Seele sein,  
Die brannte jungfräulich und rein.

В тексте издания отлично воспроизведен ряд пушкинских рисунков. Еще одно его достоинство — большой справочный отдел, отличающий эту публикацию от всех предыдущих немецких переводов романа. Отдел вклю-

<sup>4</sup> См.: Puschkin A. *Ausgewählte Werke*. Berlin, Aufbau-Verlag, 1952, Bd 2, S. 78.



чает в себя довольно подробную библиографию основной литературы о Пушкине и о «Евгении Онегине», созданной в Советском Союзе и за рубежом, указатель имен и комментариев. Составителем примечаний и всего вспомогательного аппарата книги является также Р.-Д. Кайль.

Комментарий к переводу основан на принципах, принятых в советских академических изданиях. После краткой статьи с общей характеристикой Пушкина и его романа в стихах, после обоснования выбора текста для перевода и описания переводческого метода, которого придерживался Р.-Д. Кайль, следуют примечания к каждой главе «Евгения Онегина» с краткой творческой историей и реальным комментарием.

Примечания составлены в расчете на среднего западногерманского читателя, плохо, как правило, знакомого с творчеством Пушкина и с жизнью России пушкинской поры. Цель комментатора заключалась в том, чтобы объяснить «имена, факты и намеки, которые иначе остались бы незамеченными» (420). Опираясь на советские комментированные издания романа, на работы советских пушкинистов С. М. Бонди, Н. Л. Бродского, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского и пр., на обширный комментарий В. Набокова к его английскому переводу «Евгения Онегина», Кайль в целом справился со своей нелегкой задачей. Начиная от пояснений к таким понятиям, как «квас» и «святки» и до раскрытия сложных аллюзий, связанных с общественными явлениями (крепостничество, масонство), с литературными спорами, с личной судьбой поэта, примечания помогают разобраться в содержании романа. Некоторые частные наблюдения Кайля можно было бы учесть нашим комментаторам Пушкина. Интересно указать, что к XV строфе главы третьей («Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слезы лью...») имеется смысловая параллель в истории Франчески да Римини из песни V «Ада» Данте (433—434). В связи с 14-м стихом XLVII строфы восьмой главы комментатор напоминает, что в балладе М. Н. Муравьева 1790-х годов «Болеслав, король польский» был стих «Буду ввек ему верна!» (451). Отметим, однако, что этот случай аналогичен, возможно, тому, который отметил Ю. М. Лотман в I строфе романа: как выражение «самых честных правил», так и стих Муравьева являлись «живыми фразеологизмами устной речи той поры».<sup>5</sup> Наконец, в заключительных строфах (L и LI) главы восьмой немецкий переводчик, как его предшественники и другие исследователи,<sup>6</sup> нашел сходство с «Посвящением» Гете к его «Фаусту» в переложении Жуковского (451—452). Можно добавить, что упоминание «идеала» и спасительного литературного труда повторяет мотивы «Идеалов» Шиллера.<sup>7</sup> Не следуя непосредственно ни Гете, ни Шиллеру, ни Жуковскому, Пушкин обратился к общей традиции эгегических мотивов, знакомых и русской литературе, и Западной Европе, и Востоку (Саади).

---

<sup>5</sup> См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1980, с. 121.

<sup>6</sup> См., например: Зубков Н. Н. О возможных источниках эпитафий к «Бахчи-варайскому фонтану». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981, с. 111—112.

<sup>7</sup> См.: Розова З. Пушкин и «Идеалы» Шиллера. — Slavia, 1937, т. 14, № 3, с. 404.

По поводу примечаний Кайля к «Евгению Онегину» необходимо высказать также и некоторые критические соображения.

Анализируя авторское посвящение романа («Не мысля гордый свет забавить...»), комментатор уделил слишком мало места содержащемуся в этих стихах своеобразному конспекту пушкинского замысла; в примечании говорится лишь о «каталоге», перечислении качеств романа, а не о смысле поэтической автохарактеристики (421). Комментарий к «ярму барщины», упомянутому в IV строфе главы второй, не раскрывает значения этого места романа; приводится только справка о том, что барщина «теоретически» занимала три дня в неделю (428), однако не принимается во внимание, что за поступком Онегина, заменившего барщину оброком, стояла целая программа возможного освобождения крестьян.<sup>8</sup> Разговоры Онегина и Ленского можно было бы прокомментировать подробнее, чем это делает Кайль в примечаниях к XVI строфе главы второй (429). Он лишь расшифровал намек на споры о сочинениях Руссо, между тем предметом бесед молодых вольнодумцев служили «плоды наук»,<sup>9</sup> «добро и зло», т. е. широкие социальные и этические проблемы, дополнившиеся размышлениями о предрассудках и «тайнах гроба», под которыми почти наверное следует понимать то смелое переосмысление религиозно-философских вопросов, какое в России конца XVIII и первой трети XIX в. связывалось, в частности, с идеями Гердера об общественном прогрессе и культурной преемственности поколений.<sup>10</sup> В «отрывках северных поэм», читанных Ленским, комментатор усмотрел только результат «принесенной, вероятно, из Геттингена моды на поэзию бардов в стиле Оссиана» (429). Но увлечение оссиановской поэзией было, как известно, в России не просто модой, — оно отражало процесс формирования русского преромантизма и ко времени встречи пушкинских героев насчитывало по меньшей мере лет тридцать своего существования.<sup>11</sup> Поэтому Ю. М. Лотман допускает, что Ленский читал Онегину не столько немецких бардов или Оссиана, сколько собственные баллады.<sup>12</sup> Не исключено, впрочем, что речь идет о поэмах Байрона.

Еще одна неточность: по мнению комментатора, Онегин в главе восьмой (XXXV строфа) не мог читать произведения Гердера, поскольку «ничего не было переведено из него на французский или русский языки ни к 1824 (время действия романа), ни к 1830 г. (время написания)» (450). Однако, по крайней мере ко времени создания главы, были переведены на русский язык, хотя и плохо, «Мысли, относящиеся к философии истории человечества» (1829). Годом раньше в «Московском вестнике» появился пересказ «Идей» Гердера по французскому переводу Э. Кюне 1827 г. Судя

<sup>8</sup> Ср.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, с. 179—180.

<sup>9</sup> См.: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени. (Разыскания и этюды). — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 5—159.

<sup>10</sup> В трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792) А. Н. Радищев придал гердеровским идеям революционный смысл. Не об этой ли книге спорили герои Пушкина?

<sup>11</sup> См.: Иезуитова Р. Поэзия русского оссианизма. — Русская литература, 1965, № 3, с. 53—74; Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII—первая треть XIX века). Л., 1980.

<sup>12</sup> См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, с. 195.

по высказываниям русских журналов начала века, по кругу чтения друзей и современников Пушкина (Карамзин, Жуковский, Кюхельбекер, Ник. Тургенев и др.), можно утверждать, что Гердера в России знали.

В некоторых принципиально важных случаях лаконизм комментатора переходит в упрощение. Так, отношение Пушкина к романтизму, в частности к поэтике Жуковского, освещается в примечаниях скупо и неточно. На том основании, что V—X строфы главы пятой, повествующие о деревенском гадании и вере Татьяны в приметы, образуют «в чисто математическом отношении» середину романа, Кайль склонен заключить, что они содержат некое зерно всего пушкинского замысла. Суеверие героини он прямо отождествляет с позицией автора, якобы враждебной реализму. Действительно, какой же Пушкин реалист, если он воспевает суеверия, фантастику снов и пользуется реминисценциями из баллады Жуковского «Светлана»! (439—440). Но и оценка романтической литературы, данная Пушкиным, сведена к одной-единственной цитате из его статьи «О поэзии классической и романтической», как будто не было, например, наброска статьи «О народности в литературе», раскрывающей новаторское, выходящее за пределы романтизма понимание Пушкиным народных обычаев и поверий. Романтизм Жуковского оставался для создателя «Евгения Онегина» одновременно источником поэтических ассоциаций и объектом полемики: если образ Светланы «ориентирован на романтическую фантастику», то ситуация в главе пятой романа представляет собой «бытовую и психологическую реальность».<sup>13</sup> Формальное определение реализма только как бытописательства, а романтизма — только как тяготения к фантастическому не просто устарело.

Из мелких неточностей стоит отметить следующее: едва ли Онегин, отзываясь о высказывании друга (II строфа главы третьей), перепутал эклогу с *éloge*, хвалебным стихотворением в честь Ольги, как думает Кайль: пасторальные мотивы естественны в поэзии Лэнского — не случайно в переводе «эклогу» сменила *Idylle* (115, 432); в рассказе о чтении Татьяны в XXII строфе главы пятой Сенека упоминается, конечно, не «ради рифмы» (440) — случай для Пушкина немислимый, — но имя римского стоика несет определенную смысловую нагрузку;<sup>14</sup> в настоящее время уже высказаны предположения относительно источников выдумок о невероятной быстрой езде, так что версты «мелькали, как забор»,<sup>15</sup> которые Кайль (он приводит авторское примечание к XXXV строфе главы седьмой) называет неизвестными. Совершенно неудачен комментарий

<sup>13</sup> Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, с. 258. — Мысль о том, что сон Татьяны является центральным эпизодом романа, не нова, но получает у немецкого комментатора слишком прямолинейную трактовку. См. в этой связи: Г у к о в с к и й Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, с. 214 след.; М а р к о в и ч В. М. 1. Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1980, с. 25—47; 2. О мифологическом подтексте сна Татьяны. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1981, с. 69—81.

<sup>14</sup> См.: Б р о д с к и й Н. Л. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы. 4-е изд. М., 1957, с. 243.

<sup>15</sup> См.: К у р г а н о в Е. Я. К истории одного авторского примечания к «Евгению Онегину». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1978. Л., 1981, с. 114—116; Л о т м а н Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, с. 324.

к XXIX строфе главы восьмой по поводу судьбы арии Греммина из оперы П. И. Чайковского в советское время (449).

Перевод «Евгения Онегина» оканчивается главой восьмой. Переводчик не включил в издание «Путешествие Онегина» из-за «исключительной трудности» перевода реалий, требующих к тому же громоздкого комментария (419). Содержание «Путешествия» кратко изложено в примечаниях, где приводится и перевод авторского предисловия к нему (452—453). Остались непереведенными также фрагменты «Десятой главы», которым посвящено полстраницы в конце книги (454).

Разумеется, переводчик был вправе остановиться при переводе в том месте, которое представлялось ему завершающим интригу романа. И все же исключение из текста пушкинского произведения «Путешествия Онегина» и фрагментов «Десятой главы» под тем предлогом, что это отвечает «внутренней логике концепции Пушкина» (419), представляется спорным. Тем самым значительно обедняется эта концепция, роман и его герой в немалой степени утрачивают социальную сторону своего содержания. Кайля придерживается мнения, что ни описание путешествия героя, ни «Десятая глава» ничего не добавляют к истории Онегина, во всяком случае — к тому варианту судьбы его, который дается в существующих восьми главах романа. Возможность того, что Онегин должен был, по неосуществленному замыслу Пушкина, сблизиться так или иначе с тайными обществами, переводчик отрицает. В частности, он ссылается на то, что декабристы изображены в отрывках строф «Десятой главы» не без иронии. Этот аргумент небезупречен, так как мы не знаем, от чьего имени написана глава (не онегинский ли это дневник?), и кроме того, «элемент иронии в декабристских строфах глубоко дружествен и проникнут сочувствием».<sup>16</sup> Даже если принять, что поэт впоследствии отказался от мысли ввести Онегина в круг декабристов, все равно — и тоскливое путешествие его по России, и вольнодумство, и душевные метания после гибели Ленского, вполне очевидные для читателя главы восьмой, свидетельствуют о том, что Пушкиным был создан «историко-психологический роман о трагедии декабристского поколения».<sup>17</sup>

В заключение отметим, что комментарий Кайля предпослан эпиграф из Ф. Шлегеля о романе вообще как жанре, главную ценность которого составляет «самовыражение» автора (415). Эта несколько расплывчатая мысль, допускающая самые разные толкования, никоим образом не исчерпывает содержания «Евгения Онегина». В данном случае, как и в ряде других, комментарий Р.-Д. Кайля в том, что касается проникновения в смысл пушкинских стихов, заметно уступает его поэтическому переводу.

Однако, давая общую оценку труду Р.-Д. Кайля — переводчика и комментатора, нельзя не признать его большой заслуги в расширении и обогащении представлений современного зарубежного читателя о великом произведении русской классической литературы, содержание которого поистине неисчерпаемо.

Г. А. Тиме, Р. Ю. Данилевский

<sup>16</sup> Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, с. 415.

<sup>17</sup> История русской литературы в четырех томах. Л., 1981, т. 2, гл. 12 (автор главы — Е. Н. Куринов), с. 264 (курсив наш, — Г. Т., Р. Д.).

«Памятник Пушкину — это вы», такими словами, обращаясь к участникам праздника поэзии в Пушкинских Горах в 1981 г., закончила свое выступление Кармен Браво-Вильясанте. Чтобы получить представление о подлинных масштабах популярности поэта, известная испанская исследовательница литературы, работающая в настоящее время над книгой о Пушкине, приехала на его родину.

В том же году, 27 января, в испанской столице состоялось открытие памятника русскому поэту, выполненного Олегом Комовым и подаренного Москвой Мадриду (см. ил. на с. 165). Он стал, таким образом, восьмым по счету зарубежным памятником Пушкину,<sup>1</sup> еще одним свидетельством всемирной славы поэта, славы вполне оправданной, ибо никто «из великих гениев», по известным словам Ф. М. Достоевского, не «обладал такой способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин».<sup>2</sup> Скульптура, украсившая один из красивейших парков столицы Испании, Фуэнте дель Берро, — не только очередное доказательство крепнущих культурных связей между двумя странами: Испания, ее история и ее культура влекли воображение русского поэта, его имя — не пустой звук для испанцев. Об этом говорили при открытии памятника мэр Мадрида Энрике Тьерно Гальван и посол Советского Союза в Испании Юрий Дубинин, об этом же писали в этот день почти все мадридские газеты.<sup>3</sup>

Общеизвестен интерес Пушкина к современной ему Испании, ее борьбе с Наполеоном, революционным событиям 20-х годов, его преклонение перед Риго, которое он разделял со своими друзьями-декабристами. Обширной была осведомленность русского поэта в испанской литературе. В этой связи можно указать на большое число переведенных на французский язык книг испанских авторов, находившихся в библиотеке Пушкина в составе «Bibliothèque universelle des romans», таких как знаменитый каталанский рыцарский роман «Тирант Белый», произведения Хуана Мануэля, Переса де Иты, «Ласарильо с Тормеса», «Критикон» Б. Грасана. Вместе с принявшимися до сих пор во внимание английским изданием «Романсеро»,<sup>4</sup> немецким — четырехтомного собрания сочинений П. Кальдерона,<sup>5</sup> «Дон Ки-

<sup>1</sup> См.: Степанов Г. В., Шапошникова Б. В. Скульптурные памятники Пушкину за рубежом. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. М., 1953, с. 287—305; Гдалин А. Д. Памятники Пушкину за рубежом. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 172—174.

<sup>2</sup> Достоевский Ф. М. Полн. собр. худож. произв. М.; Л., 1929, т. XII, с. 387.

<sup>3</sup> Автор почитает своим долгом выразить благодарность академику Г. В. Степанову, благодаря любезному содействию которого в его распоряжении оказались фотография памятника и многочисленные отклики на это событие в культурной жизни страны, появившиеся в испанской печати.

<sup>4</sup> Colección de los más célebres romances antiguos españoles, históricos y caballerescos, publicada por C. B. Depping y ahora considerablemente enmendada por un Español Refugiado. Londres, 1825.

<sup>5</sup> Las comedias de D. Pedro Calderón de la Barca, contejadas con las mejores ediciones hasta ahora publicadas, corregidas y dadas a luz por Juan Jorge Keil. Leipsique, 1827—1828, t. 1—4.

хотом» и «Назидательными новеллами» Сервантеса<sup>6</sup> — на испанском языке, некоторыми другими французскими переводами, а также многочисленными книгами об Испании и на испанскую тему они составляют целую библиотеку.

Среди пушкинских книг не случайно были издания на испанском языке и словари и справочники по испанскому языку: в начале 30-х годов Пушкин, несомненно, изучал язык Сервантеса и Кальдерона, который он в результате этих занятий «понимал настолько, что мог уловить смысл предложения и сделать перевод как с испанского, так и на испанский без словаря». <sup>7</sup> Этот живой интерес не мог не затронуть и творческих планов поэта. «Сумев откликнуться на все основные жанры классической испанской литературы XV—XVII вв., Пушкин угадал их национальные особенности и как бы завещал последующей русской литературе их дальнейшее истолкование и раскрытие на подлинной языковой основе», — так определяет заслугу поэта как перед испанской, так и перед русской культурой академик М. П. Алексеев.<sup>8</sup>

Нет ничего удивительного в том, что еще в середине XIX в. сведения о Пушкине проникают в Испанию. В истории восприятия его творчества испанскими авторами, до сих пор в достаточной мере не изученной,<sup>9</sup> немало примечательных страниц. На некоторых из них имеет смысл остановиться в нашем сообщении.

Крупнейший испанский писатель и критик Х. Валера во время своего пребывания в России в составе дипломатической миссии (1856—1857)<sup>10</sup> не только читал произведения Пушкина в немецких переводах,<sup>11</sup> но и пропагандировал впоследствии его творчество у себя на родине. Испанский писатель, например, как правило, учитывал пушкинскую версию образа Дон Жуана в своих рассуждениях в статьях 60—90-х годов о бытовании

---

<sup>6</sup> Cervantes Saavedra M. de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. Paris, 1835; Cervantes Saavedra M. de. Novelas ejemplares. Nueva impresión corregida y adornada con láminas. Perpiñan, 1816.

<sup>7</sup> Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 87. — По свидетельству С. Л. Пушкина, его сын «выучился в зрелом возрасте по-испански» (см.: Цявловский М. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, с. 376). См. также: Державин К. Н. Занятия Пушкина испанским языком. — Slavica, г. XIII, № 1, 1934, с. 114—120.

<sup>8</sup> Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964, с. 164.

<sup>9</sup> О ранних переводах произведений Пушкина в Испании см.: Biegher E. W. Early spanish translations of Pushkin. — Hispanic review. Philadelphia, 1938, v. 6, p. 348—349; Schanzer G. O. Las primeras traducciones de literatura rusa en España y en América. — In: Actas del tercer congreso de hispanistas. México, 1970, p. 815—822.

<sup>10</sup> О пребывании Х. Валеры в России см.: Виноградов А. К. Мериме в письмах Соболевскому. М., 1928, с. 151—153, 159; Васильева-Шведе О. К. Автограф Хуана Валеры в архиве С. А. Соболевского. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966, с. 371—373; Schanzer G. O. Russia and United States in the eyes of a nineteenth century spanish novelist; Beladíez E. Dos españoles en Rusia. El marqués de Almodóvar 1761—1763 y don Juan Valera 1856—1857. Madrid, 1969; Azaña M. Valera en Rusia. — In: Azaña M. Ensayos sobre Valera. Madrid, 1971, p. 161—197.

<sup>11</sup> См.: Valera J. Obras completas. Madrid, 1947, t. 3, p. 175.



**Памятник Пушкину в Мадриде.**

этой легенды в мировой литературе.<sup>12</sup> С благодарностью вспоминал русских революционеров, переведивших ему с листа на французский язык стихи Пушкина, видный испанский общественный деятель Эмилио Кастеляр.<sup>13</sup> Яркий республиканец, он еще в начале 70-х годов сделал имя русского поэта знаменем борьбы с деспотизмом.<sup>14</sup>

Об испанском интересе к Пушкину свидетельствуют и другие факты. Русская поэзия заинтересовала Рамона де Кампоамора, и он просил Валеру рассказать ему о Пушкине и Лермонтове.<sup>15</sup> Имя Пушкина фигурирует в программном стихотворении другого испанского поэта, Мануэля Рейны. В этом стихотворении, написанном в 1884 г., М. Рейна приводит длинный список своих учителей, каждый из которых кратко охарактеризован. Пушкин занимает место по хронологии между Леопарди и Гейне. Русскому поэту посвящены строки:

Puschkin, rasgado el pecho, y en la herida  
la sierpe de los celos enroscada.<sup>16</sup>

(Перевод: Пушкин, с пробитой грудью и со змеей ревности, клубком свернувшейся в ране).

Характерный факт приводит В. И. Немирович-Данченко. Во время посещения им известного испанского поэта Гаспара Нуньеса де Арсе хозяин показал ему в своей библиотеке целую полку, заставленную томиками стихов русских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Фета, Некрасова, Майкова. Не зная русского языка, он, тем не менее, считал необходимым иметь их произведения. «Мне нужно, — говорил он, — иметь у себя поэтов всего мира. Когда мне попадают их соотечественники, я злоупотребляю их любезностью и прошу переводить мне. Так, у самого Пушкина, у „великого Пушкина“, мне ужасно нравится несколько самых маленьких вещей».<sup>17</sup> Среди стихотворений, понравившихся Нуньесу де Арсе и снабженных подстрочным переводом на полях, были: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» и «Под небом голубым страны своей родной...».

Пушкину посвящено несколько страниц в книге «Революция и роман в России» знаменитой испанской писательницы Эмилии Пардо Басан, неустанно, до конца жизни пропагандировавшей у себя на родине русскую литературу.<sup>18</sup> Испанские читатели узнавали из ее книги, что «некоторые стихи Пушкина и Лермонтова превосходят по своей красоте самые знаме-

---

<sup>12</sup> См.: Valera J. Obras completas. Madrid, 1947, t. 2, p. 342, 389, 404, 446, 717, 719, 762, 991.

<sup>13</sup> См.: Castelar E. La Rusia contemporánea. Madrid, 1881, p. 269.

<sup>14</sup> О статье Кастеляра о Пушкине см.: Provenzal A. Puschkin giudicado da Castelar. Estratto della Rivista Europea, Firenze. 1874, p. 3—14. — Здесь же приведены большие фрагменты статьи в переводе на итальянский язык.

<sup>15</sup> См.: Valera J. Obras completas, t. 3, p. 109.

<sup>16</sup> Цит. по кн.: Díaz-Plaja G. Modernismo frente a Noventa y Ocho. Madrid, 1966, p. 277.

<sup>17</sup> См.: Немирович-Данченко В. И. Очерки Испании. Из путевых воспоминаний. М., 1888, с. 21—22.

<sup>18</sup> О деятельности Э. Пардо Басан в качестве популяризатора русской литературы см.: Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982.



нитые стихи в мире».<sup>19</sup> По мнению испанской романистки, Пушкина не удовлетворяла эстетика романтизма, и он подсознательно тянулся к реализму. «Было бы несправедливо, — пишет Пардо Басан, — считать его простым подражателем иностранных романтиков; существует даже мнение, что по жизнерадостности и по широте своего творческого облика, сохраняя античное понимание языка, автор „Евгения Онегина“ имеет непосредственное отношение к классицизму, в то же время, если бы его творческая деятельность не оборвалась, он как писатель претерпел бы трансформацию, раскрыв себя в романе и создав национальный театр».<sup>20</sup>

В дальнейшем популярность русского поэта в Испании год от года росла, достигнув небывалого размаха в годы деятельности «Ассоциации культурных связей с СССР», возникшей в условиях национально-революционной войны испанского народа. Среди мероприятий этой ассоциации была организация торжеств, посвященных столетней годовщине со дня гибели поэта. В связи с этим была издана книга о Пушкине<sup>21</sup> и организована в Барселоне выставка, при открытии которой торжественную речь произнес известный испанский филолог Наварро Томас. В ходе вечера Мануэль Альтолагирре, видный поэт поколения Федерико Гарсиа Лорки, прочитал перевод «Пира во время чумы», а советский писатель и переводчик О. Г. Савич рассказал о значении произведений Пушкина для его соотечественников. В концерте прозвучали романсы Римского-Корсакова, Мусоргского и Гречанинова на стихи Пушкина.

Если не считать оды Державина «Бог»,<sup>22</sup> Пушкин был первым русским автором, «заговорившим по-испански». В 1847 г. в валенсийском периодическом издании была напечатана «Метель».<sup>23</sup> Наиболее активно начиная с 40-х годов переводилась пушкинская проза; поэзии и драматургии повезло значительно меньше. Внимания заслуживает, впрочем, изданный лишь в 1930 г. в серии «Лучшие лирические произведения лучших поэтов» сборник стихотворных переводов из Пушкина, выполненный Э. Мюльдер на достаточно профессиональном уровне.<sup>24</sup> Несомненной удачей явилась инициатива замечательного поэта-переводчика О. Г. Савича и Мануэля Альтолагирре по совместному переводу двух маленьких трагедий Пушкина: «Пира во время чумы» и «Каменного гостя».<sup>25</sup>

Независимо от опытов стихотворного «переозвучивания» Пушкина, осуществляемых на испанской почве, советские поэты-переводчики со своей стороны также пытались донести до испанского читателя гармонию пушкинских стихов. В личном архиве академика М. П. Алексеева, которому принадлежит инициатива написания данной заметки, хранятся стихотворные переводы на испанский язык «Сказки о царе Салтане» и «Сказки

<sup>19</sup> Pardo Bazán E. La Revolución y la novela en Rusia. Madrid, 1887, p. 242.

<sup>20</sup> Ibid., p. 252—253.

<sup>21</sup> Alexandre Puixkin (1799—1837). Barcelona, 1938.

<sup>22</sup> Derzhavin G. R. Oda al Ser Supremo. — La Religión, Barcelona, 1838, p. 182—186.

<sup>23</sup> Pushkin A. S. El turbión de nieve. — El Fenix, Valencia, 25 de julio de 1847, p. 431—432; 1 de agosto de 1847, p. 433—436.

<sup>24</sup> Pushkin A. S. — Las mejores poesías líricas de los mejores poetas. Barcelona, 1930, t. VIII.

<sup>25</sup> Pushkin A. Teatro (Festín durante la peste. El Convidado de piedra). Barcelona, 1938.

о мертвой царевне и о семи богатырях», переданные ему самой переводчицей, Л. И. Аверьяновой, на хранение за месяц до начала Великой Отечественной войны.<sup>26</sup>

С другой стороны, свой вклад в научное изучение наследия русского поэта вносят и испанские ученые. Академик М. П. Алексеев позволил мне познакомиться с хранившимися у него машинописными экземплярами работ Элены Видадь<sup>27</sup> и Франсиско Гомеса Креспо,<sup>28</sup> посвященных разнообразным вопросам, связанным с испанской темой у Пушкина. Оба серьезных исследования, взаимодополняющих друг друга (однако не закрывающих тему для дальнейших исследований),<sup>29</sup> значительно расширяют наши представления не только об интересе Пушкина к Испании, но и о роли русского поэта в осмыслении вклада Испании в мировую культуру.

Сейчас, когда в Мадриде торжественно воздвигнут памятник Пушкину, можно лишь удивляться прозорливости великого испанского поэта, друга Советского Союза, Антонио Мачадо, писавшего еще в 1937 г.: «Современная Россия, которая отмечает первую столетнюю годовщину со дня смерти Пушкина, так велика, как мечтал поэт. И она говорит сегодня: „Наш Пушкин!“ И вместе с Россией это же говорим мы, любящие культуру и свободу: „Наш Пушкин!“».<sup>30</sup>

*В. Е. Багно*

---

<sup>26</sup> Основная часть архива Л. И. Аверьяновой сосредоточена в ИРЛИ, ф. 355.

<sup>27</sup> Vidal E. Pushkin y España. — Tesis de licenciatura. Universidad de Barcelona. Sección de filología románica (Hispánicas). Febrero de 1970.

<sup>28</sup> Gómez Crespo F. Contribución al estudio de temas españoles en la obra de Puškin. Trabajo presentado como Tesis doctoral. Facultad de filosofía y letras. Sección de filología románica. Universidad de Madrid, t. 1—3, 1971.

<sup>29</sup> М. П. Алексеев, например, в своей статье «Из истории испано-русских литературных отношений XVI—начала XIX веков» (см.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв., с. 162) наметил определенный план изучения источников стихотворения Пушкина «Родриг» и его места в контексте европейских версий легенды о последнем короле вестготов в Испании. В обоих испанских исследованиях эта проблема не получила окончательного решения.

<sup>30</sup> Machado A. Prosas. La Habana, 1965, p. 359.

## IV. ХРОНИКА

### ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1980 г.

В 1980 г. завершилась реконструкция здания Музея-дачи А. С. Пушкина. Проводилась работа по созданию художественного проекта новой литературно-мемориальной экспозиции, чтобы обновленный музей мог открыться в следующем году в юбилейные пушкинские дни.

13 июня состоялось заседание ученого совета музея, посвященное обсуждению проекта реконструкции и реставрации здания на Мойке, 12. Над проектом работала группа архитекторов института «Ленжиллпроект», руководимая К. А. Кочергиным. В заседании приняли участие председатель Пушкинской комиссии АН СССР академик М. П. Алексеев, действительный член Академии художеств, народный художник СССР М. К. Аникушин, архитектор-реставратор, член Союза архитекторов И. Н. Бенуа, заведующая отделом ИЗО Главного управления культуры Ленгорисполкома Л. Ф. Яблочкина, старший научный сотрудник ИРЛИ АН СССР, заведующий группой пушкиноведения С. А. Фомичев, заведующий Литературным музеем ИРЛИ АН СССР А. И. Хватов, научные сотрудники Всесоюзного музея А. С. Пушкина и музеев города.

На научных заседаниях музея заслушаны следующие доклады и сообщения: «Об истории создания первого памятника А. С. Пушкину в России (к столетию со дня открытия)» С. В. Павловой; «Записки С. Г. Волконского (по архивным материалам)» Н. И. Поповой и А. З. Тихаптовской; «Пушкинский праздник 1880 г. как факт общественной и литературной борьбы» и «Пушкин в школьном курсе дореволюционного преподавания (анализ учебников российской словесности)» Г. С. Тюриной; «Братья Булгаковы и их портреты в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина» Л. П. Февчук; «Пушкин и Воронцов» Т. К. Санасарян; «Об одной забытой записке В. А. Жуковского от 15 ноября 1836 г.» С. Л. Абрамович; «Война 1812 г. по письмам из архива Ралль» Р. Г. Жуйковой; «Пушкин в восприятии современного европейского литературоведения» Т. А. Калинин; «Пугачевский фольклор и Пугачев в творческом сознании Пушкина» Э. С. Лебедевой. Два заседания были посвящены 150-летию романа «Евгений Онегин». В них приняли участие доктор филологических наук Ю. М. Лотман (доклад «Структура авторского повествования в романе») и В. С. Непомнящий (доклад «Заметки читателя о романе»).

Сотрудники музея выступали с докладами на научных конференциях, Пушкинских чтениях, совещаниях. На Пушкинских чтениях в Михайлов-

ском был заслушан доклад на тему «Роль Пушкинского Дома в создании коллекции Всесоюзного музея А. С. Пушкина» (Г. П. Балог), в Болдине на конференции, посвященной 150-летию Болдинской осени, — на тему «Работа Всесоюзного музея А. С. Пушкина по комплектованию коллекции материалами пушкинской эпохи» (М. Н. Петай), в Государственном музее А. С. Пушкина (Москва) — на темы «Пушкин и Раевские», «Пушкин и Державин» (Т. К. Санасарян) и «Предыстория дуэльных событий» (С. Л. Абрамович). На семинаре руководящих музейных работников в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского заведующая Музеем-квартирой А. С. Пушкина Н. И. Попова рассказала о литературных вечерах как форме научно-просветительной работы. Сотрудники музея принимали участие в телепрограмме «Монитор», работали со съемочными группами «Мосфильма», «Диафильма», «Центрнаучфильма», а также готовили передачи для ленинградского радио и радио Финляндии.

В издательстве «Художник РСФСР» вышла книга Н. И. Поповой «Музей-квартира А. С. Пушкина». В журнале «Аврора» опубликованы две статьи Т. К. Галушко: «Никто на свете не был мне ближе Дельвига» (№ 1) и «При свете утренней Киприды» (№ 6). В альманахе «Белые ночи» напечатана статья Л. П. Февчук «Хранилось в Бродянах». В газетах «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград», «Ленинские искры», «Вперед» и др. также появлялся ряд материалов о Пушкине и его современниках.

Проводилась целенаправленная собирательская работа. Было приобретено 139 единиц хранения. Наибольший интерес представляют живописный портрет А. М. Колосовой в роли Заиры (худ. Carl de Culsad (?), первая половина XIX в.), мужской портрет — миниатюра неизвестного художника начала XIX в., 9 предметов из «Нащокинского домика» (серебро). Ценные приобретения сделаны у О. Б. Бредихиной — потомка семьи Шереметевых. Среди них игры, состоящие из фрагментов гравированных географических карт, которые предназначались для обучения географии детей в дворянских семьях и учебных заведениях XVIII—XIX вв.; альбом с рисунками для вышивок конца XVIII в., состоящий из 16 раскрашенных и 16 черно-белых гравюр; несколько редких предметов быта: миниатюрный дорожный пюпитр для занятий, шкатулка-бюро с потайными ящиками (красное дерево), дорожное бюро в виде шкатулки (карельская береза) — все предметы русской работы начала XIX в. У В. А. Зызиной, праправнучки П. В. Нащокина, приобретен самовар семейства Нащокиных.

В дар музею был передан ряд уникальных книжных изданий: от О. Е. Шаповал поступило собрание сочинений А. С. Пушкина в 10 томах, изд. 1838—1840 гг.; от М. А. Горелик — «Евгений Онегин» (СПб., 1833); от В. Н. Смирнова — альманах «Северные цветы» на 1827 г.; от В. А. Крылова — таблица логарифмов простых чисел и тригонометрических линий (СПб., 1806). Известный ленинградский коллекционер М. С. Лесман подарил музею собрание прижизненных изданий произведений Л. Н. Толстого.

Как всегда, торжественно прошли юбилейные пушкинские дни. К 181-й годовщине со дня рождения Пушкина в Государственном литературном музее (Москва) открылась выставка «Пушкин и его современники» — из фондов Всесоюзного музея А. С. Пушкина. В порядке обмена выставками в Ленинград поступили материалы из фондов Государствен-

ного литературного музея, из которых тоже была подготовлена выставка «Пушкин и его современники». В Государственном музее искусств Грузии (Тбилиси) экспонировалась выставка «Пушкин и Грибоедов на Кавказе», в выставочном зале Музея-Лицея — «Новые поступления в фонды Всесоюзного музея А. С. Пушкина», в тосненской районной библиотеке — «Пушкин в работах советских художников», в кинотеатре «Баррикада» — «Детский рисунок на пушкинскую тему». Продолжала работу передвижная выставка «Пушкин. Жизнь и творчество». В юбилейные пушкинские дни ее увидели жители г. Куйбышева. В школах Тосненского района (пос. Стекольный, г. Любань, ст. Нурма) и в г. Тосно экспонировалась фотовыставка «Роман Пушкина „Евгений Онегин“», в пос. Красный Бор — фотовыставка «Пугачев в творчестве Пушкина».

Отмечались памятные пушкинские даты. 10 февраля в Музее-квартире на традиционном торжественно-памятном собрании, посвященном 143-й годовщине со дня смерти поэта, выступили доктор филологических наук Н. Н. Скатов, кандидат филологических наук В. А. Туниманов, кинорежиссер М. М. Худиев, заведующая экспозиционным отделом музея Т. К. Санасарян, артисты В. А. Попов и Н. С. Буров, скрипач М. М. Комиссаров, квартет Малого оперного театра под управлением С. А. Аркина и хор мальчиков хорowego училища при Ленинградской академической капелле им. М. И. Глинки под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР Ф. М. Козлова. Из цикла «Вечера на Мойке» прошли четыре вечера. На одном из них состоялась встреча с сотрудниками Государственного музея А. С. Пушкина (Москва). С программой «Мой реквием меня тревожит...» выступил артист Московского театра киноактера А. Якимов. К столетию со дня рождения А. А. Блока прошел вечер встречи с ленинградским коллекционером М. С. Лесманом. Вечере приняли участие заведующая экспозиционным отделом музея Т. К. Санасарян, заслуженный артист РСФСР Г. Тараторкин. Экспонировалась временная выставка автографов и книг А. А. Блока из собрания М. С. Лесмана. На вечере «У нас в гостях Д. Н. Журавлев» прозвучала повесть Пушкина «Пиковая дама».

В Музее-Лицее к 181-й годовщине со дня рождения Пушкина и столетию сооружения первого памятника поэту в России прошел вечер, на котором выступили народный художник СССР М. К. Аникушин, заведующая литературно-монографической экспозицией Н. И. Грановская, научный сотрудник Г. С. Тюрина. Экспонировалась временная выставка из фондов музея.

169-я годовщина со дня основания Лицея отмечена вечером, на котором Р. Кляйнером была прочитана литературно-документальная композиция «Пушкину».

В литературно-монографической экспозиции музея состоялся вечер, посвященный столетию со дня рождения Блока. Перед собравшимися выступили заведующая экспозиционным отделом музея Т. К. Санасарян, поэт И. О. Фоянков, кандидат искусствоведения Т. А. Хопрова.

Сотрудники отдела научной пропаганды во Дворце культуры работников просвещения впервые организовали литературный салон «Пушкин и его эпоха». Там с рассказами о музее и его коллекции выступили главный хранитель музея Г. П. Балог, заведующие филиалами Н. И. Грановская, Н. И. Попова, С. В. Павлова, заведующая сектором передвижных

выставок Т. Г. Александрова, заведующая отделом книжных фондов Л. П. Кузьмина, старший научный сотрудник Г. И. Назарова.

Экскурсоводы музея подготовили программу «У нас в гостях Всесоюзный музей А. С. Пушкина». В нее включены рассказы о филиалах музея, истории его коллекции и отдельных экспонатов. Рассказ сопровождается показом диапозитивов и музыкой.

В 1980 г. музей посетили 480 615 человек, проведено 14 395 экскурсий. По культурной программе Олимпиада-80 обслужено 1507 человек. Постоянно работали 11 лекториев. Лекторской группой музея в Ленинграде, Ленинградской области, городах, где экспонировалась передвижная выставка, прочитаны 403 лекции, которые прослушали 25 125 человек.

*Г. А. Черкасова*

---

### ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА) В 1980 г.

Основным направлением деятельности Государственного музея А. С. Пушкина (Москва) явилась научная инвентаризация, паспортизация и монографическое изучение поступивших ценностей. В 1980 г. первичный учет прошло 1658 единиц изобразительных и рукописных материалов и книг. Составлено 793 научных паспорта.

В музее около 100 тысяч единиц хранения. За год к собранию приобщено 669 единиц; из них изобразительных — 112 (получено в дар — 33), книг — 557 (подарено — 149).

Из материалов XIX в., полученных в дар, наиболее значительными являются портрет дочери М. И. Кутузова, близкой знакомой Пушкина Е. М. Хитрово (акварель работы П. Ф. Соколова, 1837); портрет Д. Ф. Фикельмон, дочери Е. М. Хитрово (копия с рисунка художника К. Агриколы, 1838); портрет дочери Д. Ф. Фикельмон Е. А. Клари-Альдринген, которую девочкой видел Пушкин (холст, масло, работа неизвестного художника, 1849). Все три портрета подарены музею правнучкой Е. М. Хитрово княгиней Л. Клари-Альдринген (Венеция) при содействии советского консула в Милане Т. Медведовского; они переданы в музей советскими журналистами И. Бочаровым и Ю. Глушаковой.

Среди книг, поступивших от К. А. Марцишевской в дар, находятся 54 экземпляра, пополнившие «Библиотеку русской поэзии» И. Н. Розанова; «Медный всадник» Пушкина, изданный в Париже в 1979 г., преподнесенный переводчицей Лидией Швейцер; полученный по завещанию В. Ф. Шухаевой экземпляр изданного в Париже в 1925 г. «Бориса Годунова» с иллюстрациями Б. Шухаева; лондонское издание «Евгения Онегина» (1977), подаренное переводчиком Джонстоном, и др.

В 1980 г. музей закончил прием чрезвычайно ценной коллекции известного ленинградского коллекционера П. В. Губара (дар А. Г. Ливер): 500 произведений изобразительного и прикладного искусства и полторы тысячи редчайших книг, большинство из которых принадлежит пушкинскому времени.

Музеем также получены художественные ценности (мебель, произведения изобразительного и прикладного искусства), принадлежавшие Е. Г. Арендт, последней представительнице семьи лейб-медика Н. Ф. Арендта, лечившего Пушкина.

В числе работ по изучению и описанию музейных материалов необходимо отметить исследование Е. В. Павловой в связи с атрибуцией миниатюрного портрета Пушкина. Установлено, что миниатюра эта является оригинальным, ранее неизвестным прижизненным изображением Пушкина, относящимся к 1826 г. На основании иконографической близости ряда профессиональных приемов портретирования выдвинуто предположение, что автором миниатюры был художник Ж. Вивьен. Итоги атрибуции миниатюрного портрета А. С. Пушкина были доложены Е. В. Павловой на научном заседании во Всесоюзном музее А. С. Пушкина, на конференции в Государственном литературном музее, на заседании ученого совета в Государственном музее А. С. Пушкина. Подготовлена к публикации статья.

Предметами изучения среди прочих изобразительных материалов музейной коллекции явились также эскизы декораций художника И. М. Рабиновича к постановкам оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» в Большом театре (1933) и трагедии «Борис Годунов» во МХАТе (1936); редкие издания пушкинского времени «Волшебный фонарь» (1817) и «Архитектурный альбом» (1832); альбом рисунков семьи Бакуниных; альбом из 23 литографий художника А. О. Орловского, изданный Плюшаром в Петербурге в 1825 г.; изображения интерьеров первой половины XIX в., и др.

Научная и научно-экспозиционная работа музея была посвящена столетию сооружения памятника Пушкину в Москве работы А. М. Опекушина и столетиям Болдинской осени. К этим датам сотрудниками музея подготовлены доклады, с которыми они выступили на научных конференциях в самом музее и в музеях-заповедниках в Болдине и в Михайловском. Вот их перечень.

Павлова Е. В. Пушкин в творчестве А. М. Опекушина. — Здесь рассмотрена история создания памятника Пушкину в Москве, дан анализ моделей памятника, созданных скульпторами в 1860—1870 гг. Особое внимание уделено скульптурам Опекушина из собрания музея.

Тархова Н. А. Юбилейные торжества в Москве в 1880 г. по случаю открытия памятника Пушкину. — Доклад построен на обширном материале: журнальных и газетных статьях 1880—1882 гг., мемуарах и переписке современников. Выявлена картина пушкинских торжеств в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Риге. Систематизированы и проанализированы выступления ученых и общественных деятелей, а также отклики и полемика прессы по поводу этих праздников.

Нечаева Н. С. Московская Пушкинская выставка 1880 г. — В докладе освещена история создания первой пушкинской выставки, приуроченной к торжествам по случаю открытия памятника, и дана характеристика представленных на ней материалов.

Михайлова Н. И. Поэтика болдинской прозы. — В «Истории села Горюхина» выявлена структура художественного времени и отмечены ее особенности.

Тархова Н. А. (в соавторстве с кандидатом исторических наук

Листовым В. С.). К истории ремарки «Народ безмолвствует» в трагедии Пушкина «Борис Годунов». — В докладе рассмотрены творческие связи Пушкина и Карамзина; дан анализ 12-го тома «Истории государства Российского» как одного из источников пушкинской трагедии, уточнено время изменения концовки «Бориса Годунова».

Некоторые результаты научных исследований были опубликованы сотрудниками музея в 19 научных и популярных статьях. Кроме того, написано 8 рецензий и подготовлено 6 радио- и телевизионных программ. Среди них — следующие работы.

Муза Е. В. Пушкин и «Литературная газета». — Литературная газета, 1980, 1 января.

Курочкина Г. Г. К столетию памятника Пушкину в Москве. — В мире книг, 1980, № 6.

Михайлова Н. И. В. Л. Пушкин и литературный быт Москвы первой трети XIX века. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1980.

Михайлова Н. И. Книги в жизни В. Л. Пушкина и его переиздания. — В кн.: Альманах библиофила, 1980, вып. VIII.

Вуч Л. И. Виды Москвы художника Эдуарда Гертнера. — Там же.

Муленкова В. Ф. «Фейерверки и иллюминации» из коллекции П. В. Губара. — Там же.

Крейн А. З. Рукотворный памятник. М., 1980.

Овчинникова С. Т. Жизнь и творчество А. Блока. Материалы для выставки в школе. М., 1980.

В музее состоялось 16 открытых научных заседаний, которые были посвящены выдающимся советским пушкинистам Т. Г. Цявловской и В. В. Виноградову, проблемам изучения биографии и творчества Пушкина, новым архивным изысканиям и пушкиноведческим изданиям. Среди выступавших были Т. К. Галушко («Пушкин и Николай Раевский»), С. Л. Абрамович («К вопросу об истории дуэли Пушкина»), Н. Я. Эйдельман («Из новых разысканий в архивах Ленинграда»), А. Г. Тартаковский («Пушкин и записки С. Н. Глинка»), Р. В. Овчинников («Над „пугачевскими“ страницами Пушкина»), А. П. Чудаков («Герой в художественной системе Пушкина»), И. Л. Волгин («Пушкинская речь Достоевского в сознании современников»), Н. А. Рабкина («П. И. Бартенев и „Русский архив“») и др.

В течение года были осуществлены следующие экспозиционные работы: полный демонтаж и новый монтаж прижизненной экспозиции музея (в связи с ремонтом), реэкспозиция «Библиотеки И. Н. Розанова». Созданы выставки «Материалы для музея „Квартира А. С. Пушкина на Арбате“» и «Столетие памятника Пушкину в Москве» (на многочисленных оригинальных материалах).

Работа по созданию мемориального музея «Квартира Пушкина на Арбате» продолжала оставаться одним из главных направлений деятельности музея. Значительно продвинулась реставрация мемориального дома; архитекторами детально изучено здание, предложены основные архитектурно-реставрационные решения.

В 1980 г. музей принял 60 325 человек. При этом следует учитывать, что в течение полутора месяцев музей был закрыт на ремонт. Всеми формами массовой работы, включая тематические экскурсии, циклы экскурсий и лекций для факультативных групп, литературно-музыкальные вечера



и др., обслужено 44 проц. посетителей. Особое внимание обращено на обслуживание молодых рабочих и строителей, сельских жителей и военнослужащих.

Введена новая форма массовой работы — воскресные публичные чтения «Рассказы о сокровищах музея» (с демонстрацией коллекций).

В музее прочитано 29 лекций, вне музея — 305. География выездных лекций такова: Москва, Калужская, Калининская, Тульская области, Ленинград, БАМ, Коми АССР, Азербайджан, Гурзуф.

Музей был включен в культурную программу Всемирной спортивной олимпиады. К олимпиаде был проведен косметический ремонт здания, экспозиционных и зрительного залов. Приняты посетители из двадцати стран мира; для них был подготовлен ряд материалов на иностранных языках: памятки о музее, пригласительные билеты, аннотации к залам.

В течение года проведено 49 вечеров в музее, 13 — вне музея. Состоялось более 200 киносеансов с показом документальных, популярных и художественных фильмов.

К столетию открытия памятника А. С. Пушкину в Москве, столетию со дня рождения А. Блока показаны лучшие программы ведущих мастеров художественного слова: «Пушкину» — совместная работа народного артиста СССР Д. Н. Журавлева, поэта Д. Самойлова и артиста Р. Клейнера; «Домик в Коломне» и «Граф Нулин» — программа заслуженного артиста РСФСР Я. М. Смоленского; «Сказка о золотом петушке» и лирика Пушкина — заслуженного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии М. Козакова; «Александр Блок. Стихи и проза» — заслуженного артиста РСФСР А. Кутепова; «Александр Блок. Стихи, воспоминания, письма» — заслуженного артиста РСФСР Ю. Мышкина; «Наш Пушкин», композиция по произведениям советских поэтов и писателей, подготовленная артистом театра им. Ермоловой С. Приселковым.

Проведены творческие вечера поэтов М. Алигер и В. Берестова.

Состоялись премьеры телефильмов «Маленькие трагедии» (режиссер М. Швейцер) и «Пушкин и Пущин» (автор и ведущий Н. Эйдельман, режиссер М. Голдовская), а также мультипликационного фильма по рисункам Пушкина «И с вами снова я...» (режиссер А. Хржановский).

Событием в жизни музея явился новый телевизионный фильм «Слово Андроникова. Кропоткинская, 12». Работа над ним потребовала усилий всех сотрудников музея в помощь съемочной группе и автору фильма. Создание фильма о музее А. С. Пушкина имеет исключительное значение для этого учреждения и является важнейшей формой его популяризации.

*Е. С. Усова*

## МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА В СЕЛЕ БОЛЬШОЕ БОЛДИНО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1980 г.

Для Большеболдинского района Пушкинский праздник, связанный со 150-летием Болдинской осени, начался весной 1980 г. В школах района были проведены конкурсы на лучшее исполнение произведений Пушкина, на лучший рисунок о поэте. В районном Доме культуры прошел смотр школ, подготовивших конкурсные программы.

По сложившейся традиции XIV Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии проходил в Горьковской области с 30 мая по 2 июня. В Болдино прибыла делегация горьковских писателей и работников музеев во главе с секретарем областного отделения Союза писателей СССР И. И. Бережным. 31 мая в кинотеатре «Лира» прошел торжественный вечер, посвященный 181-й годовщине со дня рождения Пушкина. С докладом выступил А. А. Еремин, автор книги «А. С. Пушкин в Болдине»; свои стихи прочитали поэты А. Плотников, Ю. Адрианов, М. Кириллова и др. Вечер завершился концертом артистов художественной самодеятельности горьковского телевизионного завода «Орбита». 1 июня были торжественно возложены цветы к памятнику Пушкина в заповедном парке. В роще «Лучинник» был дан большой праздничный концерт. Гости праздника ознакомились с музеем, для них была организована встреча с болдинским фольклорным хором (см. ст.: Не зарастет народная тропа. — Правда, 1980, 7 июня).

Союзом писателей СССР совместно с горьковской писательской организацией, обкомом КПСС и облисполкомом с 29 августа по 1 сентября были проведены Дни советской литературы, посвященные 150-летию Болдинской осени. Пушкинские юбилейные торжества в Болдине начались 29 августа. В этот день в районном Доме культуры открылись традиционные X Болдинские чтения, организованные при участии Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Горьковского государственного университета. На чтениях было прочитано 18 докладов, посвященных болдинскому периоду творчества Пушкина, проблемам поэтики пушкинских произведений, пушкинским традициям в русской литературе; архитектор института «Горьковгражданпроект» Ю. Н. Юзефович рассказала о результатах работы группы архитекторов над составлением проекта планировки села Болдино, продемонстрировала схемы планировки Музея-заповедника и проектов охранных зон; директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина заслуженный работник культуры РСФСР М. Н. Петай передала в дар Музею-заповеднику гарнитуры мебели для гостиной, принадлежавшей знакомой А. С. Пушкина, дочери болдинского крестьянина, Ф. И. Виляновой. Значительная часть докладов, прочитанных на X Болдинских чтениях, опубликована в кн.: Болдинские чтения. Горький, 1981, вып. 6 (см. также: Гуменная Г., Хаев Е. Десятые Болдинские чтения. — Вопросы литературы, 1981, № 2, с. 303—305; Кибальник С. X Болдинские чтения. 1830—1980. — Русская литература, 1981, № 1, с. 255—259).

В день открытия конференции в г. Горький на празднование Дней советской литературы прибыла большая делегация советских писателей во главе с секретарем правления ССП СССР Героем Социалистического Труда М. А. Дудиным. 30 августа в кинотеатре «Лира» состоялся торжественный вечер, который открыл заместитель председателя облисполкома

А. Ф. Горев; с приветственным словом к участникам праздника обратилась секретарь обкома КПСС И. З. Борисова; слово о Пушкине произнес М. Дудин; на вечере выступили поэты В. Боков, Ю. Друнина, И. Драч, Д. Кугультинов, Р. Сафян, М. Агашина, М. Квливидзе, Л. Васильева, С. Давыдов и др., профессор Горьковского университета С. А. Орлов, механизатор совхоза «Пушкинский» Н. И. Решин; заслуженный артист РСФСР Я. М. Смоленский прочел отрывки из романа «Евгений Онегин». Заслуженный артист РСФСР А. Д. Познанский показал фрагменты своей новой композиции «Болдинская осень». 31 августа у памятника поэту прозвучали стихи, старинные русские народные песни. Участники торжества в Болдино посадили аллею молодых берез. 1 сентября праздник продолжался в кинотеатре «Лира». В тот же день в Горьком были продолжены встречи советских писателей с тружениками промышленных предприятий. Праздник был завершён большим торжественным вечером в новом здании Театра кукол. См. об этих торжествах: А и т о в Б. Болдинская осень. — Советская Россия, 1980, 1 августа; Д у д и н М. Его вершинная пора. — Горьковская правда, 1980, 29 августа; Л и б е д и н с к а я Л. Болдинское чудо. — Сельская жизнь, 1980, 30 августа; С е л и в е р с т о в а Г. Праздник в Болдино. — Горьковский рабочий, 1980, 1 сентября; Ш и р о к о в В. Болдинская осень. 1980. — Литературная газета, 1980, 3 сентября.

В 1980 г. Музей-заповедник провел большую работу по подготовке к празднованию 150-летия Болдинской осени. Была оформлена юбилейная стационарная выставка (автор тематико-экспозиционного плана — Т. Н. Козина, научный руководитель — Г. И. Золотухин). В работе над выставкой приняли участие ленинградский художник Э. Х. Насибулин, фотокорреспондент издательства «Планета» Е. П. Кассин и горьковские художники Наталья и Владимир Трофимовы. При участии музея к юбилею были подготовлены также следующие выставки: работ Д. Арсенина «Пушкинское Болдино» (совместно с Горьковским отделением Союза художников РСФСР), миниатюрной книги из собрания украинского библиофила В. А. Разумова (совместно с отделением общества любителей книги г. Дзержинска), экслибрисов из собрания коллекционера А. Н. Сергеева, фотографий горьковского фотожурналиста А. И. Новикова «Пушкинское Болдино». По заказу музея в 1980 г. в типографии газеты «Горьковская правда» были отпечатаны к празднику юбилейный специальный выпуск газеты «Горьковская правда» («Болдинская осень»); буклет «Болдинская осень. 1830» (автор текста В. Ю. Велоногова); каталог выставки «Миниатюрная пушкиниана»; буклет выставки пушкинских экслибрисов; юбилейные афиши. В Волго-Вятском издательстве вышел очередной сборник «Болдинские чтения» (вып. 5), сборник «Очей очарованье. Пушкинское Болдино в советской литературе», вторые издания книг В. А. Грехнева «Болдинская лирика А. С. Пушкина» и «Предания и песни болдинской старины», третье издание книги Ю. И. Левиной «Пушкинское Болдино». В издательстве «Планета» выпущен сувенирный комплект открыток «Болдино» (автор текста — Ю. Левина, фотограф — В. Круцко, художник — Э. Насибулин). Областным управлением художественных промыслов был проведен конкурс на лучший сувенир по пушкинской тематике. В Болдино проходили съемки документального фильма «Болдинское притяжение», выпущенного к пушкинскому юбилею Горьковской студией телевидения по заказу Централ-

ного телевидения (авторы сценария — Ю. Беспалов, А. Цирульников, режиссер — Ю. Беспалов); в фильме приняли участие поэты М. Дудин, Д. Самойлов и П. Антокольский, артист И. Смоктуновский, скульптор О. Комов.

За 1980 г. музей посетило (в связи с ремонтом и переоборудованием выставки он был закрыт с января до середины мая) 31 667 человек. Научными сотрудниками и экскурсоводами проведено 1772 экскурсии.

*Н. А. Борисова*

## **ВЫСТАВКА «ПРИЮТИНО — УСАДЬБА ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»**

2 декабря 1980 г. в выставочном зале объединения музеев Ленинградской области открылась выставка «Приютино — усадьба пушкинской поры».<sup>1</sup> Ее открытие явилось своеобразным отчетом о работе историко-художественного музея «Приютино» с конца 1978 г., когда началась реставрация главного усадебного здания и музей был закрыт для посетителей.

На выставке представлены материалы, связанные с созданием в России Публичной библиотеки, которую возглавил А. Н. Оленин, владелец мызы Приютино, с первыми шагами русской археологической науки, с отдельными страницами из истории русского театра начала XIX в., когда основу его репертуара составляли пьесы драматургов — членов оленинского кружка: В. В. Капниста, И. А. Крылова, А. А. Шаховского, В. А. Озерова. Специальные разделы посвящены творчеству писателей, особенно тесно связанных с усадьбой Приютино: выставка рассказывает о басенном творчестве И. А. Крылова, о работе Н. И. Гнедича над переводом «Илиады», о приютинских страницах жизни К. Н. Батюшкова. Экспозиция завершается разделом, экспонаты которого повествуют о двух последних десятилетиях истории усадьбы Олениных, когда ее посещали виднейшие русские художники — выпускники и профессора Академии художеств, когда в ней бывали замечательные музыканты и литераторы, когда в Приютино приезжал Пушкин.

Открытию выставки предшествовала большая исследовательская и собирательская работа, в процессе которой фонды музея пополнялись многими ценными экспонатами, широко представленными на выставке.

Музейное собрание обогатилось портретом А. Н. Оленина — великолепной миниатюрой на кости, выполненной неизвестным художником между 1817 и 1824 гг. Чрезвычайно ценным приобретением стали для музея 10 акварелей Ф. Г. Солнцева, известного художника-археолога, работавшего под руководством А. Н. Оленина и тесно связанного с его домом. В экспозицию включен и поступивший в 1980 г. рисунок художника де Буальи (?), выполненный в середине 1810-х гг., — семейный портрет Всеволодских (Всеволода Андреевича, Елизаветы Никитичны и их детей — Никиты, Александра и Марии). В музей поступили также выполненные по непосредственному указанию и, вероятно, по эскизам А. Н. Оленина бутафорские

<sup>1</sup> Научный консультант — доктор исторических наук, проф. С. С. Ланда, художник — Г. Г. Коган.

древнегреческие и древнеримские доспехи и оружие, предназначенные для манекенного класса Академии художеств и хранившиеся до недавнего времени в костюмерной Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Представлены на выставке и экспонаты из открывшегося благодаря последним поступлениям нового отдела хранения — отдела костюма. В числе наиболее интересных из этих экспонатов назовем офицерский мундир лейб-гвардии Павловского полка эпохи Николая I, мундиры преподавателей Академии художеств, фраки, сюртуки и дамские платья первой половины XIX в.

В числе других приобретений упомянем античное мраморное изваяние — голову Диониса (римская копия с греческого оригинала, II в.).

Значительно увеличилась музейная коллекция гравюр. Среди последних поступлений — «Умиравший Авель» Ф. И. Иордана с посвящением А. Н. Оленину, несколько работ М. Козловского на античные темы, «Бой при Красном» С. Карделли, виды Петербурга, портреты писателей, художников, общественных деятелей (М. Сперанского, С. Щедрина, М. Загоскина и др.).

Пополнился и фонд редкой книги. Большое количество книг передано музею Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотекой СССР им. В. И. Ленина; музей стал обладателем прекрасной подборки русской периодики XVIII—первой трети XIX в., библиотеки античной литературы на греческом и латинском языках, изданий европейских классиков XVIII—начала XIX в. Были приобретены также книги и журналы с первыми публикациями Пушкина («Воспоминания в Царском Селе», «Наполеон на Эльбе», «Пиковая дама», «Египетские ночи» и др.), несколько томов первого посмертного издания сочинений Пушкина под редакцией В. А. Жуковского, прижизненные издания сочинений Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова, И. И. Дмитриева, В. А. Озерова, А. А. Шаховского, М. Н. Загоскина, А. Е. Измайлова, И. И. Козлова, А. А. Марлинского, Н. М. Языкова, А. Х. Востокова, Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина и др.

Неоценимую помощь в создании экспозиции «Приютинно — усадьба пушкинской поры» оказали организаторам выставки их коллеги из ленинградских и московских музеев, Русского музея, музея Академии художеств, Эрмитажа, музея А. В. Суворова, Третьяковской галереи, Литературного музея, сотрудники различных архивов, а также ленинградские коллекционеры М. Е. Фролова, Н. В. Ростовцев, О. И. Рыбакова, М. Г. Мальцев, предоставившие им на временное хранение свои экспонаты.

*И. Х. Речицкий, В. М. Файбисович*

---

## ОТ ДОНЕЦКА ДО УХТЫ

(Сведения о некоторых памятниках Пушкину в СССР)

Как известно, в первых числах июня 1820 г. Пушкин проезжал по донецкой земле, направляясь в свою южную ссылку. В память об этом в одном из красивейших уголков центра Донецка, на бульваре Пушкина,



**Памятник Пушкину в Брянске  
(Бежицкий район).**



**Памятник Пушкину в Донецке.**



**Памятник Пушкину в Жданове.**

сооружен памятник великому русскому поэту (скульптор — Н. А. Гинзбург, архитектор — Я. И. Томилло). Бронзовый бюст Пушкина отлит на Рутченковском рудоремонтном заводе горного оборудования и установлен на постаменте из четырех прямоугольных блоков, облицованных плитами черного гранита. На лицевой стороне постамента — факсимиле Пушкина, ниже — даты его жизни. Высота бюста — 1,2 м; размеры постамента — 3,0×0,2×0,8 м.

Открытие памятника состоялось 14 июня 1969 г., когда отмечалось 170-летие со дня рождения поэта. Празднество это совпало с другим — столетием со дня основания города Донецка.

Памятник Пушкину в городе Жданове открыт в 1952 г. в парке культуры и отдыха им. А. А. Жданова. Высота железобетонного бюста поэта — 0,9 м, размеры постамента — 1,3×0,75×0,65 м. Изготовитель — Ждановские производственно-художественные мастерские художественного фонда УССР.

*В. П. Обухов*

---

Во «Временнике Пушкинской комиссии» на 1976 г. (Л., 1979, с. 171—172) упоминался памятник Пушкину в г. Брянске и была опубликована фотография этого монумента. Кроме этого памятника, в том же городе, в Бежицком районе, имеется еще один памятник Пушкину. Он был поставлен еще в то время, когда Бежица, нынешняя территория Бежицкого района, была самостоятельной административной единицей и не входила в состав города Брянска, т. е. до 1956 г. К сожалению, не удалось выяснить ни точной даты открытия памятника, ни имени его автора.

В г. Ухте (Коми АССР) также есть памятник Пушкину, сооруженный скульптором Бруни и установленный в центре поселка Чибью, как тогда назывался город, еще в 1937 г. Это самый северный из памятников Пушкину.

*Н. Н. Малов*

---

## ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1980 ГОДА

«Пушкин — гордость русской литературы» — под таким девизом в клубе Общества германо-советской дружбы Западного Берлина состоялся вечер поэзии.

*(«Правда», 5 февраля)*

В Москве начались реставрационные работы в доме № 53 по ул. Арбат, где со временем будет размещен мемориальный музей «Квартира А. С. Пушкина на Арбате».

*(«Вечерняя Москва», 13 февраля)*



На международном конкурсе политического плаката в Варшаве, посвященного дружбе и сотрудничеству народов СССР и ПНР, была присуждена премия ленинградскому художнику М. Гордону, автору плаката «Пушкин и Мицкевич».

(«Ленинградская правда», 14 февраля)

Состоялась премьера телевизионного моноспектакля артиста А. Адоскина «О Дельвиг мой!..» (режиссер — Л. Елагин, оператор — В. Качулин, художник — А. Ефремов).

(«Советская культура», 25 марта;  
«Литературная газета», 25 июня)

Артисты московского цыганского театра «Ромэн» внесли в свой репертуар старые песни, которые любил слушать Пушкин.

(«Вперед» (г. Пушкин), 12 апреля)

В свердловском Дворце молодежи состоялась премьера спектакля «Он между нами жил...», посвященного Пушкину. Постановка — режиссера Е. Агеевой. Спектакль подготовлен силами театральной студии под руководством В. Катаева.

(«Вечерний Свердловск», 12 мая)

В Центральном доме литераторов была поставлена литературно-документальная композиция, посвященная столетию со дня открытия в Москве памятника Пушкину работы А. Опекушина. Автор композиции — Д. Самойлов, режиссер — Д. Журавлев, исполнитель — Р. Крейнер.

(«Литературная газета», 28 мая)

1—7 июня прошел XIV Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, ознаменовавшийся торжествами в Москве и Подмоскowie, в Ленинграде и г. Пушкине, в Пскове и Михайловском, в Калининe и Бернове, в Горьком и Болдине, в Оренбурге, Тбилиси, в Северной Осетии, в Гурзуфе, на трассе БАМа и в других уголках страны. В программу Пушкинской недели в Москве входило: возложение цветов к памятнику Пушкину, научная конференция в Государственном музее А. С. Пушкина, литературные вечера в Центральном доме литераторов, в Центральном доме актеров, в Центральном доме работников искусств, пушкинские спектакли в театрах сто-

лицы, более 20 концертных программ, народное гуляние в ЦПКиО имени Горького, торжественный вечер в Зале им. Чайковского.

*(«Московская правда», 1 июня;  
«Правда», 2 июня; «Известия», 3 июня; «Сельская жизнь», 3 июня; «Литературная газета», 4 июня; «Советская культура», 6 июня; «Литературная Россия», 6 июня)*

Состоялись премьеры телевизионных фильмов «Пушкин и Пушкин» (автор сценария и ведущий — Н. Эйдельман, режиссер-постановщик — М. Голдовская, художник — Ю. Иванов, стихи читает А. Демидова; творческое объединение «Экран») и «Наш Пушкин» (режиссер — В. Виноградов; Ленинградская студия телевидения).

*(«Комсомольская правда», 4 июня;  
«Советская культура», 10 июня;  
«Правда», 4 августа)*

Состоялась премьера трехсерийного телевизионного фильма «Маленькие трагедии». Сценарист и режиссер фильма — М. Швейцер, художник-постановщик — В. Филиппов, оператор — М. Агранович, композитор — А. Шнитке. В ролях: Н. Кочегаров (Мефистофель), И. Калныньш (Фауст), С. Юрский (Импровизатор), Г. Тараторкин (Чарский), Н. Данилова (Зинаида), И. Смоктуновский (Сальери и Барон), В. Золотухин (Моцарт), Н. Бурляев (Альбер), А. Леонтьев (Соломон), В. Высоцкий (Дон Гуан), Н. Белохвостикова (Дона Анна), М. Алимова (Лаура), А. Трофимов (Вальсингам), С. Переладова (Мери).

*(«Советская культура», 8 июля; «Советская Россия», 9 июля; «Горьковский рабочий», 21 июля; «Литературная газета», 6 августа)*

Перед зданием Кировоградского пединститута установлен бюст Пушкина, созданный скульптором А. Мадиевским.

*(«Правда Украины», 17 июля)*

В Николаевском областном театре кукол состоялась премьера спектакля «Сказка о попе и о работнике его Балде», выполненного в жанре скоморошьей потехи (режиссер-постановщик — И. Штерн, художник — А. Буйненко, композитор — А. Быканов).

*(«Южная правда», 23 июля)*

В Государственном музее-заповеднике А. С. Пушкина (г. Пушкинские Горы Псковской обл.) прошли традиционные Пушкинские чтения при участии сотрудников пушкинских музеев Москвы и Ленинграда, а также Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

*(«Советская Россия», 21 августа)*

В Союзе писателей Молдавии состоялись Пушкинские чтения, посвященные 160-летию прибытия Пушкина в Кишинев.

(«Литературная газета», 8 октября)

Состоялась премьера комических сцен Д. Шостаковича «Сказка о попе и о работнике его Балде» в Ленинградском Малом театре оперы и балета (автор либретто — С. Хентова, режиссер-постановщик — А. Петров, дирижер — В. Кожин, балетмейстер — Н. Боярчиков, хормейстер — М. Травкин, художник — А. Коженкова, в ролях — артисты В. Панкратов, В. Кочкин, Е. Устинова, С. Волкова, С. Сафенин, М. Калиновский).

(«Советская культура», 17 октября;  
«Ленинградская правда», 9 декабря)

В Московском театре кукол состоялась премьера спектакля «Руслан и Людмила» (режиссер — Е. Образцова, композитор — И. Шахов, художник — М. Артемьева).

(«Московская правда», 30 декабря)

---

## СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Видение Рафаэля. Иллюстрация в книге бр. Ф. и И. Рипенгаузен (Rippenhausen) «Жизнь Рафаэля» (Vita di Raffaello da Urbino. Roma, 1833). (С. 8).
2. Смерть Рафаэля. Иллюстрация в книге бр. Ф. и И. Рипенгаузен (Rippenhausen) «Жизнь Рафаэля» (Vita di Raffaello da Urbino. Roma, 1833). (С. 9).
3. Фрагмент гравюры на меди Симона Томассена с картины Рафаэля «Преображение» (1680). (С. 19).
4. Е. А. Баратынский. Автопортрет и автограф стихотворения «Хотите ль знать все таинства любви...» (С. 39).
5. А. С. Пушкин. Письмо к А. А. Бестужеву. Черновой автограф. (С. 40).
6. А. С. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом. Автограф. (С. 43).
7. Рисунки Пушкина на черновом автографе его статьи о Баратынском. (С. 45).
8. Портрет А. П. Кутайсовой в молодости. (С. 139).
9. Памятник Пушкину в Мадриде. (С. 165).
10. Памятник Пушкину в Брянске (Бежицкий район). (С. 180).
11. Памятник Пушкину в Донецке. (С. 180).
12. Памятник Пушкину в Жданове. (С. 181).

## **К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ ВО «ВРЕМЕНИК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ»**

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, отпечатанными на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошной по всей статье.

2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения могут вноситься в корректуру только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми научными данными.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: фамилию и инициалы автора, название работы, название и номер издания, место и год издания, номера страниц. При повторном упоминании работы в сносках дается сокращенное ее название (сокращение «указ. соч.» или «op. cit.» не допускается).

5. Тексты сочинений и писем А. С. Пушкина цитируются по полному собранию его сочинений в 16 томах (1937—1949). Ссылки на это издание делаются с помощью римских и арабских цифр (см. с. 4 настоящего издания).

6. Ссылки на автографы А. С. Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, даются сокращенно (см. там же).

7. Крупнейшие архивохранилища обозначаются сокращенно: ГБЛ (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва), ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического архива, Москва), ГПБ (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград), ПД (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Ленинград), ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва), ЦГАОР (Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва), ЦГАДА

(Центральный государственный архив древних актов СССР, Москва), ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив, Москва), ЦГИА (Центральный государственный исторический архив, Ленинград) и т. п. За этими обозначениями следуют архивные шифры.

8. Фотографии представляются в двух экземплярах, отпечатанными на глянцево́й бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводится подпись к каждой иллюстрации, указывается местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер.

## СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие . . . . .	3
<b>I, МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ</b>	
Г. М. Кок а. Стихотворение Пушкина «Недоконченная картина» . .	5
Послесловие Е. А. Ковалевской . . . . .	16
С. А. Фом и ч е в. «Сцена из Фауста». (История создания, проблематика, жанр) . . . . .	21
В. Г. За г в о з к и н а. Баратынский в рисунках Пушкина . . . . .	37
Л. С. Сидяков. О статье Пушкина «Денница». (К спорам о Пушкине и Тютчеве) . . . . .	47
<b>II, ОБЗОРЫ</b>	
В. В. За й ц е в а. Пушкиниана 1980 года . . . . .	53
В. В. Головин. Новейшие публикации автографов Пушкина . . .	73
<b>III, ЗАМЕТКИ</b>	
Е. В. Чубукова. «Амур и Гименей». (Творческая история лицейской сказки Пушкина) . . . . .	83
В. Я. Рогов. Когда Пушкин впервые прибыл в Пятигорск? . . . .	94
П. М. К а з а н ц е в. Пушкин и Всеволожские. I. Кто такой «крошка Всеволодчик»? II. Сашенька . . . . .	96
Ю. П. Фесенко. Пушкин и Грибоедов. (Два эпизода творческих взаимоотношений). I. Пушкинский отзыв о «Горе от ума». II. Грибоедовская тема в «Путешествии в Арзрум» . . . . .	101
В. С. Листов, Н. А. Тархова. Труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого <...>» в кругу источников трагедии «Борис Годунов» . . . . .	113
Я. Л. Левкович. К датировке перевода Пушкина из «Конрада Валленрода» Мицкевича . . . . .	118
С. А. Фомичев, Е. Я. Курганов. Из реального комментария к поэме «Домик в Коломне» . . . . .	122
Ю. И. Левина. Из болдинской биографии Пушкина. I. «Знаете ли вы эту книжицу Голицыну?». II. «У соседки его по селу Болдину» (Пушкин и Кротковы) . . . . .	127
А. И. Белый. «...завтра еду к Яицким казакам...» . . . . .	134
Л. А. Черейский. Об адресате одной записки Пушкина . . . .	138

С. А. Ошеров. Об источнике эпиграммы Пушкина «Юноша! Скромно пируй...» . . . . .	141
Н. П. Прожогин. Кто помогал Бочелле переводить Пушкина? . . . . .	142
С. Г. Гуткевич. Из некрополя пушкинского окружения . . . . .	144
Н. С. Нечаева. Московская Пушкинская выставка 1880 г. (По материалам архива Л. И. Поливанова) . . . . .	146
Г. А. Тиме, Р. Ю. Данилевский. Новый перевод «Евгения Онегина» на немецкий язык . . . . .	155
В. Е. Багно. К теме «Пушкин в Испании». (Новые материалы) . . . . .	163

#### IV. ХРОНИКА

Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1980 г. . . . .	169
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1980 г. . . . .	172
Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области в 1980 г. . . . .	176
Выставка «Приютино — усадьба пушкинской поры» . . . . .	178
От Довца до Ухты. (Сведения о некоторых памятниках Пушкину в СССР) . . . . .	179
По страницам газет 1980 года . . . . .	182
Список иллюстраций . . . . .	186
К сведению авторов, присылающих свои статьи во «Временник Пушкинской комиссии» . . . . .	187

#### ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ 1980

*Утверждено к печати  
Отделением литературы и языка  
Академии наук СССР*

Редакторы издательства Г. Ю. Бергельсон и Н. С. Зюкова  
Художник Д. С. Данилов  
Технический редактор М. Н. Кондратьева  
Корректоры Г. И. Суворова и Г. И. Тимошенко

ИБ № 20734

Сдано в набор 18.02.83. Подписано к печати 21.07.83,  
М-4126. Формат 60 × 90<sup>1/16</sup>. Бумага типографская № 2.  
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ.  
л. 12. Усл. кр.-отт. 12,25. Уч.-изд. л. 14,23. Тираж 31350,  
Тип. зак. № 122. Цена 90 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.  
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени  
Первая типография издательства «Наука».  
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.



**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»  
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ  
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»**

Для получения книг почтой  
заказы просим направлять по адресу:

**117192 Москва, В-192, Мичуринский пр., 12.**

Магазин «Книга — почтой»  
Центральной конторы «Академкнига»;

**197345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7.**

Магазин «Книга — почтой»  
Северо-Западной конторы «Академкнига»;

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);  
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;  
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);  
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);  
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;  
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;  
252030 Киев, ул. Ленина, 42;  
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;  
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;  
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);  
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);  
543900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;  
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;  
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);  
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;  
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;  
199034 Ленинград, 9 линия, 16;  
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);  
103009 Москва, ул. Горького, 8;  
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;  
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;  
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);  
142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1;

620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);  
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;  
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;  
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);  
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;  
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга— почтой»);  
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;  
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);  
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).